

ГЕОРГИЙ
ВАЙНЕР

РАЙСКИЙ САД
ДЬЯВОЛА

18+

PREMIUM

Азбука Premium. Русская проза

Георгий Вайнер

Райский сад дьявола

«Азбука-Аттикус»

1988, 2003

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Вайнер Г. А.

Райский сад дьявола / Г. А. Вайнер — «Азбука-Аттикус», 1988, 2003 — (Азбука Premium. Русская проза)

ISBN 978-5-389-23074-3

Знаменитые братья Вайнеры, авторы культовой книги «Место встречи изменить нельзя», иногда писали и поодиночке – и ничуть не хуже! Роман «Райский сад дьявола» (2003) Георгия Вайнера рассказывает о милицеских буднях в девяностых годах. Сергей Ордынцев, знакомый читателю по книге «Умножающий печаль», вспоминает времена, когда он возглавлял спецотдел «Дивизион» и потерял на задании одного из своих сотрудников – Валерия Ларионова. И началась долгая погоня, распутывание сложнейшего клубка связей, интересов, поиск преступников всех мастей из разных концов мира и слоев общества – от самого верха до самых темных низов... В книгу включена также небольшая повесть «Бес в ребро» (1989) – история про любовь, хотя и с традиционным для Вайнеров «криминальным» сюжетом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-23074-3

© Вайнер Г. А., 1988, 2003
© Азбука-Аттикус, 1988, 2003

Содержание

Райский сад дьявола	6
Пролог. Прогноз на вчерашний день	6
1. 95-й год, последняя степень защиты	21
2. Москва. Товарный двор Курского вокзала	23
3. Служебная записка	26
4. США. Нью-Йорк. Аэропорт Джона Ф. Кеннеди. Терминал «Дельта»	27
5. Москва. «Дивизион». Ордынцев	32
6. Нью-Йорк. Аэропорт Дж. Ф. Кеннеди – магистраль Ван-Вик	35
7. Будапешт. Речной вокзал «Маргит». Хэнк Андерсон	37
8. Франция. Лион. Рю Шарль де Голль, 200	39
9. Нью-Йорк. Стивен Дж. Полк	40
10. Москва. «Дивизион». Ордынцев	42
11. Нью-Йорк. Департамент полиции. Полис-плаза, 1. Стивен Полк	45
12. Будапешт. Хэнк Андерсон. Путь наверх	47
13. Москва. Ордынцев. Разборка «хонды»	50
14. Нью-Йорк. Департамент полиции. Полис-плаза, 1. Стивен Полк	53
15. Москва. Ордынцев. Гараж	57
16. Москва. Бутырская тюрьма. Полночь	61
17. Вена. Хэнк Андерсон. Отель «Цум Кёниг»	66
18. Нью-Йорк. Департамент полиции. Полис-плаза, 1. Стивен Полк	73
19. Москва. Ордынцев. Морг	76
20. Москва. Житная, 16. МВД России	78
21. Хэнк. Возвращение на курорт во Флориде	82
22. Вена. Синагога «Бет шалом»	86
23. Нью-Йорк. Стивен Полк. Много неясного...	91
24. Москва. Ордынцев. «Дивизион»	96
25. Москва. Джангиров. Встреча	98
26. Флорида. Хэнк. Возвращение к жизни	101
27. Москва. Майор Швец	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Георгий Вайнер

Райский сад дьявола

© Г. А. Вайнер (наследники), 2003

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство
Азбука®

Райский сад дьявола

Видел я трех царей. Первый отругал мою няньку и снял с меня шапку за то, что не поприветствовал его. Второй сослал меня в две ссылки. С третьим стараюсь подружиться. Не дай Бог... идти моим путем и ссориться с царями.

А. С. Пушкин (из письма к жене, 1834 г.)

Пролог. Прогноз на вчерашний день

– Жди! – доброжелательно-снисходительно сказал мне помощник министра Коновалов и еле заметно подмигнул, чуть смежив пронзительное око ласкового нахала и неукротимого прохиндея. Вообще-то, ему здесь не место – Коновалова надо содержать в Парижской палате мер и весов, где он с одного взгляда безошибочно определял бы удельный вес визитеров, их ценность и вектор карьерного движения – вверх или вниз.

– Не знаешь – ждать долго? – спросил я.

– А кто ж это может знать? – засмеялся Коновалов и кивнул на министерскую дверь. – Не царское это дело – поверять нам, винтикам-болтикам, свои тайны... Ты тут лишнего не отсвечивай, иди покури пока, я тебе свистну...

Коновалов отправился в кабинет министра, и на лице его были одновременно запечатлены державная озабоченность и готовность выполнить любое задание родины. Или его шефа. Этакая усталая и бодрая скорбь всеведущего столоначальника – «счастливые столов не занимают!». Сейчас он будет подъялдыкивать при решении моей судьбы. Наверное, это и есть царское дело – решать чужие судьбы.

А я отправился погулять в коридор, уныло раздумывая о том, что ни одного царя видеть мне не довелось. Зато я знал двенадцать министров. Честное слово! Двенадцать министров внутренних дел. Ох, недюжинные были ребята!..

Я вспоминал их, глядя на огромную гранитную стелу в небольшом холле, как бы мемориальной прихожей перед приемной министра. На полированном винно-красном лабраторе были узорно выведены золотыми письменами их незабываемые имена. Конечно, имена не только этих двенадцати всегда чем-то разгневанных мужчин, которых я знал лично, а всех пятидесяти восьми верховных охранителей общественного порядка в нашей беспокойной державе за последние двести лет.

Начиная с Виктора Павловича Кочубея, заступившего на боевую вахту в сентябре 1802 года, – внука того самого знаменитого Кочубея, на которого так ловко слил компромат коварный и сластолюбивый гетман Мазепа. Пришлось тогда нашему крутому и мнительному государю Петру Алексеевичу замочить Кочубея наглухо – не министра, конечно, а его деда, который был богат и славен, хочь убей. Потом царь, естественно, очень огорчился, что подверг своего верноподданного полковника необоснованным репрессиям, даже через комиссию по реабилитации выхлопотал ему полное оправдание, да только голова не шапка – снявши, не воротишь.

Вот и пошло с тех пор, поехало! Выяснилось неожиданно, что для такой нормальной штуки, как поддержание правопорядка в стране, а попросту говоря – проживания людей в мире и согласии, да еще при полном благоволении во человецех, надо валдохать народонаселение по черному, и совершенно нет никакой возможности поддерживать этот долбаный общественный порядок без кнута и плахи, без острогов и расстрелов, без стукачей и держиморд!

И министры наши, знатоки внутренних органов Российской империи, главные генерал-полицеймейстеры, души голубиные, взяли на себя эту ношу неподъемную. Совестью порадели, и умом потрудились, и сердцем намаялись они, работая с людишками нашими каторжными, которых и дубьем по башке не отучишь пить, воровать, бесчинствовать и душегубничать.

Но за короткий срок – всего-то век с небольшим – выяснилось, что в конструкции этого манкого, вожделенного кресла, щедро декорированного золотом погон, сиянием орденов, суетой холуев, денежным достатком и громадной, просто ни с чем не сравнимой властью, заложена какой-то странный, подлый, противный порок – оно существовало по законам балаганного аттракциона «Колесо смеха». Всегда вначале было почетно, приятно и весело, но каждый день колесо крутилось все быстрее, и на его скользкой от крови и слез горизонтали все труднее было удержаться – сановник неостановимо сползал к закраине вертящегося политического круга, к пропасти, позору, гибели и забвению, и не за что было уцепиться, и веселое колесо страшного бытия незаметно и неостановимо перемалывало смех в плач.

То грозная царская опала, то бомбы народовольцев, то ворошиловский стрелок Богров превращает оперный театр в учебный тир. И дольше века длилась эта жуть – пока не пришла, слава богу, советская власть!

Тут министров – царских сатрапов, кровавых палачей, опричников проклятых – срочно переименовали в народных комиссаров. И они, народом вознесенные и призванные все тот же долбаный общественный порядок поддерживать, наконец-то хоть душой отдохнули – никакой неопределенности, никаких тайн бытия и загадок туманного будущего. Они об этом и не помышляли, как камикадзе о персональной пенсии. Дело было поставлено надежно – каждого министра должно было со временем убить как врага народа.

Ничего не попишешь – лес рубят, как говорится, щепки летят. Наверное, наркомы ошибочно предполагали, что на этой внушительной лесосеке они и есть героические лесорубы, а полет щепок, за которыми уже и самого леса стало не видно, и есть воплощение общественного порядка, которого почему-то наше трудное неговорчивое население по-прежнему не хотело придерживаться. Песню даже придумали популярную: «Э-ге-гей, привычны руки к топорам!..»

Смешно – гранитная плита на паркете, золотые письма на ней, последнее упоминание о старательных министрах – железных дровосеках. Какое пафосное надгробие, какой величавый памятник людям, у которых нет могилы, нет праха, чьи имена прокляты.

Ягода (Ягуда) Генрих Григорьевич.

Ежов Николай Иванович.

Берия Лаврентий Павлович.

Его партии пришлось одернуть, строго покритиковать и, мягко намекнув на некоторые заблуждения, тоже – извините! – расстрелять. После Берии министров больше не казнили. Конечно, в тюрьму – при некоторых нарушениях – это запросто! Или если решил сам на себя руки наложить, с перепугу там или от угрызений совести, – пожалуйста! Вольному – воля, спасенному – не скажу чего...

Короче, у меня, веселого, жизнерадостного лейтенантика-идиотика, принимал присягу уже великий министр – Николай Анисимович Щелоков. Он просидел на своем месте шестнадцать с половиной лет – почти столько же, сколько потом довелось всем вместе его одиннадцати преемникам и местоблюстителям.

Всю эту недобрую дюжину дюжих крутых мужиков я видел в разных обстоятельствах и ситуациях, я слышал и слушался их, я выполнял их государственные приказы и личные указания, они поощряли меня или давали строгий укорот, они вершили мою судьбу, указывая мне, где и каким образом я должен укреплять правопорядок в стране. И за ее пределами.

И я укреплял.

Наверное, у меня мания величия, но я утверждаю, что двенадцать министерских карьер вместились в мою куцую и неубедительную служебную биографию. Но главная глупость сиюминутного моего стояния перед мемориальной стелой в том, что последней строчкой в том златорубленном списке должно было сиять мое имя! Совсем недавно мне это твердо обещал мой друг – всемогущий магнат Серебровский. Это было два министра назад. Он так и сказал – следующим будешь ты!

Правда, он не поинтересовался тогда спросить, что я думаю по поводу такого роскошного предложения. И правильно сделал – кто же это в здравом уме и твердой памяти не захочет порулить общественным порядком на одной шестой суши?

Но не получилось. Как говорится, факир был пьян – и фокус не удался. Кризис, дефолт, падшие, как девушки, правительства. Бегство капитала, который бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от российского двуглавого орла. Все смешалось в доме Обломовых – кони, люди, реформаторы и коммуняки. Крах, обвал, завал, полный отпад.

В сухом остатке: Серебровский – в каких-то заоблачных, плохо просматриваемых финансовых эмпиреях, я – в мемориальном предбаннике, а в кабинете министра – абсолютно другой, не я, малознакомый и строгий мужчина. Не знающий, к счастью, что в его кресле сейчас должен был бы сидеть я. Он бы мне тогда показал кузькину мать!

И Коновалов, демонстрирующий министру высший уровень почтительности – он шаркает обеими ножками сразу, – слава те господи, тоже не знает, что мог бы сейчас быть моим помощником. А то бы не говорил мне товарищески-грубовато, přátельски-хамски:

– Ну, давай шагай... Можно...

«...Я, Ордынцев Сергей Петрович, 1962 г. рождения, подполковник милиции, общий стаж службы 21 год 4 месяца 12 дней, откомандированный на должность старшего офицера Управления криминальной разведки Международной организации уголовной полиции (Интерпол), прошу уволить меня из органов внутренних дел...»

Министр неодобрительно хмыкнул и спросил недоверчиво:

– Каким же это макарон ты себе такой стаж накачал? Тебя что, в милицию сыном полка взяли?

– Пасынком, – смирно ответил я. – А стаж мне кадровики накачали – за участие в боевых действиях в Афганистане. Про нас, ментов-афганцев, был специальный приказ вашего предшественника министра Бакатина... Давно это было...

– Угу, – покивал он значительно державно-государственной головешкой. – Помню, помню... Но дать тебе, Ордынцев, пенсию по боевой травме не могу – у тебя инвалидности нет... Не обессудь...

Тут и я вздохнул тяжело, а молвил мягко:

– Ну, не можешь – не надо... Я понимаю, тебе порядок нарушать нельзя... Раз не полагается, значит обойдусь как-нибудь... Ты это не бери в голову...

Он от удивления глаза выпучил – с того дня, как он впервые перешагнул порог этого кабинета, никто не сказал ему панибратского «ты». Великая привилегия сановника говорить всем «ты», твердо зная, что «я» – это «мы», что меня – много, что «я» – держава, власть, сила, и обращаться ко мне надлежит только на «вы», и любая попытка «тыканья» есть не просто нарушение субординации, а оскорбление национального достоинства и покушение на государственный престиж.

Покачал он головой и сказал удивленно:

– А мне звонили о тебе достойные люди... Сказали, что ты неплохой парень... Толковый...

– Люди – злы! Обманули... – вздохнул я.

– Ладно! – махнул он рукой. – Последний вопрос: что ты можешь сказать об обстоятельствах убийства жены Александра Игнатьевича Серебровского?

– А что я могу сказать? Я ведь там случайно оказался! – развел я беспомощно руками. – Когда я приехал, она уже была мертва...

– Я понял, – снова кивнул он. – А Константина Бойко кто вывез отсюда?

– Кота? Бойко? – безмерно удивился я. – Откуда мне знать? На месте убийства я видел его мельком... Но там такая кутерьма была, что я сразу потерял его из виду... Больше Бойко я не видел, где находится – не знаю. И он мне ни разу с тех пор не звонил...

– Я понял, – опять повторил министр и долго задумчиво смотрел на меня. Потом сказал ровным голосом: – Подпиши заявление, проставь дату...

Я расписался и число поставил, протянул лист, прикрыл глаза, скрестил под столом пальцы и молча завопил: «Господи Всемогуший! Сделай так, чтобы это было последним распоряжением по службе! Я ведь отдал ей всю свою непутевую, бестолковую жизнь!»

И ничего не услышал в ответ. Сыто сопел кондиционер, поскрипывало золотое перо в руке у министра.

Зачем он меня вызывал? Взглянуть лично на отвязного дурака, за которого ходатайствуют невероятно достойные люди? Боюсь, мне этого не узнать никогда. Да и не нужно мне это теперь.

Левый угол моего заявления перекрыла размашистая косая резолюция: «Вывести за штат, с сохранением в действующем резерве».

– А я думал – «с наслаждением!».

– Что – с наслаждением? – не понял министр.

– Резолюция на рапорте об увольнении... Одному знакомому написали...

– Свободен! – коротко, душевно, исчерпывающе сообщил министр.

Вышел я оглушенно в приемную, и Коновалов, наверное, впервые в жизни промашку сделал – радостно, с ожиданием спросил:

– Как? Что сказал?

– Сказал, что я свободен...

РОССИЯ, МОСКВА, МВД РФ, 16 СЕНТЯБРЯ 1998 г.
УПРАВЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ АППАРАТА
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Доступ к делу разрешен:

Министру внутренних дел России.

Начальнику Управления собственной безопасности.

Инспектору-куратору Управления.

Справка особого учета и проверки

служебно-должностного и личного поведения

на

ОРДЫНЦЕВА СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА.

Справка составлена по указанию

Министра внутренних дел РФ.

Изготовлена в одном экземпляре.

Ордынцев Сергей Петрович родился 12 февраля 1962 г. в г. Нью-Йорк (США) во время долгосрочной заграникомандировки его родителей по линии Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба Советской Армии. Отец Ордынцева С. П., полковник ГРУ Ордынцев П. Н., работал в Соединенных Штатах Америки в торговом представительстве СССР, а затем

в составе консульской группы Постоянной миссии СССР при ООН с июня 1960 г. по март 1969 г., после чего был отозван в Москву и переведен на другую работу. В том же году брак с гр-кой Ордынцевой Н. А. он расторг и участия в воспитании сына Сергея не принимал, ограничиваясь выплатой алиментов.

С. П. Ордынцев окончил Высшую школу милиции МВД СССР в 1982 г. Последовательно занимал должности инспектора, оперуполномоченного уголовного розыска 83-го отделения милиции, зам. начальника отдела уголовного розыска Фрунзенского райотдела милиции г. Москвы.

В 1988 г. С. П. Ордынцев был откомандирован для выполнения спецзадания в Узбекистан, а затем в Афганистан, по завершении которого был возвращен на должность ст. оперуполномоченного Главного управления уголовного розыска МВД СССР в 1991 г.

Принимал активное участие в операциях по перехвату больших партий наркотиков и особо ценной контрабанды из Афганистана в страны Западной Европы через территорию СССР и в борьбе с коррупцией в верхних эшелонах власти в Таджикистане и в «генеральской группе» в Герате (Афганистан).

В 1992–1995 гг. возглавлял в составе Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД России особое подразделение, именуемое «Дивизион». Функции «Дивизиона», его статус и задачи перечислены закрытым приказом министра внутренних дел России от 8 апреля 1992 г.

В 1995–1998 гг. был откомандирован на работу в штаб-квартиру Международной организации уголовной полиции (Интерпол) в г. Лион, Франция. В Интерполе специализировался на борьбе с международной организованной преступностью. Владеет свободно английским, бегло говорит на французском языке. Иностранные языки усвоены в детстве во время проживания с родителями в США и закреплены, по-видимому, матерью – преподавателем английского языка.

В августе 1998 г. С. П. Ордынцев был отозван из Интерпола и выведен за штат министерства в связи с невыясненными обстоятельствами гибели гражданки Серебровской Марины Алексеевны. По устному указанию министра внутренних дел РФ служебного расследования в отношении С. П. Ордынцева не производилось.

Подполковник С. П. Ордынцев – сильный и грамотный работник. Процент раскрываемости преступлений разрабатываемых его группой дел был стабильно высок. Ордынцев располагает плотной и эффективной сетью агентуры. Агенты работают на него под угрозой компромата, за материальное вознаграждение и на «деловых связях».

Подполковник С. П. Ордынцев имел два строгих выговора в приказах и устное предупреждение об отстранении от должности за различные нарушения, допускаемые им лично и его сотрудниками в работе.

С. П. Ордынцев женат, но, по имеющимся сведениям, с женой не живет. Имеет ребенка, сына Василия девяти лет. В настоящее время семья Ордынцева находится во Франции, в г. Лион – по месту последней службы мужа. Жена, Разлогова Ирина Константиновна, 1966 г. рождения, до командировки мужа в Интерпол преподавала литературу и русский язык в 6–7 классах школы № 610 г. Москвы. Разлогова – морально выдержана, характеризуется администрацией, соседями и агентурой положительно.

Поведение Ордынцева регулярно проверялось надзорными службами Управления собственной безопасности МВД – периодическим телефонным аудиомониторингом и наружным наблюдением.

По имеющейся информации, Ордынцев в настоящее время сожительствует с гр-кой Остроумовой Еленой, 1975 г. рождения, сотрудницей аппарата холдинга «РОССиЯ». Связи С. П. Ордынцева с другими женщинами не установлены. Вне работы много употребляет алкоголя, пьянеет медленно. По сообщениям «смежных» агентов, внеслужебных связей практически не поддерживает, профессиональных разговоров вне работы не ведет никогда. Компрометирующих контактов не зафиксировано.

По донесению агента «Селиванова», хорошо играет во все виды карточных игр, но играет очень редко и всегда выигрывает, с точки зрения агента – за счет знания шулерских приемов. Достоверность донесения проверить не представилось возможности.

Имущественно-накопительских интересов не проявляет, хотя хорошо разбирается в дорогих произведениях искусства, антиквариате и монетарно-ювелирном золоте.

Физически подготовлен хорошо, владеет основными системами рукопашного боя. Имеет шесть пулевых ранений, однако инвалидность оформлять отказался. Военно-медицинской комиссией признан к прохождению службы годным.

Награжден орденами «За личное мужество» (1994 г.), Красного Знамени (1990 г.), Красной Звезды (1989 г.), многочисленными медалями и знаками отличия.

С. П. Ордынцев агрессивен, характер – замкнутый, скрытен. Лично честен, порочащих его моральных фактов не имеется. В общении с людьми груб и высокомерен, с начальством дерзок, по отношению к подчиненным требователен до жестокости. Необходимо отметить его ненависть к служебной субординации, неумеренное самомнение, регулярно выражаемое в крайне неуважительных выражениях в адрес руководства министерства и всей страны.

Резюме:

Подполковник С. П. Ордынцев является высокоэффективным оперативно-разыскным работником.

Однако он морально негибок, трудноуправляем в сложных этических обстоятельствах и для выполнения особо конфиденциальных заданий непригоден.

Инспектор-куратор УСБ МВД РФ

подполковник внутренней службы

Г. Коренной

Я не уверен, что всякий мужик слышал от своей жены озаренные страстью, придушенные волнением слова: «Как я тебя люблю!» Но нет на земле супруга, которому однажды нежная спутница жизни не сказала бы проникновенно: «Ты сломал мою жизнь...» Супружеская верность подобна воинской присяге – она пожизненна, непрерывна, и никакие объяснения по поводу преходящности чувств, времени да и самой нашей жизни не рассматриваются в принципе.

Еще не дослушав меня, Ира сказала патетически-печально:

– Ты сломал мою жизнь...

По телефону я слышал, как в ее голосе сочится влага, сырая вода булькает в носу. Я знал, что это ненадолго. Сейчас она передохнет, освоится с ситуацией, и пламя гнева бесследно высушит эти незначительные осадки.

– Значит, я так понимаю – тебя вышибли с работы, а ты вышиб меня с ребенком! Так я понимаю, дорогой мой перпетуум-кобеле?

– При чем здесь работа? – удивился я. – Я подал рапорт об отставке сам...

– Но я рапорт об отставке тебе не подавала! – крикнула Ира. – Ты думаешь, я не знаю, что ты завел себе бабу? Молодую длинную суку!..

– Остановись, Ира, – смиренно попросил я. – Не нужно это...

– А что нужно? – все сильнее заводилась она. – Угрохала целую жизнь на морального уроду! Даже разойтись с женой по-людски не может! Это ты, проходимец, неплохо придумал – по телефону разводиться! Он меня по телефону уведомляет! По междугородке! По международной! Жизнь у него зашла в тупик, видите ли! А ты обо мне подумал? Ты о нас с Васькой подумал, когда в койку со своей подстилкой укладывался? Твой тупик у нее между ног кончается!!!

Моя жена Ира – гений скандала. Она знает массу изысканных поворотов для усиления душевных травм, она – виртуоз форсирования обид, маэстро обертонов ссоры. Но сейчас она кричала без души – она отрабатывала номер, она знала, что мы не скандалим и не ссоримся, как это происходило тысячу раз в прежней жизни.

Мы расходились. Разошлись. Разъединились. Мы перестали давно быть единой плотью, мы отделились. Похоже, навсегда. Мы уже давно чужие.

Я положил трубку аккуратно на диван – она гулко бурчала, подпрыгивала от Иркиной ленивой равнодушной ярости, а сам пошел к буфету, налил виски в толстый стакан, бросил пару кусочков льда, отрезал себе половинку лимона, прихлебнул, закусил и покорно вернулся на место телефонной экзекуции. Сейчас главное – не мешать ей укрепиться в роли безвинной жертвы, выходящей горестно и достойно из жизненной катастрофы, в которую она ввергнута моим бытовым идиотизмом и патологической похотливостью. Страдательный залог.

Вообще-то, я и сейчас к ней хорошо отношусь. Она неплохая, веселая баба. Чужая. Хорошо бы, конечно, предложить ей остаться друзьями. Это ведь действительно замечательно – и дальше дружить с неплохой, веселой, чужой бабенкой, с которой у тебя есть сын. Только предлагать боязно – убьет! Сейчас, по ее нехитрой драматургии свары, мы не должны оставаться друзьями, а обязаны расставаться врагами. Как можно не быть врагами – с вероломным гадом, сломавшим ее жизнь и предавшим пожизненный патриотический долг!

Трубка буркотела, подзванивала от обиды, тихонько ползала по дивану. А я сосал вискаря, закусывал ослепительно кислым лимоном и думал о том, как быстро промелькнула наша общая жизнь.

Потом трубка замолкла, я быстро схватил ее в руки и печально сказал:

– Да-а...

– Что «да»? Что ты молчишь как замороженный?

– А что я тебе могу сказать?

– Естественно! Ему и сказать нечего! Но запомни одно – так не будет, чтобы у тебя все было хорошо, а у меня все плохо!

Я сказал как можно мягче:

– Ира, у меня вовсе не все так хорошо, а у тебя не все так плохо...

– Замолчи!.. – Трубка звенела пронзительно, как электропила. Я осторожно устроил ее на диванную подушку и вновь отправился за выпивкой. Главное, чтобы телефон не разлетелся вдребезги от ее крика – она мне этого никогда не простит, скажет, что я назло разбил трубку.

Не стоит сейчас ее сердить.

На языке оседала нежная гарь кукурузного самогона, бился телефон, как припадочный, я рассматривал через окно грустную закатную полуду неба и вспоминал, как много лет назад подобрал свою любимую в ломбарде. На Пушкинской.

Она там серебряные ложки сдавала. А я там высматривал подружку вора Леши Коломенцева – долговязую хипесницу Таньку по прозвищу Коломенцева Верста. В длинной очереди перемогающихся в нищете граждан Таньку я не нашел, а углядел свою нареченную, суженую мне на небесах акварельно-прозрачную подругу, похожую на литовскую студентку-отличницу.

В уличной кадрежке первое дело – сразу ярко заявить себя как человека могущественного. В те поры на моей территории бушевала подпольная книжная толкучка, все «жучки» – букеры были под контролем, и я сказал небрежно Ирке, что достану ей за номинал, за два рубля, Мандельштама.

– О-о, оба-а-ажая! – сказала она.

Я предложил после ломбарда пойти в пивной бар неподалеку – там нас угостят свежим пивом и креветками.

– О-о, оба-а-ажая! – сказала она.

Потом мы пили холодное бархатное пиво, прикладываясь к бутылке андроповской водки «Экстра», именуемой трудящимися из-за безобразной этикетки «Коленвал», – это мне в виде мелкой взятки прислала художественный руководитель пивной Гинда Михайловна, которую мы из уважения называли Гнидой Михалной. А я объяснял Ирке, что, несмотря на службу в ментовке, я – интеллигент, либерал и демократ, и чем больше будет таких людей в силах правопорядка, тем скорее победит демократия. При этих словах Ирка говорила:

– О-о, об-а-а-ажая!

Потом мы пошли пешком по бульварам ко мне домой на улицу Воровского, я непрерывно вещал какую-то возвышенную мракобесную чепуху, и все ее реплики и реакции в разговоре были похожи на вопли страсти в коитусе.

– О-о!.. А-а-а!.. Ой-ей-ей! – говорила она. И я был страшно горд, что знаю так много мудреного, а она такая умная, что все это понимает.

Потом пришли домой и, не говоря ни слова, мгновенно рухнули в койку, и тут выяснилось, что мы действительно замечательно понимаем друг друга. Хотя бы потому, что свое «о-о!.. а-а-а!.. ой-ей-ей!» мы орали хором.

Ложки все-таки пропали в ломбарде. Ирка отдала мне квитанцию и поручила их выкупить. Ну а я, естественно, забыл. В ответ на мои вялые объяснения, что, мол, с одной стороны, сильно закрутился по службе, а с другой стороны, серебряные чайные ложечки – вещь мелкобуржуазная и не монтируется с нашим мироощущением интеллигентов и либералов, Ирка показала мне на экран телевизора. Там что-то судьбоносное вещал академик Лихачев, которого в те поры стали таскать по всем телеканалам как хоругвь. Наверное, из-за того, что рекламы прокладок и «Сникерсов» на телике еще не существовало.

– Интеллигент, наверное, тебя не менее, – сказала бесконечно печально моя нежно возлюбленная и единосущная. – Он, по-твоему, варенье к чаю пальцем ковыряет?

Я замешкался, потому что к соревнованию со стареньким академиком, можно сказать совестью нации, был не готов, и жена, покачав головой, подвела итог:

– Дурак ты, Сережа...

И звучало это не зло, а горестно. Окончательный диагноз.

На этих забытых в ломбарде ложках я полностью утратил семейный авторитет, и ничто за долгие годы прожитой вместе жизни не могло разубедить Ирину, что я не бессмысленный растеряха и недалекий фраер.

Мой отец, умный, злой, пьющий мужчина, сказал мне как-то недавно:

– Ты с ней так долго живешь, потому что не любишь... И не любил никогда...

– Не понял? – переспросил я.

– А чего тут понимать? Если бы любил – убил бы, к черту...

Я глотнул янтарной жгучей выпивки, взял трубку, дымящуюся от гнева. Глупость какая! Ведь вся ее ярость из-за того, что я первым сказал – ухожу! И лишил ее возможности крикнуть: «Ты мне больше не муж, ты мне надоед, недотепа!» Мы просто давно равнодушно устали друг от друга.

– Ира, я съехал из дома, – сказал я. – Ключи у тебя есть, можешь возвращаться в любое время...

Она помолчала некоторое время, будто пробуя мои слова на вкус, потом сказала:

– А я и не собираюсь уезжать из Лиона...

– Что ты имеешь в виду? – удивился я.

– Я устроилась на работу...

– Ты? – обескураженно спросил я.

– Я! – с вызовом крикнула Ирина. – Менеджером в одну российско-французскую фирму!.. Агентом по продажам...

– Исполать! Поздравляю! А они знают, что я сотрудник Интерпола?

Она вздохнула – не то злорадно, не то огорченно:

– Сережа, ты больше не сотрудник Интерпола...

– Да, ты права... Я теперь частное лицо...

– Слушай, частное лицо, может так случиться, что я здесь задержусь. Ты ведь не претендуешь на часть нашей квартиры? – спросила она осторожно.

– Нет, не претендую. А что? Что ты имеешь в виду?

– Я хочу, чтобы Вася окончил лицей здесь, мне понадобятся деньги. Ты сможешь хорошо продать нашу квартиру и переслать мне деньги?

– Я постараюсь...

– Постарайся, Сережа, для семьи хоть в чем-то... И деньги обеспечить надежно... Чтобы не пропали... Чтобы с ними ничего не случилось...

– Ира, я обещаю тебе не забывать ложки в ломбарде, – сказал я с искренним, но запоздалым раскаянием и подумал о том, что прослушивающий мой телефон опер уверен – все эти «ломбарды», «ложки» являются нехитрым шифром и обозначают что-то невероятно секретное. И наверняка очень ценное. – Я вместе с деньгами пришлю тебе серебряные ложки. Я их где-нибудь найду, как-нибудь выкуплю... Знаешь, я поздно сообразил, что ложки – важная в жизни штука... Я ими, забытыми, потерянными, так долго хлебал...

– Сережа, похлебка была пустая... Не бери в голову... Ты ведь теперь свободен...

И бросила трубку.

Упал – отжался. Уснул засветло, очнулся – густой вечерний сумрак. Лена сидит на ковре рядом с диваном, смотрит мне в лицо, улыбается. Проснулся совсем и понял, что очень устал.

– На закате спать вредно, – сказала Лена. – Голова будет болеть...

– Чему там болеть? Лица кавказской национальности утверждают, что там кость...

– Наверное, – засмеялась она. – У тебя там драгоценная, слоновая кость... Покрыта тайными хитрыми письменами... Как дела?

– Недостоверно прекрасны. Боязно, что сглазят. Я теперь свободен...

– В каком смысле? – осторожно спросила Лена.

– Во всех. – Я сел на диване, обнял ее за плечи. – Вольную получил, купчая крепость сожжена, я теперь вольноотпущенник без надела...

– От кого вольную? – уточняла моя любимая. – Ты что, уволился?

– Вчистую! От всех! Хочешь посмотреть на отвязанного?

– Слушай, отвязанный, – засмеялась Лена, – я надеюсь, что ты хоть одну привязанность сохранил...

Я покачал головой:

– Нет, любимая. Ты не привязанность. Ты – моя порочная, дурная, тайная страсть...

– Не пугай! Экий маркиз де Сад сыскался! – Легла рядом со мной на диван и стала быстро, сладко, щекочуще целовать.

А я в полузабытии бормотал:

– Ты – моя зависимость! Как наркота, как ширево! Как пьянь, как курево...

– Поискать нарколога? – грустно усмехалась Лена и шептала, подсмеивалась: – Закодируем тебя – станешь как новенький, стерильный... Забудешь меня, все проблемы решатся, все станет легко и просто...

Мне уже никогда не будет легко. А просто сейчас даже у кошечек не выходит. Не хочу открывать глаза, хочу жить в маре, блазне, в неподвижном сладком туманном дурмане. В хитиновой скорлупе. Закуклился.

Любимая, я – потерявшийся в толчее людской ярмарки мальчонка. Обними меня, прижми крепче, утешь – пусть раскачает нас волна волшебной соединенности на старом, скрипяще-поющем под нами диване, который ты со смехом называешь «скрипкой». Хочу жить в беспмятстве. С тобой.

И лоно твоё – перламутрово-розовое, в мягких складках, с таинственной глубиной, как тропическая раковина каури.

Женщины делают гибкое змеиное движение задницей – вперед-назад, с боку на бок – вдевая себя в трусики. Занавес опускается, представление кончается. Объявляется антракт.

– Я еду в командировку... – сказала Лена.

Разнеженный, расслабленный, демобилизованный, я спросил беспечно:

– Когда?

– Послезавтра!.. – крикнула она из кухни.

– Куда?

– В Нью-Йорк... – Гремели кастрюльки на плите.

Так! Уже интересно. Сегодня было много интересных новостей.

– Надолго?

– Месяцев на шесть... Может, на год... – Конец фразы отрезала шипящая струя воды в мойке.

Ага, неплохо! Как там поется? И бился синий свет в окне, как жилочка на шее. Надо сохранить лицо. Как говорит Лена – мент с человеческим лицом. Любопытно, как мы все всегда во всем врем друг другу. Наверное, невозможно говорить правду. Какой дурак сказал – прост, как правда? Правда – штука невыносимо сложная. Только во лжи есть мягкая гармония искусства. Правда – это злой хаос жизни.

– Что ты молчишь? – Лена стояла в дверях и смотрела на меня сердито-шкодливо.

Ну вот – на колу мочало, начинай сначала.

– А что я могу сказать? – развел я руками. – Поздравляю! Я рад за тебя! Счастливого пути... Удачного взлета, мягкой посадки, семь футов под килем... Добро пожаловать! Ю ар велком в город Большого Яблока...

– Ну чего ты юродничаешь, Сережка? – жалобно спросила Лена. – Ты понимаешь, что от таких поручений не отказываются?

– Понимаю, – кивнул я покорно. – А что ты там будешь делать? Столько времени?

– Стажировка в «Фёрст рипабликен Нью-Йорк бэнк», – ответила Лена, и голос ее звенел. – Если я пройду ее, меня назначат директором операций по Восточной Европе...

– Ты пройдешь ее с блеском, я в тебя верю. Операции с Россией входят в Восточную Европу? – спросил я на всякий случай.

– Естественно!

– Это мой друг Серебровский договорился? Там, в нью-йоркском банке?

– Да, конечно. – Она помолчала миг и спросила осторожно: – Сережечка, ты недоволен всем этим?

– Как тебе сказать? Я озадачен...

Лена обняла меня крепко и быстро зашептала:

– Серега, не дуйся! Поехали вместе! Никогда такой возможности больше не будет! Ничто не держит, денег нам хватит, там у тебя и будет воля от всего! Тебе сейчас нужна пауза, ты там передохнешь, осмотришься, примешь решение – как жить дальше! Поехали, дорогой мой мент с человеческим лицом! Не рассусоливай, не копайся в себе, не прицеливайся в других – просто взяли и поехали! Тебе же хорошо со мной?

– Мне очень хорошо с тобой, – сказал я чистую правду. И спросил: – Тебе предложил это Серебровский?

Глаза у нее заиндевели, Лена отодвинулась от меня:

– Снова те же разговоры? Ты ведь знаешь – я не сдаю тебя.

– Я надеюсь. Теперь это уже вопрос нашей общей безопасности...

– Что ты хочешь сказать?

– Ничего, я хочу спросить – когда он тебе сделал это предложение?

– Сегодня... Часа в четыре... А что?

– Нет, ничего... Все нормально...

Хорошо у них работает связь. Шустро. Мой друг Санька Серебровский, по прозвищу Хитрый Пес, знал о том, что я абсолютно свободный отставной козы барабанщик, еще до того, как мой рапорт об увольнении прошел священный бюрократический круг документооборота. И сделал своей подчиненной Лене Остроумовой, моей любимой подруге, предложение, которое отклонить нельзя. И очень не хочется.

Лена не понимает, что он не с ней разговаривал. Это он со мной говорил. Он объяснял мне, чтобы я тут не отсвечивал. Не мешал, не болтался под ногами, не бубнил лишнего. А может, зря я на него так? Может, опасается, чтобы мне по головушке из слоновой кости в подъезде вечерней порой ломом не настучали?

– Если ты против, я не поеду, – срывающимся голосом сказала Лена.

– Упаси господи! Никогда! Я – только за!

– Сердишься?

– Нет, не сержусь... Группу маленько...

– Серега, не поедешь?

– Нет... – помотал я головой. – День отъезда – день приезда считается за один день...

– Ты о чем?

– Ты – уезжаешь, я – доехал... Сегодня – День свободы...

Сутки – тьма, нестерпимый свет, снова ночь – подмигнули, как фотовспышка. Пора прощаться.

– Я тебя отвезу в аэропорт?

– Нет, Сереженька, не нужно. – Лена гладила меня ладошками по щекам. – К восьми утра придет машина из офиса... Я ведь теперь руководящий кадр – мне полагается...

– Хорошо, здесь попрощаемся, – согласился я. – Долгие проводы – лишние слезы...

– Долгие проводы – горше печаль, – вздохнула она. – Слезы? А ты помнишь, когда последний раз плакал?

– Помню...

– Расскажешь?

Я подумал и медленно сказал:

– Я тебе напишу об этом...

– В письме? – удивилась Лена.

– Нет, я не знаю, как тебе сказать... В последнее время у меня было много свободного времени, я долго и сильно, как Чапай, думал, пока не додумался до очередной глупости...

– Расскажи, расскажи, расскажи! – возбудилась Лена.

– Вся моя прошлая жизнь состояла из непрерывного действия, из бесконечного ряда каких-то очень крутых поступков. Не то чтобы я совсем уж не нагружал свое серое вещество, но каждый поступок был сопряжен с огромным риском и требовал предельной сосредоточенности на каких-то локальных обстоятельствах и ситуациях... Понимаешь?

– Понимаю! Да говори ты, говори! Не тани!..

– Ну, представь себе: бездна невероятных событий, фантастических встреч, нечеловеческих прыжков и ужимок – и ни одной мысли о жизни! Одни оперативные комбинации и агентурные разработки! Некогда было подумать о жизни! А ведь моя жизнь – тоже определенного рода урок. Может быть, отрицательный урок. Вообще, моя память – это еще не распечатанный сундук аббата Фариа...

– Ты решил стать графом Монте-Кристо? – осторожно спросила Лена. – Ты хочешь отомстить?

– Нет... Не думаю... Не знаю... Сначала мне надо все вспомнить, рассортировать и выстроить долгую цепь... Я должен рассказать это все себе самому... Наверное, записать...

Лена посмотрела на меня, как на тяжелобоьного.

– Да-да, наверное... – Быстро, успокаивающе поцеловала и сказала: – Сержик, ключи от машины и квартиры – на кухонном столе. Не забывай только за телефон платить – отключат...

Я держал ее в объятиях, мою теплую, живую, уже ушедшую, и меня судорогой ломала мука немоты, невозможности ничего объяснить ей, предупредить об опасности, предостеречь – она сейчас ничего не услышит. Она не поверит, что предложение моего друга-олигарха отклонить можно, что это заманчивое поручение отклонить нужно. Она сейчас не помнит, что Хитрый Пес общается с людьми на вздохе интереса – выдохнув, он навсегда забывает о них.

Но пытаться разубедить ее сейчас бесполезно. Как говорит мой старый мудрый друг Гордон Марк Александрович, молодые не воспринимают опыт старших изустно, их учат только собственные синяки и шишки. Не очень свежая идея, но от моего бессилия еще более щемяще-грустная.

Может быть, это называется душеизнурение?

Что-то многовато у меня сегодня свободы стало!

И сказал ей, как только мог мягко:

– Подруга дорогая, спрячь ключи... Мне некуда ездить на машине... А из твоей квартиры мы утром уйдем вместе...

– Подожди, а где ты будешь жить это время?

– Я крупный домовладелец – у меня есть комната мамы, – засмеялся я.

– В коммуналке? – потряслась Лена.

– Зато какой!

Видок у моего нового жилища был вполне горестный. Он руинировался. Отвратительное зрелище трущобизации и распада. Вполне марксистская эволюция из бывшего великолепия в мерзость текущего запустения. Нормальный переход дворцов, которым была объявлена война когда-то, в трущобы якобы мирных хижин.

Этот дом в самом центре Москвы на Поварской улице – задолго до того, как ее стали именовать улицей Воровского, а потом снова переименовали в Поварскую, – был самым шикар-

ным доходным домом старой столицы. Шесть этажей роскошных квартир под пятиметровыми потолками с расписными и наборными плафонами, мрамор, бронза, камин, узорный паркет, коридоры с пилястрами и колоннами, фацетованные стекла в просторных эркерах и бемские зеркала.

В громадной квартире на втором этаже жили родители моей мамы, то есть мои дед с бабкой. Жили они в гостиной московского городского головы Челнокова. Ну, естественно, не то чтобы московский мэр – должностной предтеча Юрия Михайловича Лужкова – обратился к моим вполне пролетарским бабушке и деду с униженной просьбой маленько пожить у него. Так сказать, погостить в его гостиной чуток, в смысле – несколько лет, а точнее говоря, трем поколениям.

Они были подселенцы, живое воплощение свершившейся народной мечты о том, что революция покончит с богатыми. Насчет бедных не уточнялось, а было сообщено как-то неопределенно – кто был ничем, тот станет всем. Ну, всем, положим, мои дед с бабкой не стали, а роскошную комнату в буржуйской квартире по случаю жилищного уплотнения градоначальника словили. Еще с шестью другими семьями-подселенцами.

Думаю, что и Лужков, несмотря на очевидный демократизм и гостеприимность, в такой милой коммунальной квартирке жить бы не захотел, а уж про буржуаза Челнокова и говорить-то нечего – свалил в эмиграцию как наскипидаренный. И память о нем там, за бугром, иссякла. Бывшему мэру повезло – он был не хозяин квартиры, а наниматель, иначе говоря, ответственный квартиросъемщик. Свалил с занимаемой жилплощади и был таков.

А вот предание о настоящем хозяине дома сохранилось – благодаря литературе. Точнее говоря – «Двенадцати стульям». Есть там такой смешной персонаж, Авессалом Владимирович Изнуренков, – веселый нищий эстрадный автор, который бесперечь хлопает себя по жирным ляжкам, приговаривая: «Высокий класс!»

Это и был хозяин замечательного дома на Поварской улице, и списали его сатирики с реального человека по фамилии Гучков. Не министра Временного правительства, богача и заводчика, конечно, а нищего, пьющего, бесшабашного бездельника, острослова и анекдотчика, предводителя богемной голи перекатной, картежника, обжоры и бабника. Проживался игрой на ипподроме и продажей скетчей для куплетистов. И за невозврат своевременно долгов бывал неоднократно бит.

1 августа 1914 года в жизни Гучкова произошло два скорбных события. Россия вступила в мировую войну, из которой, похоже, не хочет вылезти до сих пор. И это событие встревожило и напугало Гучкова до крайности, поскольку представить себя с грыжей, скаткой и винтовкой Мосина в маршевой колонне он не мог, и призыв защитить свою родину вызвал у него испуганно-гневный крик: «За что? Что я такого сделал? Почему? Почему я должен идти защищать свою родину? Лучше жить совершенно живым дезертиром, чем умереть абсолютно павшим героем!» В силу политической малограмотности Гучков еще не знал, что его ощущение полностью совпадает с позицией Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и он, таким образом, является интуитивным большевиком и нравственным соучастником предстоящей революции.

А второе скорбное событие повергло его в неописуемый восторг и погрузило в пучину бездонного ликования.

Умерла его тетя. Нет, нет, не то чтобы Гучков был такой злодей и страстно ненавидел свою единственную престарелую родственницу. Если честно сказать, он ее и видел-то несколько раз в жизни. Давно. И плохо представлял, как она, карга старая, выглядит. Просто бабка стеснялась поведения и репутации своего племянника и никогда не принимала его. А ведь был ей, тетечке незабвенной, знак свыше, предначертание, можно сказать, судьбы, а она, дура тугоухая, то ли от древности, то ли от душевной дремучести не услышала, – фамилия ей была Племянникова.

Вот и почил в бозе в этот скорбный для всего народа день дорогая тетенька, купчиха первой гильдии Племянникова, и оставила своему ненаглядному племянничку Гучкову кое-что по мелочи наликком, загранично выражаясь – «кэшем», и огромный новый доходный дом на Поварской улице стоимостью два миллиона рублей, и не каких-нибудь ельцинских, мусорных миллиона, а настоящих – царских, золотых.

Господи, какая тут война, какая мобилизация! При таких-то деньжищах! Гучков вступил в Союз городов – невероятно воинственную организацию, воевавшую только в глубоком тылу, надел офицерскую форму с погонами, ремнями, кобурой и загулял так, что Москва завистливо содрогнулась. Конечно, он был творческий человек, потому что соединить в таком огромном гармоническом объеме бардак, игорный дом, круглосуточный халявный кабаk, шантан и при-тон еще никому не удавалось.

Гучков был возвышенный бескорыстный художник разгула, талантливый творец всех видов веселого безобразия. И судьба ему даровала удивительную жизнь, ставшую какой-то мистической карикатурой на всю историю страны.

Довольно скоро замечательный дом Гучкова на Поварской улице был продан с торгов за громадные безнадежные долги.

И все скупердяи, скопидомы и жадюги, именуемые «здравые люди», злорадно-счастливо завопили: мир не видел такого идиотину, как этот прощелыга Гучков! Это же надо – за три года прогулять дотла несколько миллионов!

А назавтра, 25 октября 1917 года, случилась наша Великая ноябрьская революция, уничтожившая, казалось бы, навсегда богатых и начавшая превращение бедных из «ничего» во «все» с переселения их из подвалов и бараков в благоустроенные жилища классово чуждых.

И тогда все эти чуждые, которых раньше именovali здоровыми, возопили в глубокой печали и досаде: «Боже ты мой, каким мудрецом оказался Гучков! Хоть пожил! И как пожил!»

Новая власть Гучкову оставила комнату в одной из громадных квартир, обильно-плотно заселенных ныне классово близкими, и он зажил своей беззаботной легкой жизнью эстрадного автора – маргинала высокого советского искусства. Даже гамбсовские стулья по случаю покупал.

И пережил почти всех жильцов своего некогда немалого домовладения. Потому что он обитал на жалкой тихой обочине светлой жизни, а жильцы, ставшие «всем», были яркими деятелями и созидателями этого невиданного бытия. Оттого их вымывали из дома незатихающие волны народного возбуждения – партнаборы на коллективизацию, массовые репрессии, отечественные войны, счастливые расселения по хрущобам в новых районах и последующие постыдные эмиграции.

Здесь перед войной родилась моя мать, деда убили на фронте, и сюда же вместе со мной мама вернулась, когда с ней разошелся отец.

Но Гучкова я уже не застал – он умер 14 октября 1964 года, в день, когда верные ленинцы и ближайшие сподвижники-единомышленники выяснили, что Хрущев неожиданно оказался волюнтаристом. Наверное, романтического Гучкова сразило, что Хрущев встал под одни идеологические знамена с Шопенгауэром и Фихте, и старик, не в силах снести такого цинизма нашего Никиты Сергеевича, тихо ушел. Скорее всего, понял, что надеяться больше не на что. И лет ему было под сто. Как пожил!

А я в это время жил в городе Желтого Дьявола под названием Нью-Йорк. Далекий прекрасный и страшноватый город, который теперь переименовали в Большое Яблоко. Может быть, в честь Явлинского – с них, американских демократов, хватит. Город на другом берегу Океана Тьмы, куда улетела сегодня моя любимая. Молодая, умная, алчная. Ничего еще не смекающая.

Ну а я остался здесь. В доме Гучкова. И для того чтобы сделать задуманное, я должен помнить о старом его хозяине. Видать, знал он какую-то удивительную тайну – не собирал богатства, нет в деньгах радости и проку нет. Большая суета.

Пришел я в это запущенное, заброшенное жилье, бросил на пыльный стол сумку, уселся на стул посреди комнаты, как прокурор на обыске, огляделся. Серый налет праха, мутные зеркала, будто задышенные старостью, из форточки порывом ветра выбило стекло – на полу под окном тускло блестят осколки и сквозняк возит по паркету засохшие тополиные листья. Добыл из своего кофра бутылку «смирновки», яблоко и пачку бумаги.

Вообще-то, надо бы кого-то пригласить или самому убрать, включить в розетки холодильник и телевизор, купить каких-нибудь харчей. Мне здесь, видимо, долго придется прожить. Но это потом, немного погодя.

А сейчас свернул бутылке голову и, не найдя чистого стакана, хлебнул раз-другой из горла, закусил тугим красным яблоком, подождал, пока хмель залил первым ласковым теплом.

Сидел тихо и вспоминал.

Давно все это началось, лет пять назад.

Я цедил свою память по каплям – как живую воду, как крупинки манны, как глотки воздуха...

1. 95-й год, последняя степень защиты

*Заместителю министра внутренних дел России
генерал-полковнику милиции
КЕЛАРЕВУ П. Н.*

Рапорт

В дополнение к рапортам от 1.02.95, 12.04.95, 17.05.95 настоящим в очередной раз довожу до Вашего сведения о фактах нарушения законности и служебного поведения оперуполномоченным Главка, сотрудником «Дивизиона» старшим лейтенантом Ларионовым Валерием Алексеевичем.

Ранее Ларионов В. А. привлекался к дисциплинарной ответственности за применение штатного огнестрельного оружия на поражение и был отстранен от работы до конца прокурорской проверки.

Несмотря на наложенные ранее взыскания, проведенную разъяснительную работу и твердые заверения Ларионова В. А. не допускать в служебной деятельности превышения власти и пределов законности, вышеупомянутый Ларионов В. А. произвел не санкционированный прокурором обыск в ресторане «Счастье», ссылаясь на необходимость изъятия якобы имеющихся там наркотиков. Необходимо отметить, что наркотических веществ им не было обнаружено. Несмотря на это, Ларионов задержал буфетчика ресторана Оганесова А. Е., доставил его на Петровку, 38, и при участии сотрудников МУРа капитана Ермакова С. Ф. и ст. лейтенанта Калинина Б. Г. допрашивал Оганесова 22 часа, подверг побоям и угрожал при этом посадить в тюрьму «наглухо». По этому поводу нами также получено представление прокурора Северного округа.

Необходимо отметить, что это не случайность, а постоянная линия поведения Ларионова, о чем свидетельствует (вместе с ранее предоставленными рапортами) следующий факт: еще находясь в ресторане «Счастье», Ларионов затеял скандал со случайно присутствовавшим там на обеде гр-ном Джангировым П. М., депутатом Государственной думы и крупным общественно-хозяйственным деятелем. Ларионов в присутствии посторонних лиц кричал Джангирову, что его место «...не на депутатской скамье, а на скамье подсудимых», и, мол, он еще Джангирова там увидит.

Учитывая все вышеизложенное, предлагаю рассмотреть вопрос о возможности дальнейшего использования Ларионова В. А. в рядах органов Министерства внутренних дел России.

*Ст. инспектор Управления собственной безопасности МВД РФ
майор внутренней службы
Г. Коренной*

Резолюция

Незамедлительно истребовать объяснения С. Ордынцева. В отношении ст. лейтенанта В. Ларионова провести служебное расследование в рамках

Управления кадров министерства, оставив решение вопроса до рассмотрения результатов расследования.

Зам. министра

П. Келарев

2. Москва. Товарный двор Курского вокзала

В сентябре погода совсем сошла с ума. Окружающая среда будто белены объелась – жара бушевала пуще, чем в июле. А к ночи духота превратила город в медленно остывающую парную баню. Горизонт затянуло пухлыми багрово-синими тучами. Проседая от собственной тяжести, они опускались на город, как мокрое ватное одеяло, полное влаги и электричества. Синие сполохи куцых молний разрезали небосвод. Это в сентябре! В облачной утробе глухо рокотал несформировавшийся гром. Но долгожданная гроза так и не приходила.

Валерий Ларионов, обливаясь едким горячим потом, быстро шел из черноты и хаоса железнодорожных трущоб в направлении вокзала. Он бывал в этих гиблых местах много раз и был уверен, что хорошо разбирается в лабиринте складов, пакгаузов, полуразрушенных зданий, стальных ущельев вагонных отстойников и гниющих помоек. Но ночью все это выглядело по-другому. Он старательно повторял про себя: «Второй поворот направо, три блока, потом налево... Оттуда есть дорожка... Там в конце – телефон-автомат... Добраться бы до конца сортировки...»

Ларионов, очень хитрый, резкий малый, бывший афганский парашютист-десантник, был не из робкого десятка. Вообще-то говоря, робкий и не мог оказаться в этих местах в ночное время. Разве что спьяну.

С наступлением темноты здесь не было не только света и дорог, здесь не было закона, здесь человечество откатывалось на тысячелетия вспять, возвращаясь к естественному первобытному состоянию пещерного обеспечения своей безопасности. Здесь можно надеяться только на быстроту ног, упреждающий удар и умение выстрелить первым. И никогда еще эти умения не подводили Ларионова.

Но сейчас он боялся. Страх, как тошнота, мучил его. Черт дернул согласиться на встречу с агентом в таком проклятом месте глубокой ночью. Но иного выхода не было. Если агент-информатор не врал, то именно отсюда начнется завтра дерзкая, наглая, опасная бандитская затея Нарика Нугзарова. Агент Гобейко согласился показать их базу, заброшенный гараж, откуда пойдет машина с бандитами-налетчиками. Ларионов не мог сказать агенту, что не пойдет смотреть ночью базу бандитов. Он вынужден был согласиться, но не успел предупредить никого у себя в отделе, потому что сегодняшняя встреча с агентом, назначенная в десять часов вечера недалеко от Курского вокзала, не предвещала подобной информации. Это был обычный рапорт сексота, который должен был информировать о ситуации. И именно во время этого разговора агент сказал, что Нарик Нугзаров захватил американца и держит его, скорее всего, в этом гараже. У Ларионова не было выхода, он решил пойти. Дважды набрал Ларионов телефон дежурного Пикалова, но там никто не отвечал. Это было странно – дежурный не имел права отлучаться.

Конечно, надо было попридержать агента и дозвониться. Но что это могло изменить? И Ларионов пошел. Он хотел убедиться, что в этом месте может быть украденный американец, и тогда уж по тревоге собирать ребят.

А теперь он боялся, потому что темнота вокруг него была наполнена ощущением опасности, тревоги, скрытой угрозы. Ларионов понял, что он двигается правильно, потому что здесь проходила невысокая насыпь с главными выездными путями с вокзала. Темнота рассеялась светом мощного прожектора приближающегося тепловоза. Тяжело пыхтя дизелями, с шелестом и рокотом прокатил мимо локомотив и поволок длинную, искрящуюся окнами змею крымского экспресса. На маневровых путях мерцали фиолетовые и желтые лампочки. Ларионов решил идти вдоль железнодорожного пути, ориентируясь на далекое, дымящееся голубоватым светом зарево, – там должен быть вокзал...

От невыносимой духоты перехватывало дух, но Ларионов не чувствовал жары. Он хотел добраться только до света, до людей. На всякий случай вынул из кобуры под мышкой пистолет и переложил его в правый карман пиджака. Ему казалось, что за спиной мелькают тени, слышится чей-то топот, неуверенные шаги или шарканье. Оглядывался, но никого в неверном сумраке разглядеть не мог. Но Ларионов знал, что там кто-то есть, кто-то во мгле злобно существует.

Тогда он побежал. Отравленный воздух со свистом вырывался из легких. Здесь пахло угольной гарью, окаменевшими нечистотами, ржавым металлом. Он бежал вдоль бесконечного бетонного забора, из-за которого были слышны пронзительное мяуканье и затравленный лай. Ларионов вспомнил, что там находится сборник для бродячего зверья, которое отлавливают по городу собачники-душегубы и, формальности ради, держат несколько дней перед тем, как умертвить. И в завывании, мяуканье и лае несчастных животных чувствовалась обреченность.

Когда силы кончились, Ларионов увидел справа впереди желтый, истекающий мятым светом пенал телефонной будки. Ларионов перепрыгнул через развороченный штабель бетонных труб, угодил в какую-то яму с отбросами, чуть не вывихнул ногу и побежал через дорогу. И снова сердце екнуло от испуга, когда Ларионов вспомнил: агент Гобейко дыбом стал, ни за что не соглашался возвращаться вместе с ним к вокзалу. Дундел затравленно, что, если их кто-то увидит, до утра ему не дожить. Кто, интересно, мог их увидеть в такой непроглядной мгле?

На разгоряченное лицо Ларионова упала большая теплая капля дождя, с чмоком, как поцеловала. Затем еще одна. Он поднял лицо к небу, низкому, дымно-красному, как печной под. Капли застучали по лицу, по плечам. Ларионов пытался поймать их на язык, потом махнул рукой и побежал быстрее к телефону. Со злобой думал о том, что сейчас любая шваль, любая прибалтненная босота ходит с трубочками мобильных, а для их службы денег нет, вы, мол, сами должны, как лоси, быстро бегать...

Он не вынимал руку из правого кармана, судорожно стискивая горячую влажную рукоятку «макарова». Дверь в телефонную будку была сорвана и висела на одной петле, заклинивая проход. Ларионов нажал плечом, отодвинул дверь, протиснулся в тесный объем будки, навсегда провонявшей стоялой пылью, ссаниной, снял трубку и с радостным облегчением услышал гудок. Бросил жетон и быстро набрал номер в отдел. Что-то в аппарате металлически чавкнуло, и поплыли в ухо долгие, неспешные, тягучие гудки ожидания. С оглушительным треском грохотнул над головой ломкий гром. Господи Иисусе, все на этом шарике стало вкривь и вкось! И дождь хлынул плотнее.

Ларионов прижимал трубку к уху плечом, а левую руку выставил из раскрытых дверей наружу, и теплая струистая вода хлестала его в ладонь, и он испытывал острое радостное удовольствие. «Где же вы все? Черт бы вас всех побрал!» – повторял про себя сердито Ларионов, пытаясь понять, почему не отвечает дежурный в отделе, и клянясь, что завтра настучит ему по голове так, чтобы мало не показалось. Потом набрал номер в соседний кабинет к Любчику, там тоже вяло мычали гудки, безнадежно, тягуче, протяжно, и Ларионов с отчаянием представлял себе, как в этом огромном здании безнадежно и безответно дребезжит телефон. Он снова дернул рычаг автомата и стал набирать телефон «02» в дежурную службу городского управления. Расходящийся все сильнее дождь брызгами захлестывал ему в лицо. Ларионов немножко уgomонился, умерил бой сердца и расслабился, услышав в трубке голос: «Ноль-два слушает, милиция, говорите...» И от этого голоса, как от кончика протянутого с борта лодки утопающему пловцу веревки, он настолько успокоился, что утратил контроль над ситуацией.

Ларионов совершил оплошность, одну-единственную ошибку, которая людям его профессии обходится очень дорого, – он повернулся спиной к распахнутой стеклянной двери. В телефонной будке нельзя стоять спиной к двери – подходи, подслушивай, подсматривай. Сжимая трубку так, будто решил ее раздавить в пыль, он надсадно крикнул:

– Дежурный! Это Ларионов из «Дивизиона» Ордынцева. Ты меня слышишь?!

Дежурный на том конце был неспешен, бестрепетен, спасибо большое – терпелив:

– Ларионов, я тебя слушаю, это Спиридонов... Что ты орешь?

– Алё, Спиридонов, ты разыщи срочно Ордынцева, я не могу с ними связаться... Передай ему... они богатого американца захватили... Ты ему только скажи...

Ларионов не успел закончить. Он не видел, как из темного мусорного проулка неслышно, на выключенном двигателе подъехал к нему «жигуль-девятка». Поравнявшись с телефонной будкой, автомобиль еле слышно скрипнул тормозами, и Ларионов услышал этот скрип обостренными нервами, дернулся назад, но было поздно.

Водитель «жигуля», симпатичный чернявый парень с острыми крысачьими, чертовыми ушками, поднял лежащий на коленях автомат АК-47 и дал короткую очередь в упор.

Будто дьявол чечетку отстучал.

Не выпуская трубки из рук, Ларионов, которому показалось, что грохнул очередной удар грома, ослепнув, оглохнув, перестав бояться навсегда, медленно сползал по стенке телефонной будки. Словно охватила его вдруг нечеловеческая усталость и решил он усесться по-узбекски на корточки в этом заплеванном стеклянном пенале, отдохнуть от долгих страхов и томящего напряжения. Жизнь какая короткая получилась, а день-то был долгий...

Из трубки рванулся голос дежурного Спиридонова:

– Ларионов! Ларионов! Отвечай, что с тобой?.. Ларионов!..

Ларионов выпустил трубку из руки, она ударилась о стенку будки и повисла на шнуре.

Убийца вылез из-за руля автомобиля, держа на изготовку автомат у живота, пошел к Ларионову. Он двигался не спеша, развинченно-гибкой походкой. И улыбался. Внимательно присмотревшись, убедился, что Ларионов мертв, довольно хмыкнул, как стрелок, разглядывающий в тире хорошо пробитую мишень. Переложил автомат в левую руку, достал из кармана носовой платок, обернул болтающуюся телефонную трубку, послушал надсадные крики дежурного и тихо, ласково сказал:

– Всех вас, сук проклятых, перебьем...

Положил трубку на рычаг, достал из пиджака Ларионова пистолет, не спеша уселся за руль, включил мотор и исчез в темноте.

3. Служебная записка

Совершенно секретно!
Заместителю министра внутренних дел России
генерал-полковнику милиции
КЕЛАРЕВУ П. Н.
от начальника «Дивизиона»
подполковника милиции
С. Ордынцева

Прошу Вас войти с ходатайством в Генеральную прокуратуру России за санкцией на применение системы непроцессуальных оперативных мер к гр-ну Джангирову П. М.

Необходимость подобных мер связана с нижеследующим. Депутат Государственной думы России Джангиров Петр Михайлович, 1946 г. рождения, возглавляет ряд общественно-государственных и коммерческих структур. Оборот материальных и денежных средств, к движению которых Джангиров имеет непосредственное отношение, исчисляется десятками миллионов долларов США.

Я располагаю данными о том, что Джангиров осуществляет постоянный контакт и практическое сотрудничество с уголовно-мафиозными и криминально-хозяйственными группировками.

Однако все попытки «Дивизиона» собрать свидетельства и материалы, имеющие в суде доказательственную силу, оканчиваются безрезультатно. Джангиров – за счет депутатской неприкосновенности, старых связей, наработанных за 24 года службы в КГБ и МВД, и вновь приобретенных деловых контактов – остается по существу неуязвимым из-за гигантской поддержки, оказываемой ему по всей властной вертикали вплоть до правительственного уровня.

Заявляю официально, что утечка информации из системы милиции и органов безопасности во всех вопросах, касающихся Джангирова, носит тотальный, опасный и оскорбительный для сил правопорядка характер.

Мне необходима санкция Генеральной прокуратуры на прослушивание всех телефонных переговоров Джангирова, перлюстрацию его корреспонденции – и личной, и деловой, постоянное наружное наблюдение за людьми, входящими в непосредственное окружение фигуранта.

Помимо этого, мне необходим запрос прокуратуры в Государственную думу на допрос ряда депутатов, высокопоставленных чиновников из аппарата президента и правительства, руководства парламента, список которых в числе четырнадцати человек прилагается.

Если сейчас не принять необходимые меры, то криминальная ситуация в этом вопросе может выйти из-под контроля.

С. Ордынцев

Резолюция

С. Ордынцеву. Отказать.

По закону депутатская неприкосновенность Джангирова исключает возможность применения предлагаемых мер. Материалы слабы, не имеют правовой надежности – Генпрокурор никогда не подпишет запрос в Госдуму. Оперативную разработку продолжать, доложить о плане мероприятий.
П. Келарев

4. США. Нью-Йорк. Аэропорт Джона Ф. Кеннеди. Терминал «Дельта»

Дремота Лекаря была зыбкой, прозрачной, будто сладко закумарило от первого косяка, от жадной утренней затяжки дурью. Мир плавно раскачивался вокруг, и невнятно-ватно гудело в ушах – ва-ава-ва-ава. Как в бане.

Но покрашенную стеклянную дверь из таможни в зал ожидания Лекарь ни на секунду не выпускал из прицела полусмеженных век. Сейчас пассажиры московского рейса со своими жуткими баулами закупорят выход. Лекарь подумал, что огромный багаж – верная примета нищеты, богатые двигаются по миру налегке.

Было душно, кондиционер задыхался – не мог разогнать спертый пар, потный жар возбужденных встречающих. Господи, как они противно галдели! Лекарь испытывал к ним ненависть, тягостную и неукротимую, как подступающая рвота. Совки проклятые! Были, есть и пребудут вонючими совками!

Распахнулась дверь, оттуда вынырнула женщина, увешанная сумками, и тотчас над ухом Лекаря пронзительно заголосили:

– О-о, Маня! Смотрите, это же Маня!..

Ага, пошел аэрофлотовский рейс. Лекарь встал, подтянул ногой из-за кресла кейс и подался ближе к стеклянным дверям. Оттуда появились несколько накрахмаленных, выутюженных мужичков без возраста с неразличимыми лицами швейцаров – первый класс. Новые советские буржуа шли уверенно, брезгливо разгребая толпу, они всем своим видом демонстрировали, что они здесь не впервой, что им здесь привычно, что они не чета этой вопящей, суетливой эмигрантской и «пылесосно-гостевой» шантрапе, что это их встречают шоферы лимузинов в форменных мундирах и фуражках с галуном. «Мы, командиры молодого российского бизнеса, вам не компания», – было написано на их серых ряшках, слегка отекавших с недосыпа и многочасового пьянства на самолетную халяву.

«Врете вы все! – злобно, обиженно подумал Лекарь. – Здесь врете и там, у себя, врете, никакие вы не капиталисты, торговцы паром. Ваши дела тут – проверить на счетах деньжата, из отчизны сплавленные, неделю покайфовать в „Шератоне“ и пошарить в дорогих магазинах на Манхэттене, виришки долбаные!»

Лекарь стоял, опершись спиной о стойку сервис-бюро, и внимательно следил за входными дверями, откуда должен был вынырнуть курьер. Конечно, здесь таможня смешная – не наша тюремная «шмональная». Но все-таки... Ничего-ничего, все будет в порядке. Если на той стороне они так ловко проходят досмотр, бог даст, и здесь ничего не случится.

И все равно нервничал. Там, на другом берегу, в Москве, что-то не получилось, не сложилось. Бастаян все изменил. Позвонил из Москвы и сказал, что приедет другой курьер...

– Простите, сэр! Вы здесь мешаете людям... отодвиньтесь немного...

Лекарь обернулся – диспетчер сервис-бюро, красивая длинная негритянка, небрежно помахивала своей розовой обезьяньей ладошкой – мол, отвали в сторонку, не маячь здесь, не заслоняй видимость.

«Грязная черная сука! – сердечно вздохнув, подумал Лекарь. – Хорошо бы вас всех, подлюг, переселить в Руанду, или в Эфиопию, или в Сомали. Отсюда – вон, во всяком случае».

Негров Лекарь не любил – ленивые животные. Ему и латиносы не сильно нравились – придурки суетливые. Противнее их были только чисто-белые исконные американцы, гадины корыстно-высокомерные.

«А кого ты вообще любишь? – закричала вчера, забилась в истерике Эмма. – У тебя вместо сердца – гнойный нарыв!..»

– Витечка, Витечка! Привет, дорогой! – Через круговорот встречающих, носильщиков с тачками, пассажиров, водителей лимузинов, величественных, как адмиралы, через поток чемоданов, картонок, коробок, собачонок и багажных тележек, через все это плотное месиво распаренных, возбужденных людей к нему проталкивался Сенька Лаксман, аферист, кусошник, врун и прихлебатель по прозвищу Дрист. – Хай, Витечка! – Лаксман уже лез к нему с объятиями. Принесла его, халявщика, нечистая сила!

Дрист был одет фасонисто – в грязную, некогда белую бейсбольную шапку с надписью «Кено», разорванную под мышкой гавайскую рубаху и запальные джинсы с отвисшей мотнёй.

– Стой спокойно, – охладил восторг встречи Лекарь и отпихнул его взглядом, как встречным ударом в печень.

Иждивенца хамством не остановишь, у него профессия такая, оскорбления терпеть обязан.

– Витечка, дай сигаретку! Будь другом!

Лекарь, стиснув зубы, протянул ему пачку «Мальборо», и Сенька Дрист профессионально ловко мгновенно выхватил из пачки две сигареты. Одну заложил за ухо, у другой оторвал фильтр, бросил на пол, чиркнул зажигалкой, жадно затянулся.

– Ой, спасибо тебе, браток! А то свои я забыл в машине...

Лекарь приподнял тяжелые веки, косо глянул на мятого, будто вынутого из мусорной корзины Сеньку.

– У нас говорили – «забыл деньги на рояле, а рояль в форточку унесли». Врешь ты все. Нет у тебя сигарет, нет машины, и имени у тебя нет...

Сенька рассмеялся неуверенным дребезжащим смешком.

– Ну что ты, Витечка, такой заведенный? Ну в самом деле... Ты припомни, как мы с тобой раньше страдались. Три года вместе на «киче» – это же ведь не шутка. Тут-то можно расслабиться...

– Ага, я вижу, – мотнул головой Лекарь. – Ты тут, по-моему, расслабился навсегда.

А сам все время смотрел на двери из таможни. Надо побыстрее избавиться от этого идиота.

– Это я просто плохо выгляжу со вчерашней поддачи, – объяснял-тянул за почки Дрист. – Нарезались вчера в ключья... Голова трещит, будто черепные швы расходятся...

– Для тебя лучшее обезболивающее – жгут на шею, – заверил Лекарь и тихо спросил: – Ты мне все сказал?

– В каком смысле? – удивился Дрист. – Ты шутики шутишь, а у меня, ей-богу, башка раскалывается...

– Если хочешь, могу пристрелить тебя – чтобы не мучился, – предложил Лекарь, и по его тону было не понять – шутит он или говорит всерьез.

– Да ладно тебе! – махнул рукой Дрист, но на всякий случай отодвинулся подальше.

Лекарь криво усмехнулся:

– Глянь – ты уже докурил до пальцев. Сейчас ногтями будешь затягиваться... А здесь вообще курить не разрешается...

Дрист уронил окурок и неуверенно сказал:

– Я к тебе – всей душой. Думал, может, выпьем по рюмашке за встречу... О прошлом вспомняем...

– Вопросов больше нет? Тогда иди... делай ноги отсюда. У меня тут дело. Прошное в другой раз вспомняем... Иди, иди...

Не упуская дверь из виду, Лекарь посматривал в спину удаляющемуся Сеньке Дристу, и в душе ворочалось неприятное предчувствие. Конечно, Дрист мог случайно оказаться здесь по своим хаотическим побирушеским делам. Тогда – все в порядке. Поговорили душевно и разошлись. Но у Лекаря было ощущение, что Дрист, отираясь рядом, показывал его кому-то.

Дело в том, что Лекарь знал почти наверняка: Дрист «стучит» в бруклинскую полицию, как говорят в американской ментовке – он «кенарь», он «поёт». А те закрывают глаза на кое-какие его делишки. Сейчас Лекарю было особенно не нужно внимание – ни со стороны полиции, ни от деловых дружков Дриста.

Распахнулась дверь, и в зал выкатился парень, которого сразу засек Лекарь. Он был, как все они, жлоб с коротенькой стрижкой, в спортивном цветастом костюме, в кроссовках, с красным пластиковым чемоданом-сумкой. По телефону Бастанян, посмеиваясь, сказал: «Хороший, простой парень, отдохнуть едет к вам маленько, и ни шиша у него нет, кроме красной рожи...»

На условленном шифре это означало красный чемодан. У некоторых вышедших пассажиров вроде были похожие, но у этого мордоворота, кроме «красной рожи», в левой руке был черный кейс – точно такой же, как у Лекаря. И он сделал рывок на перехват, постучал приезжего по крутому плечу:

– Алё! С приездом! Я – Витя...

Тот обернулся, мгновение всматривался, видно, припоминал описание, мазнул взглядом по чемоданчику в руке Лекаря и широко распахнул объятия:

– Витя! Друг! Сколько лет! Рад видеть в городе-герое Нью-Йорке!

От него остро наносило лошадиным потом и пивным перегаром.

– Привет, – вежливо и сухо ответил Лекарь, ловко уклоняясь от зловонных объятий и опасаясь, что Жлоб нащупает у него под мышкой кобуру. – Вот твой кейс, он не заперт, там лежат пять сотен...

Протянул руку за кейсом с бело-голубой бирочкой «Аэрофлота» и сунул ему свой. Но Жлоб завел свой кейс за спину и, смеясь, сказал:

– Экий ты приткий! А где же хваленое нью-йоркское гостеприимство? Нам сейчас самое время не чемоданчиками меняться, а сесть-выпить по махонькой, одной-другой-третьей, закусить как следует, про житуху потолковать...

«Может, их с Дристом спарить?» – подумал со злобным смешком Лекарь, но случкой этих животных заниматься не стал, а сказал тихо и вежливо:

– Это тебя так в Москве инструктировали?

Жлоб пожал плечами:

– О чем ты говоришь? Это было давно...

– Сегодня утром, – напомнил Лекарь.

– И десять тысяч километров назад! – захохотал Жлоб.

К ним подошла аэропортовская служащая в черной форме, тощая черная женщина с собачьим оскалом, и стала гнать их с прохода:

– Не мешайте пассажирам и носильщикам! Отойдите в сторону...

Действительно, чего не отойти в сторону, подумал Лекарь. Надо прикинуть – ситуация разворачивается как-то не так.

Вот глупость какая!

Они остановились около витрины – крутящейся стеклянной стойки, на полочках которой были выставлены разнообразные букеты для встречи дорогих новоприбывших – любой за пять долларов.

– Ты чего хочешь? – спросил Лекарь.

– Внимания! – заржал Жлоб.

Лекарь смотрел на него прищурясь – подозрение перешло в уверенность, и он коротко, смирно кивнул:

– Прости, земляк, ты прав...

Вынул из кармана кучу смятых купюр, отобрал пятерку с портретом президента Линкольна – «абрашу» – и засунул в автомат. Нажал кнопку со своим любимым числом – 21. Внутри цветочницы-стойки что-то чикнуло, щелкнуло, зашелестело, и, плавно повернувшись,

она замерла, открылась стеклянная дверца, и Лекарь вынул из этого цветочного бара-автомата букет роз в красивой травяной опушке.

Жлоб озадаченно следил за манипуляциями Лекаря.

– Это ты кому?

– Тебе! – твердо протянул ему Лекарь букет. – И не вздумай отказываться! Народная традиция...

Надо было занять ему руки.

– Ну дает! – заржал Жлоб. – Вы тут все шутники такие?

– Только те, кому доверено встречать почетных гостей. Так о чем разговор?

– О чемоданчике... – Жлоб помахал кейсом. – Маленький, гаденыш, а тяжелый, все руки отмотал...

– То-то ты его из рук выпустить не хочешь, – усмехнулся Лекарь, подталкивая гостя к лифту, ведущему на крышу-автостоянку.

– Ну да, – согласился Жлоб. – Ты сам подумай – дорога долгая, скука жуткая, ну как тут вместо головоломки не открыть ваш парольный секретный замочек на кейсе...

– Я понимаю, – согласился Лекарь. – Ну, открыл ты его. И чего хочешь?

Они уже были у дверей лифта.

– Пять кусков хочу! – хохотнул коротко Жлоб. – Как вы тут говорите – пять гранов...

– Понятно! – кивнул Лекарь.

– Ну, сам подумай, ведь я по-честному! – дыхнул на него Жлоб жарким зловонием. – Ведь мог вообще смотаться с кейсом! Ты ведь не станешь в вашу ментовку стучать на меня?

– Конечно не стану. А так – поговорим-поторгуетесь, ты скинешь, я набавлю, – наверное, сойдемся, – быстро бормотнул Лекарь, потом спросил его: – Я вижу, ты парень не промах... А не боишься назад возвращаться?..

Этот потный конь взглянул на Лекаря с сожалением:

– Наза-ад? А зачем мне щас назад возвращаться?

Лекарь сказал ему сердечно:

– Что же, тут ты при таких ухватках далеко пойдешь...

В стене разъехались стальные створки лифта, и из хромированной коробки-кабины посыпалось, как горох из лопнувшего стручка, китайское многодетное семейство. Как только выкатился последний раскосый пупс, Лекарь легонько подтолкнул спутника внутрь, а сам, загоразживая дверь, заорал по-английски подпиравшей сзади стайке пассажиров:

– Лифт сломан... Оборвался трос... Занимайте кабину напротив...

А сам быстро перебирал пальцами клавиатуру табло управления – кнопки «4 этаж», «паркинг», «экспресс», «дверь закрыть», «ход», и в зеркале матового полированного металла смыкающейся двери Лекарь рассматривал Жлоба, по-хозяйски располагающегося в лифте со своей «красной рожей», кейсом и нелепым букетом. Почему он не бросил букет? Может быть, ему впервые в жизни подарили цветы?

Загудел лифт, кабина плавно взмыла, и Лекарь в мягком развороте через левое плечо повернулся к многоумному гостю и, уперев ему в живот ствол своего «ругера», трижды спустил курок – в печень, под вздох, в сердце.

Этот дурак умер мгновенно, так и не поняв, что с момента, когда он вскрыл кейс, ему не надлежало больше жить. Не его ума это было дело, не надо было туда лазать.

Лекарь высвободил из его руки чемоданчик, плюнул несколько раз на табло управления лифтом и протер кнопки подолом своей рубахи.

Лифт остановился. Лекарь оглянулся – гонец лежал на своем красном чемодане, на «красной роже», упершись стриженной головой в угол. А букет из правой руки не выпустил. Молодец.

Дверь распахнулась. Длинный коридор на автостоянку был на удивление пуст.

Вот тут Лекарь побежал.

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПОЛУЧИТЬ САМОЕ ЛУЧШЕЕ

АДВОКАТ RAYMOND B. GRUNEWALD

805 Третья авеню (6-й этаж), Нью-Йорк

Tel. (212) 371-1311 Fax (212) 688-4252

Бывший главный федеральный прокурор Бруклина,

Квинса, графств Нассау, Саффолка и Ричмонда.

Более 35 лет опыта работы. Специалист

по судопроизводству в Федеральных и Штатских

уголовных и гражданских делах

ВСЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

включая акцизные налоги на бензин, уклонение от уплаты подоходного налога, организованную преступность, обман и др.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

медицинские ошибки, серьезные травмы и несчастные случаи, возникающие в результате неосторожности, оспаривание контрактов и различные экономические проблемы

20 лет успешной работы с русскими клиентами

Ассистент Елена говорит по-русски.

«Новое русское слово»

5. Москва. «Дивизион». Ордынцев

Голос звучал сипло, отчаянно:

– Дежурный!.. Это Ларионов из «Дивизиона» Ордынцева... Ты меня слышишь?..

И сонный, усталый голос дежурного:

– Ларионов, слушаю тебя! Это Спиридонов...

И снова торопливый, захлебывающийся тенорок Ларионова:

– Алё, Спиридонов... ты срочно разыщи Ордынцева... Передай ему, что они захватили богатого американца, фирмача... Ты ему только скажи...

Голос его прервался отдаленным треском, и наступила сипящая тишина магнитофонной ленты, разорванная криком востропугавшегося дежурного:

– Ларионов!.. Ларионов!.. Отвечай! Что с тобой?.. Ларионов!..

Потом донесся стук, будто трубкой ударили по дереву, снова шипящая пауза и крик дежурного:

– Ларионов!.. Ларионов!.. Ты что, говорить не можешь?.. Ларионов!..

И неожиданно выплывший в тишине ласковый, сдавленный ненавистью голос:

– Всех вас, сук проклятых, перебьем...

Истерически быстрые, нервные гудки отбоя – трубку положили.

Я нажал кнопку на панели магнитофона, испуганно-тревожное гугуканье телефона смолкло, потом ткнул пальцем другую клавишу, и зашелестела, подсвистывая, перемотка кассеты.

– Вот это все, что мы сняли с переговорного терминала дежурной части, – сказала мне Ростова, пока я пристально рассматривал крутящиеся катушечки с пленкой, будто надеялся там высмотреть что-то важное. Или сквозь шелест пленки услышать еще раз голос умершего вчера Ларионова – чтобы шепнул, сказал, крикнул о чем-то очень важном, помогающем догадаться или понять – где, как искать того, кто вчера врезал в него из автомата в упор на товарном дворе Курского вокзала. Но запись была короткой, автостоп цыкнул, и все смолкло.

Я поднял голову, посмотрел на ребят и негромко спросил:

– Какие будут соображения?

– Почему он звонил в дежурную часть города? Почему он не позвонил к нам в отдел? – вместо ответа переспросила Ростова.

– Вчера здесь дежурил Пикалов, – сказал я. – Я из него душу вынимаю с утра – он клянется, что не отлучался ни на минуту...

– Может быть, был занят телефон? – предположил Никита Морозов, по прозвищу Кит Моржовый, и откусил здоровый кусок от сладкой булки.

– Может быть, – кивнул аналитик К. К. К. – На таймере переговорного терминала дежурного по городу зафиксировано время разговора с Ларионовым и его убийцей – двадцать три часа двадцать семь минут. Связь длилась восемнадцать секунд... Я опросил наших – никто в это время не звонил Пикалову...

– А может быть, Пикалов врет? – медленно сказал я. – Врет, что сидел на месте? Не маленький – понимает, во что обошлась его отлучка, если он за кофейком в буфет бегал.

– Да сейчас это уже не имеет значения... – примирительно буркнул Кит Моржовый, потихоньку дожевывая булку.

– Имеет, – тяжело проговорил я. – Это вопрос не дисциплины, а нашей совести, ответственности друг за друга. Вокруг все воруют, врут и предают. Нас не уважает общество, не любит народонаселение, и от нас отступилась держава. И если мы сами не прикрываем спину товарища, нас убивают. И перебьют всех по очереди...

Я был самому себе противен – я говорил какие-то совсем не те слова, патетические, микрофонные, но ничего не мог придумать. Я надеялся, что ребята понимают меня.

Эксперт-криминалист Гордон Марк Александрович усмехнулся невесело:

– Как говорили в старину, большое повреждение нравов в мире случилось...

– Мир повредился, – сказала Ростова, – чего уж тут про нравы рассуждать.

Я встал со стула, прошелся по кабинету, безмысленно-слепо уставился в окно. Стоял долго у стекла, широко расставив ноги, сцепив руки за спиной, и раскачивался с пятки на мысок, будто принимал какое-то трудное для себя решение. А какое я мог принять решение? Я ведь как Гулливер, привязанный лилипутами за каждый волосок.

Все молчали, и в этой напряженной тишине вдруг раздалось негромкое посвистывание – Любчик, задумавшись, насвистывал любимую песню Ларионова «Гуд бай, Америка, где я не буду никогда...».

Я смотрел прямо перед собой в неестественную для сентября синеву неба, быстро двигающийся от Крымского моста антрацитовый навал туч, размытый предгрозовым светом сизой дымкой, рафинадно-белые дома с собственным свечением, пропылившуюся, пожухшую зелень в сквере напротив, клубящуюся вокруг статуи вождя расхристанную стаю костистых бабок с жестяными прическами и транспарантами сочно-мясного цвета, ерзливую суету машин и целеустремленно-бессмысленную пробежку пешеходов. Я слушал насвистываемую Любчиком мелодию, которую так часто напевал Ларионов, а перед глазами неотступно стояла грязная, зассанная телефонная будка на задворках Курского вокзала и лежащий на полу съездившийся маленький Ларионов, с серым, будто замурзанным лицом. Я подумал, что это я и раньше видел много раз, у убитых – несчастные, обиженные лица. Но как-то не доходило до сердца, пока не увидел Валерку.

– Сколько лет ему было? – спросил К. К. К.

– Двадцать четыре, – не оборачиваясь, ответил я и кинул Любчику: – Заткнись...

Потом прошел к своему столу, уселся на место, сильно потер ладонями лицо и медленно сказал:

– Вчера вечером, когда его убивали, я был у Келарева. Он мне велел подать докладную... Управление безопасности требует уволить Ларионова... Вот... Освободил меня Валерка от этой работы.

– И начальству приятнее – не какого-то там нарушителя и разгильдяя гнать с треском, а печально и гордо исключить из органов в связи с гибелью на боевом посту. Всем хорошо... – заметила Ростова.

Любчик беззаботно махнул рукой:

– А нас всех – кого не застрелят – или посадят, или выгонят!

– Но нас пока, слава богу, не застрелили, не посадили и не выгнали. Какой отсюда вывод? – спросил я.

– Расквитаться со всей джангировской бандой, – спокойно-уверенно сказал Любчик.

– А ты думаешь, что это они? – Я внимательно посмотрел на него.

– Я тоже в этом не сомневаюсь, – вмешался Кит Моржовый. – Ларионов кричал по телефону: «Они захватили американца!»

– Они! – повторил К. К. К. – Ларионов уходил от погони, у него не было времени объяснять, он кричал как о само собой разумеющемся – кроме Джангирова с компанией, он ничем не занимался сейчас!..

– погоди, не бухти... – остановил я его. – Келарев сказал, что несколько дней назад бесследно пропал американский гражданин Левон Бастанян. Ушел из гостиницы и сгинул. Может быть, это о нем кричал Валерка?

– У Джангирова от безнаказанности совсем стерлись тормозные колодки – делает что хочет, – эпически вздохнул К. К. К.

И Кит Моржовый согласился:

– Непонятно зачем, но нахальства украсть американца у них вполне достанет.

Гордон Марк Александрович поправил на носу золотые очки:

– Могу засвидетельствовать как бывший доктор, что слобное холеное тело мира быстро покрывает российская криминальная сыпь. Ждем-с рожистых воспалений, экзем, гнойных пролежней...

– Дождетесь, – пообещал я.

– Ах, если бы можно было узнать, с кем вчера встречался Валера! – с досадой стукнула кулаком в кулак Ростова.

– Невозможно, – покачал головой Любчик. – Агент наверняка позвонил внезапно, что-то важное посулил, он и помчался, никому ничего не сказав... А посмотреть его агентурное досье – пустое дело! Он, кроме нас, никому уже не доверял и попросту не вносил данные агентов в картотеку.

– И не сказал ни единого слова... – пробормотал Гордон.

– Что? – удивился Кит Моржовый.

– Роман был такой хороший, – пояснил ему К. К. К. и повернулся ко мне. – Шеф, хочу напомнить пункт двадцать два из инструкции по системе эффективного управления...

– Началось... – махнул рукой Любчик.

Гордон Марк Александрович улыбнулся.

Кит Моржовый покрутил пальцем у виска.

Я согласно кивнул.

– Руководитель, созвав сотрудников и выяснив их мнение по обсуждаемым вопросам, должен дать понятные и четкие распоряжения по исполнению, – продекларировал К. К. К.

– Хорошенькое время ты нашел для шуток, – сердито бормотнул Любчик.

– А я не шучу, – спокойно ответил К. К. К. и снова обратился ко мне: – Пункт девятнадцать – «не прибегай к заседаниям как способу коллективной защиты от индивидуальной ответственности»...

– Спасибо, Куклуксклан, пошел в жопу, – оприходовал я рекомендацию аналитика. – Вытряси из своих компьютеров все мыслимые комбинации их связей.

Показал пальцем на Любчика:

– Насчет агентуры ты прав только частично... У меня на этот счет есть соображения... Ладно, вы с Ростовской знаете, чем заниматься... Марк Александрович представит все соображения к вечеру... А с тобой, Кит, мы сейчас прошвырнемся кое-куда...

Все встали, но Любчик еще успел возникнуть:

– Имею вопрос! Командир Ордынцев, прикажите, пожалуйста, Куклуксклану покопаться в компьютере... Нужен ответ...

– Что нужно?

– Почему мафиознику, попавшему на цугундер, вся их система помогает любыми средствами, а у нас в конторе – как раз наоборот? Почему?..

– Любчик, у тебя компас есть? Иди по нему, иди...

6. Нью-Йорк. Аэропорт Дж. Ф. Кеннеди – магистраль Ван-Вик

Для пассажиров, глазающих из окошек самолетов на подлете к аэропорту Кеннеди, терминал «Дельта», наверное, выглядит как кастрюля циклопических размеров: к громадному стеклянному цилиндру главного аэровокзала пристроена длинная четырехэтажная «ручка» – в ней бессчетная текучая армия пассажиров рассасывается по кассовым залам, посадочным стойкам, холлам-накопителям, магазинам и ресторанам. А на крыше «ручки» ползают муравьями по стоянке автомобили.

По бескрайней кровле-паркингу, где медленно плавилась в палящем солнечном мареве эти сотни автомобилей, Лекарь бежал словно регбист-нападающий – корпус наклонен вперед, кейс, как мяч, прижат левой рукой к животу, весь в атаке – и весь в ожидании бокового удара. Издалека нажал кнопку электронной секретки, и его «мерседес» подал знакомый голос – «пик-так-тик-су-у!», приятельски мигнул фарами: тут я, босс, тут, ожидаюсь.

Рванул дверь, чемодан – за спинку между сиденьями, ключ – в замок, рывкнул мотор-зверюга, глухо и грозно заурчал под капотом. Включил на всю мощь кондиционер, задний ход, баранку налево – и погнали! Давай, приятель, давай, покажи себя!

Еще полминуты из жизни украл билетер на выездной платежной будке – ленивый жирный индус, похожий на усатую матрешку. Кинул ему пятерку – «абрашу» и, не дожидаясь сдачи, рванул во всю мочь, вихрем скатился с пандуса, через гулкий короткий туннель ухнул на площадь. Светофор сморгнул зеленую каплю света, вспыхнул жидким йодом желтый сигнал, но тут уж Лекарь не дал этим вареным фраерам ни единого шанса – прорезал тронувшийся с места поперечный поток, нагло выскочил на перекресток, повернул руль до упора налево – задние баллоны злобно-жалобно взвизгнули, и помчался серебристо-стальной «мерседес» из аэропорта навывлет.

Петли дороги, разнесенные эстакадами на разные уровни, витки вздымающихся и опадающих разволок, как вывороченные наружу кишки, мелькающие зеленые и оранжевые указатели на решетчатых консолях, бликуют стеклянные сводчатые купола, плывут стрелы кранов, струящиеся в поднебесье алюминиевые трубы, навигационные башни, пульсирующие красные огни на мачтах, выползающий из ангара сверхзвуковой хищно-горбатый «конкорд». Все быстро и непрерывно движется.

И ни одного человека.

Когда-то в детстве Лекарь видел такое на рисованных обложках журнала «Техника – молодежи»: фантастика, мол, космопорт на Марсе. Тот же ослепительный свет, багровая воспаленность. Машинное безлюдье.

В боковом зеркальце Лекарь рассмотрел далеко позади полицейскую машину. Лекарь косился на нее время от времени, пытаясь угадать: просто едет в том же направлении? Или за ним? Обычный патрульный коп? Или это дружки Сеньки Дриста за ним топают?

Не важно! Не возьмут они его тут. Сейчас с Ван-Вика съезд направо, оттуда на Белт, сейчас надо затесаться в лабиринт улочек вокруг Рокавей-бульвара.

Полицейский включил световую рампу на крыше – полыхнули, забежали, заметусились всполохи тревоги, и шакальим воем заголосила сзади сирена. Лекарь взглянул на спидометр – стрелка уперлась в багровую цифру «115». Лекарь успел подумать: «Жлоб сказал бы – по нашему это почти сто девяносто выходит», но потом он сразу забыл о нем. Сейчас коп по радио вызовет подмогу в зону, надо уходить с трассы.

Лекарь крутанул машину – вразрез двигающимся рядом, резко направо помчался на рэмп – выходной пандус с магистрали. Пронзительно завизжали тормоза отсеченных его рывком машин, что-то сзади тяжело грохотало и ухало, истерически завывала полицейская сирена.

«Может, это я зря делаю? – подумал Лекарь. – Может, это просто патрульный дурак за мной увязался? Нет! Я моим чемоданом рисковать не могу!»

Выжженное злобой сердце Лекаря не знало страха. Оно ведало только чувство опасности, горечь подступающей беды. А подсказать, откуда она, эта черная беда, не могло. И поэтому он все время косился назад, уходя от надрывающейся воем, заходящейся в зверином азарте погони полицейской машины...

Лекарь взглянул направо – в створ перпендикулярной Атлантик-авеню – и увидел прямо перед собой необъятный хромированный бампер громадного грузовика-трассохода «Кенворс». Он двигался беззвучно и неотвратно, он плыл легко и плавно, и наверняка, если бы можно было на миг закрыть и снова открыть глаза, трассоход исчез бы, как в просоночном кошмаре.

Но этого мига не осталось.

Эх, глупость-то какая – всю жизнь прожил не оглядываясь!

А тут! Зря смотрел назад...

И навалился на него грузовик, как рухнувшая железная гора.

7. Будапешт. Речной вокзал «Маргит». Хэнк Андерсон

Хэнк Андерсон затянулся последний раз, потом зажал окурочек между пальцами, щелкнул, и белый столбик фильтра, протягивая за собой хвостик синего дыма, описал долгую траекторию и упал в воду. Вода в голубом Дунае была мучительно-коричневого цвета. Андерсон хмыкнул – люди полны вздорных нелепых предрассудков. Почему именно Дунай называется голубым? Нормальная сточная канава Европы. Цветом и скверным запахом она мало отличалась от Меконга, который бы никто спьяну и в бреду не назвал бы голубым. Меконг был последней рекой, в которой купался Андерсон. Ну, не то чтобы купался...

Тогда, незапамятно давно, он плыл на восточный берег, сочась кровью, задыхаясь от усталости; сквозь тяжелый трескучий гул вертолетов прикрытия он слышал позади визгливое вяканье преследующих его вьетконговцев. Кто знает, если бы Меконг не был таким грязным, страшным бульоном бактерий, может быть, в ране не началось тогда воспаление и не пришлось резать до локтя руку. Сейчас этого уже не узнать. Да и не имеет это значения.

Тогда они вырвались из лагеря всемером. И пятьдесят миль за ними неукротимо шла погоня. Поплыли через реку они втроем. С тех пор регулярно преследует кошмар, или сон, или наваждение, приходящее наяву и во сне: виден близкий берег, он плывет один, загребая правой рукой, и ясно, что сил осталось только на один взмах, а дна под ногами нет. Берег – рядом, но дно – еще ближе...

Андерсон посмотрел вниз на набережную. По широкой сходне скатывали с борта теплохода его вэн, маленький удобный автобус «плимут». Тихо урчал мотор, галдели матросы, хэнковский экипаж пошучивал с ними. А капитан теплохода, усатый удалой болгарин Ангелов, перегнувшись через поручни мостика, кричал им на сносном английском: «Смотрите не опаздывайте, отходим ровно в полночь!» В крышный багажник уже была уложена вся съемочная телевизионная аппаратура: камеры, лампы, огромные алюминиевые чемоданы. Съемочная группа – двое парней и некрасивая тощая девка, похожая на колли, устраивались в автобусе и махали снизу рукой Андерсону – мол, мы готовы.

Андерсон поставил на мраморный столик недопитую наполеонку с коньяком, рука ощутила нежный холод камня. По трапу спустился к нему капитан, козырнул и открыл рот, чтобы что-то сообщить, – скорее всего, какую-нибудь глупость.

Андерсон знал: для того чтобы командовать речным круизным теплоходом, вовсе не надо быть Генрихом Мореплавателем. Но доброжелательно-веселая дурость капитана Димитра Ангелова его удивляла. От разговоров с ним Андерсон испытывал мазохистское удовольствие.

– Хай, кэп! Ты хотел меня предупредить, чтобы мы не опаздывали. Угадал?

– Точно! – восхитился Ангелов. – Откуда вы догадались?

– Пока не могу сказать. Это секрет. Ты мне лучше ответь – из-за чего вы, болгары, русских не любите?

– Почему? – удивился капитан. – Мы их любим. Как братьев. Двоюродных...

– Тогда объясни, почему на теплоходе все объявления так хитро составлены: все, что пассажирам разрешено, написано по-английски, а все запрещенное – по-русски?

Капитан Ангелов, не задумываясь, быстро ответил:

– Потому что они богатые!

Андерсона это развеселило – он давно заметил, что глупые люди быстры на ответ, поскольку им легко думать.

– Не вижу логики, – строго сказал он.

– Видите ли, мистер Андерсон, у нас довольно дорогой круиз. Обычные русские сюда не попадают. А те, что путешествуют с нами, напиваются каждый день и обязательно пытаются отнять у рулевого штурвал. Когда я не допускаю этого, они предлагают выкупить теплоход.

– А что они будут делать с ним? – заинтересовался Андерсон.

– Один мне сказал, что он перегонит его в Москву и поставит напротив Кремля. Бордель, ресторан, казино, на верхней палубе – дискотека. Может быть, он шутил?

– Не думаю! – восхищенно покачал головой Андерсон.

– Если бы теплоход был мой, я бы продал, – вздохнул Ангелов. – Этот русский обещал меня и в Москве оставить капитаном на судне...

– А что? – присвистнул Андерсон. – Замечательная должность – флаг-капитан бардака...

– В Болгарии сейчас жизнь тяжелая, – пожал плечами Ангелов. – И очень ненадежная...

– А в Москве? – спросил Андерсон. – Надежная?

– Не знаю... Я там не был, – сказал Ангелов. – Я в Одессе был... Давно... Я тогда на пароме Одесса – Варна плавал... А в Москве не был...

– И я не был, – успокоил его Андерсон. – Может быть, вместе еще поплывем, кино снимем...

– С вами, мистер режиссер, хоть в Австралию, – заверил капитан.

Чистая душа. И разговор их прост, как треньканье на банджо. Пару недель назад доброжелательно-дурацкие рассказы капитана и навели Андерсона на мысль об этом круизе. Совершив приятное путешествие по Дунаю через шесть стран, он вместе со своими ребятами не оставит ни одного следа, ни единой отметки о своем пребывании там. Ладно, посмотрим, как это получится...

Андерсон встал, похлопал приятельски капитана по крутой спине, твердо пообещал:

– Не тревожься, мы вернемся до полуночи... Нам осталось снять только вечернюю панораму города...

– Желаю удачи! – еще раз козырнул капитан Ангелов.

Андерсон спускался по трапу на набережную и удивлялся, что нет в нем ни возбуждения, ни страха, ни ощущения чего-то необычного. Шел как на скучную работу. Белые стены круизного теплохода, алая ковровая дорожка на трапе, латунные поручни и ободки иллюминаторов. Духота и скука. Спустился на набережную, сел в автобус, оглядел команду и сказал:

– Ну что? Поехали?

8. Франция. Лион. Рю Шарль де Голль, 200

ШТАБ-КВАРТИРА ИНТЕРПОЛА

ИЗВЕЩЕНИЕ О РОЗЫСКЕ – «КРАСНАЯ КАРТОЧКА»

Хэнк Мейвуд Андерсон, живет под другими фамилиями, гражданин США. Родился в Норс-Шор, графство Нассау, штат Нью-Йорк, 1 апреля 1949 г.

Окончил колледж в Хьюстоне, военно-воздушное училище в Аннаполисе, принимал участие в военных действиях во Вьетнаме с 1972 по 1975 г. Был сбит и взят в плен в 1974 г. Бежал из плена. Был тяжело ранен, потерял левую руку. Награжден медалью конгресса, медалью «За храбрость», двумя орденами «Пурпурное сердце».

Лишен воинского звания майор и уволен из армии за поведение, несовместимое с честью американского офицера.

Разыскивается за совершение ряда дерзких и тяжелых преступлений. Предполагается, что связан с организованной преступностью, экстремистскими военизированными структурами в США и остатками террористической группировки «Красные бригады»...

Всегда вооружен. Признан очень опасным и в любой момент склонным к агрессии.

9. Нью-Йорк. Стивен Дж. Полк

*Доктору Кеннету Полку,
кафедра славистики,
Гарвардский университет,
Бостон, Массачусетс
Здравствуй, мой дорогой старик!*

Я подумал сейчас, что мои письма являются хрониками – не было еще случая, чтобы я сел за стол, начал и закончил письмо. Обычно мои письма, как и полагается историческим хроникам, охватывают целый период – недельный, иногда месячный. Я начинаю письмо в понедельник, потом дела и обстоятельства отрывают, я продолжаю его в среду, дописываю в субботу, в воскресенье забываю отправить, а в следующий вторник происходит что-то важное или любопытное – я делаю дописки к письму, и длится это до тех пор, пока не приходит пора срочно рассылать чеки-платежи, и тогда я в произвольном месте обрываю послание, заклеиваю конверт и со всей деловой почтой опускаю в ящик. Из-за всего этого ты получаешь мои письма крайне нерегулярно, но зато как ученый ты можешь изучать не разрозненные клочки-эпизоды бытовой информации, а целые системные периоды, и картина моей жизни для тебя выглядит более убедительно и впечатляюще.

Я надеюсь, что этим вступительным пассажем я выпросил у тебя прощение за долгое молчание. Простил?

И, кроме того, ты виноват сам – я не знаю ни одного человека, который в наш век Интернета, имейла, телефонов и факсов пишет своим родителям письма. Но я всегда был послушным и исполнительным сыном и уже много лет выполняю твою категорическую просьбу-требование – писать письма. И не на машинке, не на компьютере – рукой! Спасибо, что ты не взял с меня клятвы писать гусиным пером.

Верю тебе на слово, что это зачем-то надо. И как ты любишь говорить – мне это нужнее, чем тебе.

О моих последних подвигах ты слышишь, наверное, по радио и ТВ. И газеты побаловали вниманием, хотя в их изложении, как и требует того всякая коммерческая реклама, было гораздо больше героической и драматической чепухи, чем на самом деле. Поскольку в жизни это все скучнее, утомительнее, грязнее. Вообще, сложность нашей работы состоит в том, что для русских мафиозников характерна чрезмерная готовность к немедленному бою – итальянцы до последнего момента пытаются решить вопрос тихо и только потом стреляют. А русские сначала стреляют, а потом готовы обсуждать накопившиеся проблемы.

Кстати, можешь меня поздравить с крупным служебным повышением – я теперь старший специальный агент ФБР. Мои коллеги говорят – кто весело, кто завистливо, – что я теперь самый молодой ССА-джи-мэн во всей конторе. Я должен гордиться и радоваться.

А я – в грусти и растерянности. Дело в том, что мое служебное повышение – это взятка начальства мне, это, так сказать, руководящий аванс за мою будущую работу на фронте борьбы с растущей и крепнущей русской преступностью, это захлопнувшаяся дверца мышеловки. Ибо если я сейчас захочу уйти из конторы, это будет выглядеть черной неблагодарностью, мрачным свинством, предательством гражданских интересов и оскорблением так сильно верящего в меня начальства, которое настолько высоко ценит меня и досрочно поощряет.

Если судить по справедливости, то, наверное, поощрять начальству надо не меня, а тебя – это ведь ты с малолетства заставлял меня учить русский, соблазнял его прелестями, объясняя его величие, наказывал за нерадивость, внушал мне неумоимо, что забыть, похоронить в себе прекрасный язык моих материнских предков – просто глупое преступление.

А я всегда был послушным сыном. Естественно, тебе и в голову не приходила дикая мысль, что я буду использовать этот язык не для филологических исследований в Стэнфорде или Корнелле, а употребляю его в работе с веселыми кровожадными разбойниками с Брайтон-Бич.

Но сирены-соблазнительницы из департамента персонала ФБР после колледжа взяли меня в такой оборот, они рассказывали и сулили нечто такое волшебное-таинственное – «секретность, сила, невидимая власть, причастность к ордену справедливости и надежды беззащитных» и очень многое еще волнующее и многообещающее, что мое сыновнее послушание растаяло незаметно и быстро, как льдинка в мартини.

Я пошел продолжать образование не в Гарвард, а в академию ФБР в Куантико. Если то, чему меня там научили, – а научили меня там многому такому, о чем частные люди и не догадываются, – можно считать образованием.

Я разочаровал тебя и обрек себя. Наверное, и то и другое было неизбежно – я и сейчас ни на секунду не жалею о пренебреженной мной ученой стезе. Но и своей участью я очень недоволен. Самое глупое, что может надумать человек в тридцать один год от роду, – это принять решение начать жить сначала. Но я не готов даже к такому глупому поступку – я не хочу начинать жить сначала. Потому что я не знаю – а как надо жить сначала? Беда в том, что у меня нет сверхценной идеи. Сколько я себя помню, у меня всегда были сверхценные идеи моего бытия – мальчишеского, юношеского, молодого интеллектуала. Часть из них реализовалась, остальные бесследно рассеялись. Наверное, потому, что я скорее эмоционален, чем интеллектуален. Моя жизнь наполнена уголовно-следственной рутинной, конкурентно-недоброжелательным соревнованием с полицией, склоками с прокуратурой и туманными обещаниями начальства подчинить мне Русский отдел при Нью-Йоркском ФБР. Сам понимаешь, что до сверхценной идеи это недотягивает.

И стою я на большом жизненном распутье. Честное слово, не знаю, что делать...

Просмотрел снова письмо, и показалось оно мне глупо-слонявым, и сам я – хныкающий напуганный эмоционал, а не бесстрашный рыцарь ордена «Закон и справедливость». Правильнее всего эти листочки было бы разорвать и бросить в корзину. Но я не знаю, когда у меня найдется время написать тебе следующее письмо, а ты будешь беспокоиться.

И еще одно важное обстоятельство: я тебя люблю, и ты, наверное, мой единственный приятель – так уж получилось. Мне не с кем обсуждать то, что я написал тебе. И не хочется.

А во всем остальном я – о'кей! Здоров как бык. Желаю тебе здоровья, всего самого лучшего, твой преуспевающий сын – старший специальный эмоционал Нью-Йоркского отделения ФБР

Стивен Дж. Полк.

10. Москва. «Дивизион». Ордынцев

В коридоре ошивался Лешка Пикалов. По кривым паркетным волнам сновал он зорким сторожевиком – меня перехватывал. Объяснять собирался. А я не могу смотреть в глаза людям, которых не люблю или которым не верю. И говорить с ним не было сил и желания. Кинулся он с криком:

– Командир Ордынцев! Сергей Петрович...

А я ему предложил:

– Пошел вон...

И Кит Моржовый, идущий за мной, остановился на миг, сказал ему скучно:

– Шел бы ты, Леха, домой... Не время сейчас...

Но Пикалов вцепился в меня удушливой хваткой утопающего:

– Да побойтесь бога, Сергей Петрович! В чем я виноват? Что бардак повсюду? Телефоны не работают? В чем вы меня обвиняете?

– Ты бы этот вопросик задал в Афганистане... Или в Чечне... Там бы тебе ответили... – бросил я ему на ходу.

– Но здесь не Афганистан! И не Чечня! – завыл Пикалов. – У вас это вроде фронтовой контузии, Сергей Петрович! Вы меня напрямую в Валеркиной смерти обвиняете! Вы же знаете, он мой друган был!

Я резко остановился и ткнул в него пальцем:

– Знаю! И обвинять тебя не могу – доказательств нет. Я вообще могу наказать тебя только одним способом... Ничего я тебе сделать не могу... Я тебя отлучаю!

– Как? – испуганно удивился Пикалов.

– Так! Живи один! Без меня! Без Любчика! Без Кита! Без Валерки Ларионова! Без всех! Один живи! И звони по ночам в пустоту! Тогда, может быть, ты узнаешь, что Валерка чувствовал – один, брошенный. Перед тем, как умер...

– Господи, что ж мне такое мучение ни за что? – заныл Пикалов.

Он был бледен, но трусливый отток крови не мог совсем погасить его здоровый румянец, ясную голубизну глаз хитрого жизнерадостного прохиндея, цепкую нацеленность на успех. Он не помнил сейчас, да и помнить не мог – он ведь не видел сегодня утром – замурзанного усталого лица Валерки Ларионова, жалко скорчившегося в вонючем пенале телефонной будки.

Я хотел ему сказать о дурацкой истории, вычитанной мной еще в детстве, об истории одинаково трагической и издевательской. Как бойцы-красноармейцы шутки ради поставили своего товарища-китайца на пост – охранять нужник. И забыли об этом. А потом пришли белые, и китаец много часов сражался с ними, пока его не застрелили. Я хотел сказать Лешке, что мы все – героические китайцы, охраняющие сортир, и в наши удивительные времена, когда не осталось ни белых, ни красных, ни памяти о них, а только стоят забытые нужники, мы можем остаться людьми, только пока помним о долге и верности.

Но не сказал ему об этом ничего – он сейчас мучился. Ни за что.

– Иди в кадры, предлагайся, – посочувствовал я ему. – Скажи, что я согласен на твой перевод...

– Сергей Петрович, как же? Я ведь и рапорта не подавал...

– Считай, что он уже подписан...

Мы вышли с Китом на улицу и отправились к автостоянке. Кит за спиной недовольно кряхтел и задумчиво жевал бублик с маком.

– Ну, чего сопишь? – спросил я недовольно – злая энергия возбуждения искала выхода.

– Да чего там... – вздохнул тяжело Кит и откусил полбублика.

– Из тебя слово вырвать тяжелее, чем коренной зуб... – сердито сказал я.

– А чего там говорить? – пожал плечами Кит. – Знаешь, как в рекламе – лучше жевать, чем говорить.

Посмотрел с сожалением на оставшийся кусок бублика, протянул засиженную маковым пометом четвертушку, лицемерно угостил:

– Хочешь? – Кит надеялся, что я откажусь и он благополучно дождет свой бублик.

Толстые усы Кита были грустно опущены. Его усы служили индикатором душевного состояния. Когда они опускались, его мясистая хряшка становилась вроде греческой маски печали и страдания. Поднимались грозно вверх – маска задора и готовности к бою.

Я отнял огрызок, торопливо сжевал и пообещал:

– Не плачь – дам калач...

– Ага, как же! Дождешься, – эпически заметил Кит, мрачно наблюдая, как я слизываю с ладони маковые зернышки. – Слушай, командир Ордынцев, а может быть, ты с Лешкой слишком круто? А? Вдруг мы ошибаемся... Вдруг он не уходил никуда?

– Запомни, Кит, я никогда не ошибаюсь. Понял? Не ошибаюсь! Не могу! Не имею права...

Кит помотал тяжелой башкой:

– Все, Петрович, ошибаются. Когда-нибудь. Даже минеры...

– А я, Кит, и есть минер. Как ошибусь – конец, в жопу... А с Лехой я не ошибаюсь!

– Почему знаешь?

– Его друга Ларионова убили, когда он дежурил. Лешка сейчас должен был по потолку бегать. А он себя до хрипа отмазывает...

Итак, за прошедшую ночь мы потеряли двоих из нашей малочисленной, непрерывно сокращающейся команды.

Когда-то наш отдел в «Шестерке» – Главном управлении по борьбе с оргпреступностью – был довольно грозной силой. Именно тогда прилипло название «Дивизион»: Юрка Любчик, болтун и полиглотник, называл его по-английски – «фёрст дивижн», то есть первый отдел. И другие стали повторять – «дивизион». Так и привыкли.

А отдел редел и усыхал, как шагреневая кожа.

Интересно, кто такой этот самый шагрень – чья кожа все время уменьшается и исчезает?

Мы подошли к машине Кита – самому уродливому автомобилю на территории Российской Федерации. Может быть, даже во всем СНГ. Старый военный «газон», реставрированный, переделанный, переоснащенный, перекрашенный в камуфляж цвета свежей блевотины.

Когда Кит после года ремонтно-восстановительной деятельности пригнал машину впервые, мы все, естественно, вывалили на улицу – смотреть обновку.

К. К. К., ученая головушка, задумчиво-растерянно сказал:

– Н-да, можно сказать, тюнинговый кар...

Мила Ростова осторожно спросила:

– В нем ездить не опасно?

Валерка Ларионов успокоил:

– Его хоть с Останкинской башни скинь – ни черта ему не станет...

Гордон Марк Александрович предположил:

– Никита, это вам Ордынцев у душманов отбил?

Кит Моржовый обиженно сказал:

– Да что вы все понимаете? Нормальный «иван-виллис», естественный русский джип...

И усы его были грозно воздеты в зенит.

А добренький наш Любчик утешил:

– Нет, Кит, у него вид не как у джипа. Он выглядит как «джопа»...

Как припечатал. Навсегда. Даже Гордон Марк Александрович и Мила вежливо спрашивали:

– Кит, мы поедem на «джопе»?

Мы влезли в кабину «джопы», больше похожую на водительский отсек БМП, и Кит спросил:

– Поехали?

– Давай в Сыромятники. Потихоньку... А я тебе обскажу свой план по дороге... Шаг за шагом, как говорят американцы – «step by step»...

– Ну да, – кивнул Кит. – Степ бай степ кругом, путь далек лежит...

11. Нью-Йорк. Департамент полиции. Полис-плаза, 1. Стивен Полк

– Здесь одиннадцать с половиной фунтов! – приглушенно-таинственно сказал детектив Джордан и театральным жестом указал Стивену Полку на свой стол. – Тысяча сто сорок шесть штук!

– В протокол внесли? – спросил Полк.

– Конечно! – удивленно выкатил на него свои сизые маслины Джордан.

– Ну, слава богу! – усмехнулся Полк, уселся поудобнее в кресле и вытянул ноги. – Пол-дела сделано...

Полицейские любят накачивать пар. Или привыкли делать вид, будто они из-под земли добывают то, что им иногда с неба падает. Или с моста – как этот сумасшедший в «мерседесе».

Джордан смотрел на Полка с досадой и раздражением – этот «фед», этот нарядный джигмен, этот нахальный хлыщ хочет ему показать, будто он такое в жизни повидал, что его ничем не удивишь. Наглец молодой, пончик с дерьмом.

– Я понимаю, что вам большие дела крутить не впервой, – стараясь улыбаться, заговорил Джордан, а голос его искрился от нарастающей злости. – Но нас, скромных мусорщиков уголовщины, поразить очень легко. Во всяком случае, за двадцать лет службы я впервые вижу одиннадцать с половиной фунтов зубов...

Полк, чуть прищурившись, разглядывал на пластиковой столешнице гору золотых зубов. Заходящее солнце косыми лучами рассекало кабинет Джордана на дымящиеся светом ломти, и нижний пласт разогревался сиянием небрежно насыпанных на столе кусочков золота. Полк оторвал взгляд от зубов и повернулся к полицейскому:

– Не злитесь, Джордан... Я сам никогда не видел ничего подобного...

Острые конусы клыков, плоские пластины резцов, суставчатые гусеницы мостов, бюгели, фестоны коронок, обломки вставных протезов – всех оттенков желто-красной гаммы.

Старшему специальному агенту ФБР Стивену Полку раньше приходилось не раз иметь дело с золотом. Украшения, золотые монеты или банковские слитки. Очень редко – самородки. И случалось, что золота было много больше, чем сейчас. Но почему-то именно эта куча золота вызвала у него непривычное ощущение тревоги и отвращения. Может быть, потому, что в нем тайно присутствовало ощущение бывшего страдания. Золото в монетах или слитках было обезличенным и по существу ничем не отличалось от обычных пачек денег. Эти зубы несли на себе отпечаток давно перенесенной людьми муки. И оттого что их было так много, это старое истаявшее страдание уплотнялось и набирало силу.

– Скажите, Джордан, что вам удалось узнать о погибшем?

Джордан подвинул к себе листок бумаги, приподнял его над столом, и справка рассекла солнечный луч. В кучу золота на столе впечатался черный квадрат, и в этом месте искрящаяся пламя золотого костерка на столе пригасло. Полк невольно подумал о том, что лицо Джордана похоже на это золото: неровная кожа с коричнево-золотым блеском, изрытая темными пятнами.

Джордан прокашлялся, будто собирался запеть или продекламировать Полку стихотворение.

– Виктор Лекарь, пятидесятого года рождения. Приехал в Соединенные Штаты четыре с половиной года назад из Израиля. Эмигрировал туда из СССР. Держал магазин, потом продал его и создал брокерскую фирму. Два года назад имел неприятности с налоговым управлением, но внес штраф и отбился. Фирма, мне кажется, липовая. Реальными делами не занимается. «Мерседес» был оформлен как собственность фирмы.

– А что он за человек? – поинтересовался Полк.

– Сейчас детективы собирают информацию, пока ничего конкретного.

Полк отпил из картонного стаканчика остывший кофе и задумчиво сказал:

– Перед нами несколько вопросов. Очень бы хотелось узнать, откуда эти зубы. Потом меня интересует, что это такое...

– Я уже догадался, – ядовито усмехнулся Джордан. – Это искусственные человеческие зубы из драгоценного металла...

Полк помотал головой:

– Нет, лейтенант. Это раньше они были человеческими зубами. Сейчас у них есть какое-то новое качество.

– Не понял! – отчеканил Джордан.

– Видите ли, Джордан, ведь их было выгоднее переплавить. Поэтому меня интересует, что это такое. Плата? Аванс? Долевой взнос? Какая цель у этих зубов? У этих зубов, я не сомневаюсь, какое-то уголовное происхождение и, возможно, очень страшное прошлое.

– Вам не приходит в голову, что это имущество какого-нибудь давно практикующего дантиста? – хмыкнул Джордан.

– Нет, – покачал головой Полк. – И вы это знаете не хуже меня. Иначе бы вы тоже не так удивились. Не станет дантист коллекционировать тысячу с лишним старых золотых зубов. Это не золотые коронки, это зубы. Поэтому мне бы очень хотелось узнать, каким образом попали к Лекарю эти зубы. Надо, чтобы ваши люди сегодня собрали всю мыслимую информацию о Лекаре. Мы подключимся по нашим каналам. Хорошо бы узнать о нем побольше...

12. Будапешт. Хэнк Андерсон. Путь вверх

Подступающая ночь накрыла город двухцветным куполом, похожим на рекламный лейбл «Пепси». На востоке над Пештом небеса, утратив последнюю голубизну, наливались густой сочной синевой. А западная половинка небосвода была еще закатно-алая, она над Будой быстро линияла, краснота стекала с нее за горизонт, и в подступающей блеклой серости облаков торжественно вздымалась дымно-рыхлая луна – как огромный одуванчик.

Промаргиваясь после дневного сна, подмигивая и щурясь, на столбах медленно загорались фонари. Уже вовсю полыхали телесными соблазнами роскошные витрины на улице Ракоци. И отовсюду доносилась музыка, странное попури из рэпа и цыганских скрипок. Под каштанами толпились, кишели стайками молодые люди, хиппиподобные, панкообразные, в металлической упряжи, гривастые, мелкие, как боевые пони. Их подружки, тощие, лохматые, некачественно помытые, свиристели и цокали на своем никому не понятном угро-финском наречии, обнимались, пронзительно хохотали, и было неясно – собираются они факаться или кого-то убивать.

Андерсон показал на освещенный подъезд ресторана:

– Это «Матьяш Пинце». Здесь готовят самую вкусную рыбу в Европе... Халасли называется...

Водитель кивнул:

– Принято! Завтра придем сюда есть халасли...

– Надеюсь, завтра мы будем обедать в Вене, – заметил Андерсон.

На Мадьяр Утья он взглянул на часы, подсказал водителю:

– Лоренцо, они будут ждать на следующем углу. Около светофора. Будь внимателен...

Лоренцо начал перестраиваться в правый ряд. Сидевший в кресле напротив Андерсона белобрысый немец спросил:

– Слушай, Хэнк, а кто они, эти венгры?

– Шандор – инженер в музее, а Дьёрдь – бродяга, – спокойно ответил Андерсон.

– Бродяга? – удивился немец. – Зачем нам бродяга?

Хэнк пожал плечами:

– Он бродяга особый... Он бродяга по вертикали... – И, глядя в недоумевающие глаза немца, пояснил: – Он альпинист-скалолаз. Для нас сегодня – главный человек.

Лоренцо осветил дальним светом фар фигуры двух людей, стоящих на углу, выключил свет и плавно притормозил у стоп-линии. Немец уже распахнул дверь, и венгры мгновенно прыгнули в автобус. Это произошло так быстро, что, если бы кто-нибудь наблюдал с другой стороны улицы, он бы и не заметил, что в автобус кого-то подсаживали по дороге. Венгры уселись на свободные места, и старший сказал Андерсону:

– Привет, босс, давно не виделись.

– Давно, – усмехнулся Андерсон, пожимая ему руку. – Здравствуй, Шандор!

Автобус свернул на висячий мост Ланцхид и покатил в Буду. Шандор расстегнул молнию на большой спортивной сумке, вынул квадратную картонку с обведенной красной каймой венгерской надписью «Проезд всюду». Андерсон внимательно посмотрел и передал водителю. Лоренцо, не отрываясь от руля, прикрепил картонку на лобовом стекле.

– Где достал пропуск? – поинтересовался Андерсон.

Венгр засмеялся:

– Сам сделал! Это ксерокопия. Но для внешней охраны сойдет...

Потом все из той же сумки достал лист бумаги и дал Андерсону.

– Предъявишь постовому полицейскому, это разрешение на съемки на территории дворца.

– Тоже ксерокопия? – спросил Андерсон.

– Нет, это оригинал. Правда, совершенно фальшивый.

Лоренцо повернулся к ним:

– Через три минуты подъезжаем...

– О'кей! – кивнул Андерсон. – Внимание всем! Повторяю боевую установку. Машина останавливается около задней торцевой стены. Десантируем Шандора, Дьёрдя и Рудольфа, – ткнул он рукой на белобрысого немца.

Автобус с надсадным гудением сжевывал последние петли серпантина, ведущего к Королевскому замку. Андерсон продолжал инструктаж:

– На крышу идут Дьёрдь и Рудди. Шандор патрулирует вокруг – присматривается, нет ли посторонних. Если встретит кого-нибудь из знакомых, отводит подальше, отвлекает разговорами. Лоренцо высаживает меня с Магдой на площади Рыбачьего Бастиона, уезжает и делает круги вокруг замка. Каждый длительностью шесть минут, подъезжая каждый раз к месту спуска наших верхолазов. По расчетам Шандора, они должны управиться за двенадцать минут. Мы с Магдой обеспечиваем второй рубеж прикрытия. Огневой...

Немка впервые подала голос, издала звук – захохотала басом. Венгры испуганно покосились на нее. Магда подмигнула и показала под полую куртку многозарядный «глок».

– В случае каких-то осложнений Лоренцо закладывает третий круг – это восемнадцатая минута, – после чего мы уже ждем их в полной готовности. Подъезжаете, забираете нас и трогаемся отсюда. Все ясно? Вопросов нет?

Все промолчали. Значит, все ясно.

Андерсон закурил сигарету и сказал немцу:

– Рудди, на тебе контроль времени. Вся операция внутри дворца – девять минут. Шандор знает точно, что во всем этом районе с десяти ноль-ноль будет выключена на десять минут подача электричества, что-то там на электростанции переключают. За это время вы спуститесь с купола в зал и возьмете нужное нам полотно. Оно у тебя обозначено на схеме. Это второй зал от купольного помещения направо, ты не собьешься, там горят ночные противопожарные огни. В купол проникнете через третью крышную плиту, Шандор покажет. Стеклопанель снята с крепежа и просто уложена в пазы. Отодвинете и пройдете спокойно...

Предъявили на въезде в ворота Рыбачьего Бастиона письмо-разрешение на съемки. Полицейский лениво посмотрел пропуск на лобовом стекле, махнул рукой. Они въехали на территорию дворца, свернули налево в густую тень. Венгры, беззвучно лежавшие на полу, мгновенно выпрыгнули, за ними, чуть замешкавшись, – Рудди. Автобус неслышно укатил дальше.

Дьёрдь расстегнул сумку и вынул сооружение, похожее на арбалет, прицелился в край ската крыши, выстрелил, и гарпун на тросике, описав кривую, устремился вверх, с негромким стуком упал на крышу, сполз немного вниз и зацепился за каменный барьер. Дьёрдь изо всех сил подергал нейлоновый трос, прикрепленный к гарпуну, крепко ухватился обеими руками, присел гибко – раз, два, легко подбросил себя и уперся ногами в стену. Перехватил руки – передвинул ноги, перехватил руки – передвинул ноги. С удивительной быстротой и ловкостью он шел по вертикальной стене, он не полз, а шагал вверх по тросику, как черный пиратский флаг на мачту. Шандор и Рудди, затаив дыхание, следили за ним, поглядывая время от времени на светящийся циферблат хронометра. Через сорок секунд Дьёрдь перелез через бортик крыши, исчез на мгновение из поля зрения, после чего высунулся снова, помахал им рукой.

Рудольф ухватился за трос, подпрыгнул, упершись ногами в стену, и стал повторять маневр Дьёрдя. Да и венгр наверху помогал ему, непрерывно подтягивая трос вверх. Не имея сноровки венгра, Рудди все равно быстро поднялся до бортика, и снизу было видно, как венгр

подхватил его под мышки и помог перелезть через бордюр. Потом пошел вверх Шандор, через минуту их силуэты исчезли с подсвеченного сиренево-синими сполохами неба.

Здесь было очень тихо. Откуда-то издалека доносились музыка и веселые голоса, смех. Далеко внизу, отсеченные мерцающей лентой Дуная, мигали и вспыхивали мириады огней ярко освещенного Пешта. По реке катились разноцветные пузырьки вечерних прогулочных теплоходов. Там происходила какая-то другая жизнь.

Двенадцать минут – оказывается, это очень долго.

Потом на крыше снова появилась тень, перемахнула через барьер и, держась за трос, заскользила вниз. На фоне белой стены фигура Рудди была перечеркнута, как крестом, трубкой футляра с картиной за спиной. Было слышно, как он сопит и шоркают по стене его кроссовки. На уровне второго этажа он посмотрел вниз, оттолкнулся от стены и прыгнул легко, гибко-зверино. Помахал наверх рукой, и Дьёрдь перепрыгнул через бордюр, почти бегом пошел по вертикальному тросу вниз. Когда он соскочил на тротуар, Шандор, держа трос толстыми перчатками, быстро соскользнул на землю и стал раскачивать трос, пытаясь отцепить гарпун наверху. Но, видно, каленый крюк крепко въелся в пористый камень и не освобождался ни под каким видом.

Рудди подтолкнул его в плечо:

– Плюнь. Завтра они все равно найдут, как туда попали, – и протянул Андерсону тубус.

Быстро расселись в подъехавший автобус и помчались к выходу. Притормозили около охранника, отдали пропуск и вывернули на спуск с горы. Они промчались через мост Ланцхид, и, не доезжая парламента, Шандор сказал:

– Пожалуй, мы здесь сойдем.

Андерсон, не выпуская картины, которую он прижимал к себе кулечей, достал из кармана две толстые пачки.

– Шандор, здесь двадцать тысяч... Остальное – как всегда... Получите по реализации. Я позвоню...

– Это деньги чистые? – спросил Шандор.

– Да, это хорошие деньги... Магазиновые, разменные... Можете пользоваться свободно. – Усмехнулся и добавил: – У выигранных и украденных денег волшебный вкус – легкий, сладкий, пьяный...

Лоренцо притормозил на миг, венгры выскочили из автобуса и бесследно исчезли в веселящейся шумной толпе на тротуаре. Андерсон подумал, что под страхом смерти ни один из его людей ни на одном опознании не сможет вспомнить их лиц. Всем хорошо. Скомандовал:

– Порядок! На теплоход...

13. Москва. Ордынцев. Разборка «хонды»

На лавочке у подъезда сидела на старом венском стуле сизая толстая старуха. Несмотря на жару, она красовалась в китайском мантии из крашеной собаки. Наверное, бабка демонстрировала соседкам достаток. Она тщеславно похвалялась нарядом – как Кит гордился «джопой».

– За домом его ищите, в гараже он, – взмахнула она пыльным рукавом шубы, которая еще недавно гавкала на берегу Хуанхэ. – Здоровенный гараж, кирпичный, самый зажиточный...

Длинный ряд железных «инвалидских» гаражей замыкал терем силикатного белого кирпича с раскрытыми створками ворот. Кит подошел к ним «джопу» впритирку, устроив нечто вроде тамбура перед гаражом. Мы вышли из машины и в замкнутом пространстве «гараж – тамбур – „джопа“» обнаружили лежащего под старенькой, зеркально наблищенной «хондой» человека, которого звали, скорее всего, Василий Данилович Прусик. Это про него писал мне рапорты Валерка Ларионов – «по сообщению агента Гобейко...».

Дело в том, что давеча Любчик был не совсем прав, утверждая, что Валерка Ларионов со своей агентурой замуровался, как в дзоте. Просто Валерка на всякий случай держал свои рапорты в моем сейфе – я хорошо знал, чем он занимается. Другое дело, что успехи его были невелики, информация разрозненна и недостаточна, и предпринять что-то против группировки Психа Нарика мы пока не могли. Но Валерка вчера умер и возложил на нас бремена тяжелые и неудобноносимые – взять к ногтю всю эту компанию жгучих блондинов...

Кит постучал связкой ключей по капоту «хонды» и приветливо пригласил к разговору хозяина лязгающих копыт, торчащих из-под машины.

– Эй, ты, гумозник! Подъ сюда...

Тощие ноги в трикотажных рейтузах с пузырями проворно согнулись в острых коленях точь-в-точь как у жука-плавунца, сухопарая задница ерзула из-под днища, и вырос перед нами, быстро складываясь и разгибаясь во всех мусклах и суставах, замечательный красавец.

Вы его видели наверняка – на странице 232 учебника биологии для средней школы есть подборка фотографий развития человеческого плода, от двух недель до девяти месяцев.

Вот наш красавец как две капли смахивал на шестимесячный зародыш, неожиданно вспухший к пенсии до полутора метров на коньках и в фетровой шляпе. Здоровенная костистая башка с плешкой, похожей на облезший пах.

– Здравствуйте, товарищи! – бодро выкрикнул Василий Данилович, широко щерясь и радостно светясь выпученными глазами. Это были не глаза, а глазные яблоки. Два кислых зеленых яблока-падалицы.

Я уселся на пустой ящик у ворот гаража, а Кит вежливо поздоровался:

– Здорово, урод. – Подумал немного и сердечно добавил: – Только запомни – мы тебе не товарищи. Мы тебе господа...

Я озирался по сторонам, и чувство зависти и восхищения не покидало меня. Не видел я никогда такого гаража. Вдоль стен шли аккуратные, покрашенные белилами стеллажи, уставленные до потолка неопределимым количеством самого разнообразного барахла всеобъемлющего назначения. Пользованная резиновая клизма, патефон без крышки, стертая авторезина, утюги, побитые эмалированные кастрюли, унитаз с вьедшимися потеками ржавчины, продраный чемодан, стул красного дерева без спинки, запчасти для разных моделей машин, одна лыжа, гитара без струн...

Все аккуратно протертое от пыли, чистое, в порядке сложенное или хорошо притороченное к стойкам стеллажа. Нет, это был не факультет, это был университет, академия ненужных вещей. Они все были одухотворены любовью Василия Данилыча к имуществу. На всех трех стеллажах были прикреплены рукописные плакатики-указатели: «Для дома», «Для души», «Для бизнесу».

Кит, впечатленный не меньше моего, достал из кармана шоколадку «Марс», откусил, кивнул на листок:

– Значит, ты и бизнесом занимаешься?

– Да какой уж сейчас бизнес! – вздохнул пожилой зародыш. – Кошкины слезы! Так, кручусь помаленьку – жить-то надо!

– А зачем? – с интересом осведомился Кит.

– Господь заповедовал, – заверил нас Прусик, вдохновенно полыхнув своими падалицами. – Раз дал он нам дыхание – будем славить его по все дни!

Кит восхищенно помотал головой, взял из ровной стопы на стеллаже рекламную газету «Экстра-М». Ее разбрасывают бесплатно по подъездам, а вот Василий Данилыч старательно собрал комплект, – может быть, за несколько лет. Наверное, пригодится. Для души.

Кит старательно свернул из толстой газеты конический кулек, дисциплинированно сложил в него – не на пол бросил – обертки от доеденной шоколадки.

А Василий Данилыч следил за ним с удовольствием – хоть и жалко немного газеты, но приятно, что гость не мусорит, уважает, понимает порядок в этом храмехлама. И, осмелев, спросил:

– А чего же вы, господа хорошие, не предъявите себя? Если вы крутые, скажите тогда слова... А может, вы люди государственные, тогда, как говорится, надо ксивы сломать...

– К сожалению, государственные мы, – грустно вздохнул Кит, показал на меня пальцем. – А командир Петрович вообще фигура международная. Интернешнл. По-казахски называется «халакарлык фигур»... А ксивы сломать надо...

Надел толстый газетный кулек на руку, как варежку, и вдруг ударом резким, как тычок ножа, врезал по лобовому стеклу «хонды». Негромкий треск, молочной мутью пробежало стерильно намытое стекло и покрылось вмиг густой сетью трещин. Как каннелюры на старых картинах.

Я подумал, что у Василия Данилыча Прусика, агента под псевдонимом Гобейко, прямо у меня на глазах случится инфаркт. Или инсульт. Но не случился. А сипло-задушенно сказал мой стукач-предатель, вероломный двойной агент-осведомитель, информатор – подлюга продажная:

– Господи! Чего же это дееется такое... – И шепотом беззвучно закричал: – Люди! Караул!..

Кит скинул газетную варежку, усмехнулся и оборотился ко мне:

– Командир Ордынцев, давай доведем его до отчаяния?

– Валяй, – разрешил я.

Кит нагнулся, поплевал на руки, ухватился за конец хромированного бампера, примерился и с мясницким выдохом – хэк! – рванул к себе железяку.

«Хонда» и Прусик одновременно крикнули отчаянными жестяными голосами. Кит повернул бампер, как оглоблю, и с разворотом крутанул его на себя, оторвал с крепежа, согнул пополам и сунул в руки хозяина.

– Ну, ты, каналья, держи... Положи на полку «для души». Или «для бизнесу»...

– Не имеете прав таких, чтобы бандитничать! – визгливо пришепetyвал стукач. – Ответите за все за это, за разбойное!..

Занятно, что он и не пытался крикнуть, привлечь внимание, позвать людей на помощь. Он шептал. Тертый жучила не боялся, что Кит его убьет. Он не хотел огласки, он надеялся решить разборку по-тихому, среди своих. Вот только имущества, дорогого, иномарочного, было жалко душеразрывно.

– Да ты не тушуйся, ишак, – успокаивал его Кит и ударил ногой в крыло, в фару, и сразу же «хонда» приобрела такой вид, будто на полном ходу столкнулась с «джопой».

И тогда из зеленых яблок-падалиц Василия Данилыча брызнули слезы, шипучие и мутные, как молодой сидр.

14. Нью-Йорк. Департамент полиции. Полис-плаза, 1. Стивен Полк

Стив Полк не сомневался, что супруги рассказывают правду. Не сговариваясь, основные факты они излагали одинаково, расходясь лишь в некоторых подробностях. Эмма Драпкина, например, говорила, что жила с погибшим Лекарем почти с самого их приезда в США, а ее муж Лазарь по этому поводу отвечал уклончиво: «Пропади они оба пропадом!» Супруги излагали вещи довольно любопытные, но Лазарь был Стиву гораздо интереснее – впервые в жизни Полк видел раба. Не в фигуральном смысле, а вполне буквальном. И не какого-нибудь нелегального мексиканца или неграмотного китайца из трущоб Чайна-тауна, а раба белого, тридцати семи лет от роду, ученого человека с дипломом – Пи Эйч Ди, упоминающего в разговоре Заратустру и Кьеркегора.

В четырех других комнатах на шестом этаже городского полицейского управления детективы Джордана вылущивали информацию у соседей, знакомых и предполагаемых партнеров Лекаря. Но настоящей находкой, конечно, были именно эти странные супруги Драпкины. Их привезли на Полис-плаза, 1, незадолго до полуночи, когда осведомитель Сэм Лаксман по кличке Дрист назвал их наиболее близкими людьми к убитому Лекарю.

– Да-да, я раб! – с усталым отчаянием говорил Лазарь Драпкин. – Ну и что? Кого это волнует? И Эзоп был рабом...

Джордан смотрел на него с ленивым отвращением и при упоминании имени Эзопа вопросительно взглянул на Полка – что это за птица?

Стив усмехнулся, покачал головой, – мол, не обращай внимания, не имеет значения.

Лазарь довольно грамотно говорил по-английски, хоть и с чудовищным акцентом. Его речь была похожа на компьютерный перевод.

– Вы язык учили здесь или в России? – поинтересовался Полк.

Драпкин гордо выпрямился:

– Не забывайте, что я кандидат технических наук! Я интеллигентный человек!

Он напоминал изможденного гуся, которого поймали, ощипали наполовину, а потом отвлеклись, и ушел он снова в мир со своей костистой узкой головой, покрытой неопрятным редким пухом.

– Я об этом ни на миг не забываю, – серьезно заверил Полк. – Поэтому меня особенно интересует, каким образом возникла ваша рабская зависимость от уголовного Лекаря.

Лазарь страстно прижал к груди худые руки.

– Все мы – бывшие морские беспозвоночные! Но я, наверное, особенно! Вы не можете представить, какое это чудовище – Витя Лекар! В первый же день нашего приезда он взял наши документы, якобы для оформления ходатайства о грин-карте. И больше я своих документов ни разу не видел. У нас истекла американская виза, у нас не было ни одного документа, обратных билетов на самолет и ни одной копейки...

– Копейки не имеют хождения в США, – заметил многозначительно Джордан. – Почему вы не обратились в полицию?

Драпкин закрыл ладонью сухое остро вытянутое лицо и долго сидел молча, раскачиваясь на стуле взад-вперед.

– Я вам сказал: я – беспозвоночное. Я всех боюсь. И я боялся испортить отношения с Лекарем, я надеялся, что все как-то устроится по-человечески. Мне объяснили, что если я пойду в полицию, то нас как нелегальных эмигрантов сразу же арестуют и будут держать в тюрьме до решения нашего вопроса...

– И вы не пытались поговорить с Лекарем всерьез? – спросил Полк.

– Пытался, – кивнул своей ощипанной головой Драпкин. – Он меня повесил.

– В каком смысле?

Драпкин испуганно съежился.

– Он избил меня и повесил за ноги... У меня в комнате под потолком идет труба... Он меня к ней привязал за ноги... и сказал, что, если я еще раз открою рот, он меня повесит по-настоящему – за шею.

– А что делала в это время ваша жена? – заинтересованно спросил Джордан.

– Жена-а! – горько усмехнулся Драпкин. – Эта продажная самка была у него дома...

Стив встал и направился в соседнюю комнату, где детектив Майк Конолли допрашивал «продажную самку» Эмму Драпкину, видную брюнетистую бабенку лет тридцати. Эмма говорила меланхолично записывающему протокол детективу:

– Поймите же наконец, о мертвых плохо не говорят!..

Сидящая рядом с ней русская переводчица быстро перевела, постаравшись интонацией передать страстность заявления Эммы.

Красавчик Конолли, похожий на кинозвезду Энди Гарсиа, не отрываясь от бумаги, деловито сообщил:

– Это, наверное, мертвецы сами придумали... В полиции – говорят!

Эмма оглянулась на вошедшего Полка, потом сокрушенно вздохнула и развела руками:

– Таки – плохо! Мертвый оправдаться не может...

Конолли удовлетворенно кивнул, объяснил переводчице:

– Скажи ей, что мы ни в чем пока мертвого Лекаря не обвиняем. Но она может помочь нам объяснить, как к нему попали золотые зубы...

Переводчица исправно протранслировала просьбу Конолли.

– Как? Как? Купил наверняка! – Эмма вся была – один напуганный и хитрый глаз. – Что вы думаете – вышибал он их, что ли?

Конолли мотнул головой:

– Нет, мы так не думаем. Но очень хочется знать поточнее, как они попали к Лекарю...

– Я вам уже сказала, что впервые услышала об этих зубах здесь, в полиции, – быстро ответила Эмма.

Конолли пригладил свой замечательный косой пробор – точно как у Гарсиа, потом достал из ящика деревянную резную шкатулку, положил ее перед собой на стол, закурил сигарету и долго молча смотрел на Эмму. Полк стоял у двери, привалившись к стене. Переводчица сосредоточенно разглядывала ногти. Было очень тихо. Шарканье шагов и приглушенные голоса в коридоре еще сильнее подчеркивали эту злую тишину.

– Вы эту коробку раньше видели? – спросил негромко Конолли.

– Не знаю... Не помню... – неуверенно бормотнула Эмма.

Хитрый глаз стал мутнеть и тускнеть, его затягивало бельмо страха.

– Я думаю, что видели, – сказал Конолли. – Это мы взяли в спальне Лекаря.

Он неторопливо достал из коробки кольцо – вещь красивую и пугающую – спаянную золотыми проволочками зубастую пасть, многозубую челюсть на цепочке.

Красавчик Майк встал, обошел Эмму сзади и быстрым движением накиннул ей жутковатое кольцо вокруг шеи – так набрасывают удавку. Эмма попыталась отшатнуться, но Конолли очень мягко, очень тяжело положил ей руки на плечи и удержал ее на месте.

– Это украшение лежало рядом с вашей кроватью... Вы ведь не могли его не заметить?... – настойчиво-вкрадчиво спрашивал Конолли.

Человеческие зубы страшно переливались, двигались, скалились на черной шелковой кофте Эммы, они шевелились на ее страстно вздымающейся груди, будто собирались жевать.

Стиву казалось, что зубы еле слышно скрипели и шелкали.

– Ну и что? – крикнула Эмма. – Да, видела! И что такое? Какое я имею к ним отношение?..

– Я это как раз сейчас выясняю, – невозмутимо ответил Конолли. – Итак...

– Не знаю! – как саблей рубанула рукой воздух Эмма. – Понятия не имею... Мне кажется, Виктор продавал эти ожерелья черным... Негры давали за них хорошие деньги...

– Прекрасно, – кивнул Конолли, наклонился к ней ближе и ласково зашептал: – А где он брал зубы?

– Я же вам сказала – понятия не имею...

Конолли печально вздохнул:

– Ах, миссис Драпкин, вы такая милая! Такая приятная женщина. Но мне придется арестовать вас, миссис Драпкин...

– За что? – пронзительно взвизгнула Эмма. – Что я сделала? За что?

– За нарушение эмиграционных законов... Пока за это... – обнадежил Конолли и добавил мягко: – Я хочу помочь вам...

– Я вижу, как ты хочешь помочь мне, полицейская харя!.. – орала Эмма.

Стив подумал, что бандит Лекарь, видимо, не случайно выбрал себе Эмму подругой – несмотря на испуг, ярость в ней бушевала сильнее спасительной покорности. И засмеялся, потому что переводчица или втайне сочувствовала Эмме, или не знала, как перевести «полицейская харя», но, во всяком случае, не стала переводить Конолли несправедливое мнение Эммы о его профессиональной физиономии, так похожей на ангельский фейс Энди Гарсиа.

Да и не могла знать переводчица, что хлыщеватого вида «фед» Полк, который вроде был здесь за главного, очень хорошо знает слово «харя», что много-много лет назад мама Стивена Полка – Анастасия Александровна Щербакова – частенько ругала «неумытой харей» их соседа, негра – пьяницу и весельчака Джереми Ноланда.

Полк подошел к Эмме, наклонился к ней и сказал по-русски:

– Эмма, вы попали в скверную историю... Вам надо очень много вспомнить и рассказать нам... Сержант Конолли собирается вас арестовать, чтобы суета и обилие впечатлений на воле не отвлекали вас...

Глаз у нее был больше не хитрый и не яростный. Он был померкший, с остановившимся зрачком, как у мертвой курицы.

– А что вы хотите? – сипло выговорила Эмма.

Полк сел на стул задом наперед, облокотился на стол и, глядя ей прямо в глаза, внятно, медленно произнес:

– Мы хотим, чтобы вы вспомнили о вашем дружке Лекаре все... Круг знакомых, чем занимался, как развлекался, где бывал, с кем дружил и кого ненавидел...

– А вы что – из КГБ? – потрясенно спросила Эмма.

– Эмма, КГБ уже давно нет. Там, у вас, есть ФСБ. А я из родственной организации – ФБР...

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ

обращается к лицам, говорящим по-русски, с просьбой помочь бороться с преступностью, положить конец терроризму и шпионажу в США. ФБР интересуется любыми фактами и предположениями о деятельности организованной преступности, вымогательствах, наемных убийствах, мошенничестве, незаконных доходах, наркотиках, подделках денег и какой-нибудь другой криминальной деятельности в США или за границей. В особенности для защиты национальной безопасности. ФБР примет любую информацию в научной, военной или технической сферах.

ФБР просит лиц, располагающих вышеупомянутой информацией, сообщить об этом в Нью-Йоркское отделение ФБР по телефону: (212) 335–2700, добавочный (3037). Вы также можете писать по адресу:

Federal Bureau of Investigation

26 Federal Plaza

New York, New York 10278.

Вся полученная информация будет содержаться в строгом секрете.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ США

15. Москва. Ордынцев. Гараж

Василий Данилыч Прусик, агент под псевдонимом Гобейко, продержался до момента, пока Кит не примерился к рулевому колесу «хонды», чтобы вырвать его со всей колонкой.

– Да остановись ты зверствовать, жопастый баклажан! – закричал Прусик, заорал по-настоящему, распялив пасть, похожую на старую ржавую обойму, выкопанную из земли на местах боевой славы. – Поговорить, что ли, по-людски не можем? Будь человеком! Договоримся...

– Конечно договоримся, – подал я голос.

А Кит заверил:

– Ясное дело – договоримся! Обо всем договоримся! Ударим по рукам! По ногам! По рогам! По яйцам!..

Его усы-барометр были грозно подняты.

– Василий Данилыч, подойдите ко мне... – сказал я негромко.

Долговязый шестимесячный пожилой зародыш послушно просеменил ко мне и встал так, чтобы смотреть мне в лицо, но и Кита не выпускать из виду, если тот надумает крушить его машину дальше. А Кит вздохнул тяжело, как пахарь у края борозды, и достал из кармана воблу. Для размягчения рыбешки он обстукивал ее о блестящую полированную крышу «хонды», и выражение лица Прусика свидетельствовало, что ему было бы легче, кабы Кит обстукивал свою воблу о его плешь.

– Василий Данилович, нас здесь трое. Как вы думаете, чем мы отличаемся? – спросил я как бы загадочно.

– Откуда мне знать? – угрюмо буркнул Прусик. – Все мы люди. Сегодня ты пануешь, а завтра, может, я...

– Э, Василий Данилыч, вы, похоже, совсем без ума! – усмехнулся я. – Вы надо мной и после конца света пановать не будете. Но это пустой разговор. Я вам задал вопрос...

– Да откуда мне знать? Я вас сегодня вижу впервой! – со злобой возник агент.

– Хорошо, я объясню вам. Дело в том, что у меня мало времени. Мне нужно, чтобы вы быстро рассказали всю правду. Но есть проблема – мы все довольно разные люди. Вот, например, мой подчиненный Кит врет иногда – по необходимости. Я не вру никогда – из принципа, назло. А вы врете всё, всегда и везде. Вы не человек вовсе, а сплев харкотины из лжи, криводушия и подлости... Поэтому если вы сейчас попробуете мне врать...

– Да боже упаси! – прижал он клятвою руки к килевой груди потомственного рахитика. – Богом клянусь, правду скажу...

Кит уже добыл из воблы вяленый пузырь и обжигал спичкой, готовясь сожрать его, пока я отвлекся на минуту.

– Кит, имей совесть, отдай половину обожженки, – остановил я его. – И обращаю твое внимание, что клиент снова употребляет всуе имя Божье. По-моему, это грех...

– Наверняка! – согласился завзятый клерикал Кит Моржовый. – Не нравится мне это. Пожалуй, погляжу, что у него там с габаритными огнями...

Последовавший звон разбитых стекол убедил меня, что с задними фонарями у Гобейки теперь не все в порядке.

– Да перестань, ирод проклятый! – заблажил Гобейко-Прусик. – Я же сказал – все, что знаю, все...

– Тогда, Василий Данилыч, не тяните резину. Расскажите, что произошло с нашим товарищем Валерой Ларионовым?.. – попросил я.

– Что-что! Пришили его лица черножопой национальности...

– Кто именно?

– Ну, командир, дорогой ты мой, подумай сам – нешто они мне паспорта предъявляют? Шептались у нас, будто нугзаровские бандиты, Психа Нарика люди, его уделали...

– Из джангировской группировки?

– Как сказать это... Псих Нарик – племянш самого Джангирова... Братан Нарика Ахат под вышкой сидит сейчас. Ждут исполнения... Вот и слушок такой повеял, будто дядька с племянником поцапались крепко...

– Я вас правильно понял – Джангиров с Психом Нариком поссорились?

– Ну естественно! Не со мной же... Вот я и протелефонил Валерке – приходи, мол, пошепчемся... Вы ведь в курсе, что я помогал ему? Исключительно по патриотическому соображению и за небольшую поддержку финансами...

– Я в курсе. Продолжайте, Василий Данилыч...

– Ну, встренились мы, не очень далеко отсюда... За Курским... Покалякали, понятное дело... Обсказал я ему ситуацию, он подался звонить из автомата...

– Это когда было?

– Ну, точно не скажу, а так примерно часов после десяти...

– А почему он пошел звонить срочно?

– Так я ж объясняю – скандал у их главного, у дядьки с Психом приключился...

– Ну и что? Впервые бандиты разбираются между собой? Не крутите быку уши, Василий Данилыч! Объясните ясно, что такого важного узнал Ларионов, если он ночью без поддержки пошел вглубь вокзала?

На миг он задержал свои водянистые глазные яблоки на мне, и я успел уцепить плавающий в их глубине ужас. Глубже и острее, чем горечь за порушенную «хонду».

– Так я же вам толкую все время, – недоуменно развел он свои цепкие лапки, дивуясь на мою бестолковость, и я понял, что он решил скинуть еще одного мусорного козырька из своей крапленой, «заряженной» колоды. – Говорю же я, что базар у них вышел из-за компаньона джангировского, или кунака по-ихнему. Ну, которого Псих украл...

– Так, так, так, – негромко бормотал я, и азарт уже начал легонько сотрясать меня, и первое предчувствие словленной, пойманной игры сводило скулы, как холодной судорогой. – А кто этот кунак-то, вы поинтересовались, Василий Данилович?

– Черт его знает! Мужики тут баяли, что, мол, америкашка какой-то...

– Ага! Америкашка! – встрял Кит. – Слушай, недоделок, а где же эти мужики твои собираются и бают про такие интересности? Может, ты меня отведешь туда?

Гобейко посмотрел на него с опаской, смирно заметил:

– Так они и не собираются нигде – это ж тебе не Государственная дума... Бродит народ прощельжный, переходный – от тычка до толчка, от палатки до шалмана... Треплются, а ветерок разговоры носит...

– Продолжайте, Василий Данилович... Что, Ларионов дозвонился куда-нибудь, говорил с кем-то?

– Вот это не скажу – не подслушивал, не знаю. Только он вышел из автомата и говорит – все! Пока, мол, друг, пока, спасибо тебе большое, позвони послезавтрева... Ты, мол, иди, а мне тут надо еще в одно местечко заглянуть... И зашагал на вагонную территорию, туда, меж путей... И все, не видал его более...

– Всё? – спросил я нестрого.

– Всё! – радостно отбил концовку урод.

– Кит! – позвал я своего труженика металлоремонта. – Он снова врет...

– А что я вру? – возбуж Гобейко-Прусик. – Чего наврал-то?

Я тяжело вздохнул и стал медленно объяснять ему:

– Вы, Василий Данилыч, со мной неискренни. Это называется «дезинформация умолчанием». Вы надеетесь, коль мы вас прихватили здесь, отбиться от меня крошками, обедками,

слухами... Рассчитываете, что я ваших мужиков, дружков или подельников не отловлю, а они вам за это не оторвут вашу многомудрую башку... Так вот – надеетесь зря...

– Почему?

– Потому что ведущий вас офицер Ларионов убит, и я допускаю, при вашем участии...

– Да что вы такое говорите? – завизжал Гобейко. – Я... я...

Кит мрачно посоветовал:

– Замолчи, осел! Ты молчи пока и слушай...

– Мне кажется, что вы встали на смертельный для агента путь двойного осведомительства: нам – про них, им – про нас. И подставили вчера Ларионова...

– Не подставлял я никого... – слабо возразил агент.

– Не будем сейчас обсуждать это... Если вы действительно больше ничего не знаете, Василий Данилович, то вы мне больше не нужны. От вас нет пользы, и я сегодня же закрою ваше агентурное дело. И вы переживете Ларионова на день, от силы – два...

– Почему? – разлепил трясущиеся губы Гобейко.

– Потому что я незамедлительно сплавлю информацию о вашей деятельности тем самым таинственным мужикам, которые слоняются от тычка до толчка...

– У тебя хоть завещание на все это добро заготовлено? – поинтересовался Кит, и усы его благодушно опустились. – Кому перепадет «для души», а кому «для бизнесу»?

– Не имеете права... по закону... – обессиленно помотал вздутой головой смрадный зародыш.

Кит засмеялся:

– Обрати внимание, командир Ордынцев, что эта сволота и сейчас боится своих больше, чем нас. – И обратился к Гобейке: – Чего ж ты вчера не помнил про права, обязанности? Чего ж ты только сейчас вспомнил про закон?

Гобейко затравленно прижимуривал свои жуткие глазные яблоки.

– А потому ты вчера был такой смелый, – объяснял ему Кит, лениво пошевеливая усами, – что поверил, будто и нас можно бить влет, как хочешь! А тебя – нельзя! Только по закону! По писаному! Справедливому! Чтобы все права твои, падаль ты этакая, были соблюдены в строгости! Вот мы и соблюдаем все в точности! По первому закону человеческому, красавец ты наш писанный и каканный!

– Это как это? – опасливо пискнул красавец. – Что-то я не слышал про такой закон...

– Сегодня и услышишь, и увидишь, и прочувствуешь, – пообещал Кит. – Закон-то простенький...

Гобейко умоляюще смотрел на меня – он все-таки надеялся, что Кит берет его на понт. А я кивнул, подтвердил:

– Око за око, зуб за зуб, ребро за ребро. Мы вас всех, Василий Данилыч, переколошматим. И начнем с вас...

– Под суд пойдете... – жалобно цеплялся Гобейко.

– Не смешите, Василий Данилыч! Мы вас сейчас заберем с собой, а на территории учиним роскошную облаву, поберем всех, кто под руку попадет. А вас, Василий Данилыч, к вечеру отпустим, гуляйте – от тычка до толчка, от палатки до шалмана...

Кит злорадно захохотал:

– Вот они тебе и поверят, смрадная сволота, что ты у нас молчал, как партизан в гестапо. Ты – на воле, а они – на киче? Я надеюсь, что они тебя до ночи разберут на три кучки и разложат по полкам – «для дома», «для души» и «для бизнесу»...

– Сейчас! Сейчас! Постойте! Я думаю, что в Валеру стрелял Мамочка... – заверещал Гобейко, и я понял, что запруду из страха, лжи и дерьма прорвало.

– Кто такой?

– Душегуб, бандит... Я не знаю, как его зовут по прозвищу правильно, его Псих Нарик так кликал... Я, конечно, не знаю – Мамочка напал на Ларионова или кто другой... Но он Психу друган самый близкий, такой же отмороженный... Как Ахатку-живореза вы замели, Мамочка стал у них самым первейшим, его Псих на самые крутые терки посылал...

– Откуда он возник?

– Так Ахат, Нарика брат, был Китайкин кобель, а потом она вроде перешла по наследству к Мамочке...

– Кто Китайка?

– Бельдюга раскосая. Простипома валютная! Ее Мамочка под америкашку подложил... Она, наверное, и подманула к бандюкам этого козла заокеанского... А бандюки его, видать, и взяли в сачок...

– А где держат американца? – спросил Кит.

– Клянусь! Клянусь – не знаю! – забился, слюной брызнул Гобейко. – Мабыть, на товарном дворе Курского вокзала... Или в поездных отстойниках... Да кто же без наводки сыщет в этом шанхае? Там же жуть! Черный город!

– Стоп! – остановил я его сетования и сказал Киту: – Возьмешь его с собой. Отвези к Куклуксклану, пусть он с ним поработает всерьез...

Потом обернулся к предателю-агенту, взял его больно за ухо, подтянул к себе:

– Слушайте внимательно, Василий Данилович. Сейчас вами займется наш сотрудник-аналитик. Не вздумайте фантазировать – он будет проверять вас на компьютере. Вспомните все – важное, пустяковое, слухи и факты. Мы сами отберем злаки от плевел. И помните все время – вы сейчас бьетесь за свою никчемную и противную жизнь. Вы ведь сами сказали, что вам зачем-то жить надо...

Кит поднес к глазам Гобейки пятидесятикопеечную монету и, медленно сжимая большой и указательный пальцы, стал стигать полтинник пополам.

– Ты не верь, Иудушка, что твоей жизни грош цена. Она сейчас вот сколько стоит. – И Кит сунул ему в руки сплюснутый латунный диск. – Держи ее в кулаке на допросе крепко и молись, сука! Может, реформы не будет...

16. Москва. Бутырская тюрьма. Полночь

Когда створка внутренних ворот с тихим рокотом отползала в сторону и машина Потапова, выехав из «шлюза», оказывалась в асфальтированном просторном дворе тюрьмы, он неизменно вздыхал с облегчением – дома, слава богу!

«Шлюз» был одной из многочисленных выдумок и изобретений Потапова, имевших целью не допустить «самовольного покидания охраняемым контингентом места пресечения» – как он изысканно выражался в официальных бумагах по поводу извечного стремления своих подопечных выйти из руководимого им места пресечения. А говоря попросту – удариться в побег. Потому что Иван Михайлович Потапов двадцать семь лет руководил «местом пресечения», широко известным под названием «Бутырская тюрьма». И вполне справедливо гордился тем, что за все эти долгие годы не было у него ни одного случая – ни одного! – самовольного покидания охраняемым контингентом «места пресечения», официально именуемого «Следственный изолятор № 2».

Проскочить через «шлюз» на волю было невозможно – ни одинокому беглецу, ни группе отморозков, ни даже всей тюрьме, коли надумала бы, осумасшедши, пойти на приступ ворот. Потому что «шлюз» был ярко освещенным каменным туннелем со смотровой траншеей на земле и обзорной галерейкой под сводом, а заканчивался «шлюз» с обоих концов здоровеными железными плитами ворот на электрической тяге. И управление их было включено так, что никогда внешняя и внутренняя воротины не могли быть отворены одновременно. Или внешняя створка – на волю, или внутренняя – в тюрьму.

«Шлюз» возвел Иван Михайлович давно, вскоре после своего грандиозного восхождения к вершине тюремной власти. Был он когда-то молодой капитанишка, никому не известный и ничем не приметный, зашарпанный «опер» по режиму, каких в безбрежной советской тюремной системе – несчитанные legiony.

И вдруг судьба предоставила ему случай, о котором он сумрачно и тщетно томился душой в угрюмой конвойной гордыне.

В старом корпусе тюрьмы начался бунт.

Заклученные – особо сейсмичный материал – узнали, что по огромному следственному делу о коррупции судебно-следственных работников арестован и начальник Бутырской тюрьмы. С воли маляву передали или надзиратели трепанули – кто это узнает? Но к ночи тюрьму охватило пламя мятежа. Было это на исходе летней субботы, и замнач по режиму, створжившийся от ужаса, тщетно дозванивался какому-нибудь начальству МВД, чтобы получить указания – что можно и что должно делать?

А эки, уже придушив и растоптав нескольких надзирателей, ломали себе на оружие коридорные «рассекатели» – заборы из мощных стальных прутьев и, сокрушая по пути замки, рвались во внутренний двор.

Оперуполномоченный Иван Потапов, стоя на вахте, наблюдал, как эки уже разбивают изнутри брусковые ворота корпуса. Он понимал, что если они вырвутся во внутренний двор – конец! Стрельба с угловых сторожевых вышек результатов не даст – очень узкое поле поражения, напиральная сзади толпа промчится через двор, неся убитых пред собой, как щиты.

А «шлюза» тогда еще не было.

И, не дожидаясь разрешения совсем обделавшегося замначальника, схватил автомат Калашникова, приказал двум конвойным солдатам-киргизам следовать за ним и помчался по черной запасной лестнице на третий этаж главного тюремного корпуса. Они обогнули кипящий кратер эков в кирпичном коридоре сортировки, на первой «сборке», и вышли на них с тыла.

С верхней поперечной галереи он смотрел на беснующихся внизу стриженных черных мосластых эков и понимал, что и глас архангелов они сейчас не услышат.

– Огонь! – скомандовал Потапов своей киргизской армии, конвойной золотой орде.

Три свинцовые струи разом плеснули в месиво тел, круто заваренное духотой, яростью, истерикой, и, перекрывая грохот автоматов, полыхнули под крышу визг, крик муки, рыдания и долгий завитой мат.

Как муравьи в развороченной куче, подумал тогда Потапов, с остервенением нажимая спусковую скобу. Тысяча озверевших людей металась под ними, давя раненых и слабосильных. В ужасе они озирались наверх, откуда хлестали огненные плети, падали на бетонный пол, ползали под сраженных.

– Всем лечь! Лечь, я сказал! – орал Потапов и время от времени давал – для остротки – очередь поверх голов.

Если бы зэки могли вырваться во двор, они бы смели всю тюрьму. Но здесь они были упрессованы и парализованы собственным многолюдством и теснотой «сборки», простреливаемой с галереи до каждого уголочка.

– Лежать, суки рваные! Лежать! – демоном бесновался над ними Потапов. И только убедившись, что все зэки, сломленные безвыходностью и кинжально-прострельным автоматным огнем, покорно лежат на бетоне, погнал одного из киргизов за подмогой.

Так продержал их час, крича и постреливая иногда, дурея от злобы, напряжения и кошмарного смрада, поднимавшегося снизу. Сладкая вонь густеющей крови, потная кислятина, дерьмовина забивали привычный запах тюрьмы – кислой капусты и плесени.

Потом распахнулась снаружи дверь, и в зал пустили конвойных собак, надроченных с первого слова драть зэков на мясо. Псы скорым волчьим махом заняли привычную позицию – по периметру зэковской толпы, пока никого не трогая, а только порывивая с утробным рокотом на это ненавистное стадо.

Потапов дал короткую очередь в стену у входа – радостно-зло забился в руках автомат, завизжали пули рикошетом, кто-то с мукой завопил, и завyla раненная случайно овчарка, и тогда Потапов заорал:

– Пять зэков у входа! Встать! Вон ты, рыжий! Корнилов, вставай! Потом еврей! Двигайся, пархатый! Чурка за твоей спиной! Встать, шнурок косой! На выход! Кто приподнимется без команды – стреляю без предупреждения... Следующий ты, лысый...

Под надзором собак, под дробный пробой автомата он выгонял их на тюремный плац пятерками, нормальной шеренгой маршевой колонны, а уж там-то их миглом распахивали по боксам, карцерам, накопителям.

Семь убито, одиннадцать ранено – массовый побег предотвращен, бунт подавлен, прорыв в Москву тысяч опасных преступников не допущен. Тогдашний министр внутренних дел Щелоков докладывал самому Брежневу, и вождь лично велел всячески поощрить, отметить и наградить Потапова.

Через следующее звание – майора – получил капитан Потапов погоны подполковника и должность исполняющего обязанности начальника Бутырской тюрьмы. Молодым парнем был назначен временно на важную должность, большое будущее сулили ему в безграничной сатрапии под названием ГУЛАГ, да что-то там наверху не сомкнулось, не поехал вверх безумный лифт лихой карьеры, так и состарился Потапов на этом месте.

Никогда не называл он подведомственные ему Бутырки тюрьмой или официальным именем «Учреждение следственного изолятора № 2». Говорил – «мое хозяйство», «у меня на хозяйстве»...

Жесткий ежик на голове стал пепельно-сивым, дубленую коричневую морду изрубили глубокие рытвины морщин, и на ходу стал тяжеловат, и мысли горькие о предстоящем конце службы все чаще приходили. Прикидывал иногда, что за долгие годы «на хозяйстве» – а меньше двенадцати часов в день он в тюрьме никогда не проводил, и полными выходными пользовался

редко, да в отпуск не ездил никогда – провел он в общей сложности в Бутырях чистыми более шестнадцати лет. Считай – как за убийство, да еще с малым «довеском» за побег.

Только по всему видать – придет этому скоро конец, наступит и его черный день – вышибут на пенсию, выйдет он на волю навсегда.

И на кой черт ему эта постылая воля – без его огромной всеисильной власти над тысячами эков, без любви и благодарности людской, без денег мало-мальских – с пенсией грошовой?

...И вот в такой миг горестных размышлений и подцепил его на свой каленый крюк Джангиров...

За долгие годы, слившиеся уже в десятилетия, режим жизни Потапова в тюрьме сложился накрепко и соблюдался так же неукоснительно, как у заключенных. Каждый день он приезжал к восьми утра в тюрьму и целый день в многочисленных заботах, суетных проблемах и хлопотах проводил там время до пяти часов. Потом уезжал отдыхать, и не было еще случая, чтобы он пропустил вечерний отбой. Он-то знал, что состояние тюрьмы определяется именно вечерним отбоем. Без четверти десять вечера он приезжал ежедневно на два часа и дожидался, пока тюрьма успокоится и уснет, хотя тюрьма, как всякое производство с непрерывным циклом, не выключается на ночной сон. Это заведение круглосуточное. Но в повседневном тюремном существовании есть чрезвычайно опасные пики активности этого беспокойного пятитысячного стада и нижние спады относительного спокойствия.

Потапов, прибыв на вечернюю поверку, никогда не проходил к себе прямо в кабинет. Он обходил тюрьму раз и навсегда установленным маршрутом, в котором прослеживалась жесткая закономерность. Он шел тем путем, каким проходит всякий вновь поступивший в тюрьму арестант – от первой «сборки», где принимают привезенного с воли заключенного, до камер, находящихся в особом корпусе, в которых содержались приговоренные к смерти – в шестом, смертном, коридоре. С этими-то нужно было всегда держать ухо востро. От отчаяния, от страха или от бесшабашного озлобления, когда уже больше ничем угрозить нельзя, они всегда были чрезвычайно опасны. Потапов назидательно говорил: потому опасные, что весьма чреватые...

На первой «сборке» принимали последний этап арестованных, доставленных вечерним конвоем из милиции, камер предварительного содержания и пересыльных транспортных тюрем. На сортировке было довольно многолюдно, там царили суета и рабочее оживление, тюремная охрана старалась до отбоя рассовать по камерам вновь прибывших.

Навстречу Потапову из-за стеклянной перегородки, где велась регистрация по журналам движения контингента, вышел Козюлин, человек немолодой, болезненный, в старомодных толстых очках, потертых лейтенантских погонах и со скрюченными подагрой пальцами. Он служил в Бутырях много дольше Потапова, и сидельцы-старожилы уверяли, что он стерег еще Емельку Пугачева. Если бы не толстая разноцветная рамка орденских колодок на кителе, Козюлин больше бы походил на счетовода-учетчика, чем на тюремного надзирателя. Козырнул и отдал рапорт:

– ...По списочному составу в следственном изоляторе находятся четыре тысячи семьсот восемьдесят девять человек, на этап уходят ночью сто двенадцать, по спискам поступивших шестьдесят семь. Особых происшествий во вверенном мне подразделении – Следственный изолятор номер 2 – не произошло...

Поперек «сборки» висел огромный плакат: «Чистосердечное признание является смягчающим вину обстоятельством». В длинном зале, похожем на крытую железнодорожную станцию, царили глухое гудение, лязг, выкрики, хохот, команды, хлопанье дверей, мерный топот, шум льющейся где-то воды, чей-то плач. Для всякого чужого человека это был тяжелый, давящий мозг шум. А для Потапова – нормальный производственный спокойный гул. В режиме.

В основном здесь командовали, регистрировали, обыскивали, сортировали по боксам и разбирались с поступившим контингентом женщины-надзирательницы, которых теперь называли демократически-цивилизованно – контролеры. Этих здоровенных, ядреных баб будто плодили и растили в каком-то особом сторожевом инкубаторе – все как на подбор крупные, задастые, в защитной вохровской форме, все с жесткой завивкой, будто это тоже входило в форму.

И везде – цвет безнадеги. Грязно-зеленый и тускло-синий кафель, мятый желтый свет. Наверное, те, кто начал строить два с половиной века назад эту тюрьму, знали, как и Потапов, что эку нужно напоминать все время, что он не дома, не давать расслабляться, надо подчеркнуть его безвыходность, необходимо ежесекундно вколачивать ему в репу: тут тебе не Сочи, это не санаторий, здесь – нары, а не Канары, тут – тюрюга.

У дверей второй «сборки», которую бывалые эки называли «вокзалом», надзиратели выстраивали колонну, чтобы через перегонный коридор разводить по камерам. Их считали парами – два, четыре... десять... шестнадцать...

Потапов обогнул их, почти бессознательно фиксируя радующую глаз трансформацию эковского стада в строгую геометрическую красоту конвойного строя. Он вышел во двор и, сопровождаемый старшим по корпусу Козюлиным, направился во второй корпус. Железная дверь, переход, лестница вверх, переход, лестница вниз, переход, тамбур, лестница, рассекатели – стальные решетки-ворота поперек кафельных коридоров, бетонные ступени, сетки, натянутые между галереями. Сквозь нормальный смрад тюремного воздуха – дезинфекции, пота и кислых щей – доносился ласковый запах свежее испеченного хлеба. На верхнем перегоне Потапов разминутся со встречной колонной. Издалека был слышен их тяжелый топот и бряканье надзирательского ключа о пряжку, говорок конвойного: «Давай, давай, шевели копытами, родина-мать зовет!»

Увидев начальника тюрьмы, разводящий сержант скомандовал:

– Смирна-а! Стоять! Направо-о! Лицом к стене! Молчать!..

Потапов дошел до сектора «Г», где у решетки-рассекателя стояли два солдата. Сержант махнул солдатам, те откозыряли Потапову, отперли дверь, и он вошел в коридор, в котором было двенадцать камер смертников. Так и называлось – шестой коридор, смертный.

Здесь сидели люди, ожидавшие кассационного решения или ответов на ходатайства о помиловании. Потапов подошел к сто двадцатой камере, кивнул вертухаю, тот неслышно открыл смотровой волчок, кормушку. Небольшая камера, помойно-зеленые стены, низкий закуранный потолок, окно забрано сплошным «намордником» – стальными частыми жалюзи, параша в углу, размытый сумрак висящей под потолком электролампы, козлиная вонь давно немытого тела, горький дух старого табачного пепла. На койке, поджав под себя ноги, уставившись лицом в дверь, сидел молодой парень, и взгляд его столкнулся с глазами Потапова.

Парень был худ, жилист, очень смугл и сильно носат. Щеки ввалились, и в короткой стрижке торчали белые клочья, пепельно-седые. Потапов давно заметил, что у сидящих под «вышкой» другое течение времени – они старятся на глазах, иссыхают, сгорают. За год-два они изменяются так сильно, что перед исполнением смертной казни их обязательно фотографируют, и эксперт дает сравнительное заключение – тот ли это персонаж, что тарашится или улыбается на фотках в начале уголовного дела, те самые свежее задержанные молодцы, которым оставшаяся впереди жизнь еще кажется бесконечной.

Осужденному, на которого смотрел Потапов, судя по застывшему синюшному лицу, по ужасу, затопившему глаза с редко мигающими веками, была отчетливо видна ленточка поперек жизненного пути с обнадеживающей надписью «Финиш».

Начальник тюрьмы долго смотрел на смертника, медленно зажмурил глаза – то ли успокаивал, то ли пугал – и захлопнул сам кормушку. Повернулся и пошел к себе в кабинет.

Дежурный офицер в прихожей, трепавшийся с кем-то по телефону, увидев Потапова, бросил трубку на рычаг, вскочил, щелкнул каблуками:

– Никаких происшествий не зарегистрировано, вся последняя спецпочта у вас на столе, товарищ полковник.

Потапов уселся за стол, достал из ящика хрустальный стакан с подстаканником, налил воды из термоса, засыпал щепоткой чая и долго смотрел в стакан, глядя, как набухают травинки, как зеленеет, коричневеет, наливается цветом чай в стакане. Потом из стопы писем достал большой красный конверт с типографским черным грифом «Канцелярия Президента России». В углу глянцевого пакета напечатано: «Совершенно секретно, лично полковнику И. М. Потапову. Имеет право ознакомления только начальник следственного изолятора № 2».

Взял со стола ножницы, отрезал аккуратно край конверта, достал хрусткий лист бланка. Стал читать текст, потом перескочил сразу на последний абзац: «В связи с особой жестокостью и опасностью совершенного Ахатом Нугзаровым убийства, а также отсутствия смягчающих вину обстоятельств Президент России отклонил просьбу Ахата Нугзарова о помиловании и подтвердил приговор уголовной коллегии Верховного суда России о применении к нему исключительной меры наказания – смертной казни».

Потапов покачал головой, вздохнул, вложил бланк в конверт, а конверт запер в сейф. Потом снова вернулся за стол и не спеша выпил чай, с хрустом раскусывая коричневыми зубами кубик рафинада. Вынул из ящика мобильный телефончик, набрал номер, долго дожидаясь ответа, потом, услышав голос, сказал:

– Эй, Петро, привет! Как живешь? Да вот видишь, не сплю. Слушай, я на охоту, пожалуй, не пойду. Щенок, которого ты мне дал, плох совсем. Боюсь, долго не протянет. Да... Да... Есть приметы... Хорошо, давай повидаемся. Ладно, завтра, где всегда...

17. Вена. Хэнк Андерсон. Отель «Цум Кёниг»

Хэнк спустился в ресторан и с удовольствием обнаружил, что туристы, черт бы их побрал, уже позавтракали – в зале лениво жевали всего несколько человек. Хэнк не любил людские скопища. Двое людей казались ему многолюдством, трое – толпой. Он даже в лифт с пассажирами старался не садиться, ему казалось – от них воняет. А безумные возбужденные крики идиотов-туристов в утренних гостиницах? Они азартно готовятся потратиться в чужом городе на кретинские развлечения, посмотреть все достопримечательности сразу, чтобы назавтра все это позабыть.

Хэнк прошел через столовую мимо стайки белобрых климактерических баб, – похоже, датчанок. С восхищенным испугом внимали они своему предводителю – нелепого вида мужичку, одетому со строгостью евангелического проповедника и с седой клочковатой косой. Волосы на косу были мучительно собраны с висков и оголовка, поскольку темя и затылок, безнадёжно голые, возвышались желтым старым лошадиным мослом.

Но голос у него был роскошный – переливчатый рокошущий баритон профессионального разговорщика, кафедрального краснобая. Умело модулированное звучание разносилось мягко, не очень громко, но отчетливо по всему ресторану.

– Экзистенциализм основывается на концепции абсурдности жизни... – вещал лошадинь мосол, а бабенки слушали затаив дыхание. Розовые, с бесцветными волосиками, толстенькие, похожие на пожилых ухоженных свинок.

Наверное, какой-то деревенский философ. Это сейчас в Европе такая мода завелась – как бы изучают историю, литературу и философию в экскурсиях. Кружок для домохозяек. Хэнк прошел от них подальше в угол. И сразу же возник чернявый смазливый официант, молодой итальяшка.

– Много кофе, – сказал Хэнк.

– По-венски? С молоком? Лате? Или турецкий? Регуляр? – переспросил итальянец.

– Черный, самый крепкий, двойной заправки. И много...

– Что будете кушать? – осведомился официант. У него, как на старых римских бюстах, не было переносицы – нос начинался прямо со лба.

– Яичницу, сосиски ноквюрст. – Хэнку нравились эти коричневые жареные колбаски, которые с хрустом лопались под зубами.

Официант записал в блокнотик, спросил на всякий случай:

– Не хотите ли попробовать белых колбасок? У нас их делают замечательно.

Хэнк махнул рукой:

– Ладно, попробую их в ланч.

На лице официанта был написан ужас.

– Белые колбаски в ланч? Их едят только с утра.

– Тогда тем более дайте ноквюрст, – сказал Хэнк.

В философском кружке решались громадные проблемы. Бархатный голос доносился в угол к Хэнку:

– Существует только субъективная истина для отдельной личности... Сущность экзистенциализма – это вера в абсурд, это религия парадокса...

«Вот именно, – подумал Хэнк. – Жалко, что я не верю ни во что, даже в абсурд. А то бы я стал экзистенциалистом...»

Проповедник душил свинок именами, которые они до него сроду не слышали:

– ...Кьеркегор, Хайдеггер, Кафка, они дали образцы того, как люди непроницаемы, одиноки и наглухо замкнуты...

Может быть, это хорошо?

Официант принес кофе и, не допуская мысли, видимо, что такую бадью можно выпить без молока, поставил большой молочник со сливками.

– Спасибо, – сказал Хэнк. – Теперь несите виски-бурбон, лучше «Фор роузис». Но айс, но вотер, но анисинг, бат дабл энд твайс...¹

Этот парень внешне очень сильно напоминал ему Адониса Гарсия Менендеса, старого приятеля, когда-то бывшего у него вторым пилотом. С таким же прямым римским носом легионера. Хэнк, вообще-то, был уверен, что очень давно, когда людей на земле было совсем мало, жили они одной семьей. А потом неоправданно расплодились, распались единокровные роды, и разбрелись они по миру, потеряв навсегда своих братьев и сестер.

Официант принес виски. Он все-таки был похож на Эда Менендеса, как однояйцевый близнец. Но штука в том, что Адониса Гарсия Менендеса было невозможно представить с подносом в руках, обслуживающим других, – он сам был везде главным гостем и хозяином застолья. Наверное, в той старой, очень давно растерявшейся семье Менендес и официант-итальяшка не были близнецами. Адонис наверняка был старший, боевой, бандитский брат, а официант избрал для себя сытую, спокойную участьслуги.

Хэнк в один присест выпил двойной бурбон, запил обжигающим кофе, чиркнул своим потертым «Зиппо», закурил сигарету, и через несколько секунд пришла приятная расслабуха.

Проповедник под взволнованные вздохи своих датских свинок-пенсионеров вещал угрожающе:

– ...Экзистенциалисты – одинокие волки, гомеостаты, пустынные... Им свойствен крайний индивидуализм, они по природе своей интроверты и склонны к аутизму...

Хэнк с интересом прислушался – кажется, этот ученый дурак рассказывает о нем. Вот его дружок Эд Менендес не подходит ни под одно из определений экзистенциалиста. Нет! Нет! Он был совсем другой парень. Эда подсадили в экипаж к Хэнку, когда довольно сильно подранили его неразлучного друга Кэвина Хиши, по прозвищу Кейвмен – Пещерный Человек.

Хэнк любил Хиши. Молодой, яростно-рыжий ирландец, лютый в пьянке, в бою и в молчанке. Здоровенный, в длинных патлах медных волос, всегда молчащий – одно слово, пещерный прачеловек. Он был из бедной семьи, отец Хиши когда-то служил шерифом в безымянной техасской глухомани. Однажды старик какого-то негритоса пристрелил не по делу, то ли придушил его – мол, у негров слабые шейные позвонки, в общем, что-то там произошло, газетчики раздули – и его выперли из полиции. Доживал без пенсии, а работать не хотел принципиально.

Слушая невнятный рассказ Хиши о случайном непреднамеренном удушении вооруженного негра, Хэнк спросил:

– А папаша твой был такой же верзила, как ты?

Хиши вздохнул:

– Он был настоящий мужчина. Папаша был в нашем графстве чемпионом по армрестлингу... Ось от грузового «форда» руками гнул...

Может, папаша Хиши думал, что негритянская шея крепче фордовской оси?

Нехорошо, несправедливо обошлись с ветераном полиции – спился от этого и нищенствовал.

Короче, его второй пилот – сынок Хиши, Кейвмен, – ненавидел всех их узкоглазых врагов, их союзников, власть в Вашингтоне, начальство в Сайгоне и, похоже, товарищей – всех, кроме Хэнка.

Однажды Хэнк спросил его:

– А зачем ты приперся на эту дурацкую войну?

Хиши долго думал, чесал меднопроволочную тыкву:

---

¹ No ice, no water, no anything, but double and twice... – Без льда, без воды, без ничего, но двойной и дважды... (англ.).

– Я не хочу больше быть бедным... Мой папаша не мог оплатить мне учебу. Отобьюсь я здесь еще полтора года... Вернусь – мне положено бесплатное обучение... Окончу университет... Буду жить как остальные жирные коты... Куплю новый «мустанг»...

– А если убьют? – спросил Хэнк.

– А чего это меня убивать? – удивился Кейвмен. – Да и все равно – когда-то ведь нужно умереть... Раньше – позже... Не имеет значения...

При взлете с диверсионной базы в Долине кувшинов, куда они возили на «Сикорском» оружие, боеприпасы и ящики с пугающей надписью «Взрывчатка», какой-то шальной вьетконговец бросил в открытый люк вертолета гранату. Машина почти не пострадала, Хэнк мгновенно повернул ее чуть-чуть и разможил посадочной «лыжей» вьету голову. Кейвмену вырвало осколком из задницы фунта два мяса.

Хэнк вылетел от ярости – доктора, конечно, на базе не оказалось. Какой-то полупьяный рейнджер помог ему срезать с Хиши портки, в ужасающую рану налили полбутылки виски – остаток допил рейнджер, засыпали каким-то порошком антибиотика, кое-как замотали сочащуюся кровью яму в ягодице, и Хэнк полетел назад.

Господи, какой распад и разгильдяйство вокруг! Это же надо – охрана подпустила партизана вплотную к вертолету обеспечения! А если бы они еще не разгрузились и граната угодила в ящики со взрывчаткой? А может быть, вьет и не был партизаном, а служил нашим надежным союзником в армии доблестного Нго. Они нас там все одинаково ненавидели...

Рана Хиши была не тяжелая – не в кость, а в мясо, но очень болезненная. А главное, как бы неприличная – никому показать и похвастаться нельзя – засмеют. Получил от косоглазого настоящий «кик ин ас» – пинок в жопу.

Хэнк пришел навещать его в госпиталь и весело спросил:

– Ну, как твоя жопа?

Хиши совершенно серьезно ответил:

– У меня ранение не в жопу...

– Ага, понятно, – кивнул Хэнк. – У тебя черепно-мозговая травма...

– Нет, – так же серьезно сказал Хиши и взял с тумбочки листок, на котором было написано что-то по-латыни. Медленно шевеля толстыми губами, прочитал: – Тяжелое проникающее ранение в «мускулюс глютеус максимус»... Понял? В максимус! А не в жопу...

Кейвмен со своим рваным «глютеусом максимус», именуемым до ранения просто жопой, выбыл из строя надолго. Тогда Хэнку дали Эда Менендеса, беглого кубинца, весельчака, болтуна, анекдотчика, страшного бабника и неукротимого певца – он если не трепался, то все время пел свои чудовищные кубинские песни, все – с обязательным припевом: «Ай-яй-ай-яй». И подмывал, сука, как гавайская гитара.

Хэнк мрачно раздумывал, как-то они попоют в воздухе. Перед первым же полетом Хэнк мягко сказал ему:

– Если в воздухе ты, кубинская радиоло, откроешь хоть раз рот, я тебя выкину из вертолета...

Официант принес яичницу – воздушный нежный «скрэмбл» и коричнево-розовые поджаристые сосиски. Горячие хрустящие булочки мгновенно впитывали масло и на глазах желтели.

– Принеси еще «Дэниэлса»... Три двойных, – велел Хэнк.

– Сразу? – вежливо переспросил итальянец, похожий на Эда Менендеса.

Нет, официант смахивал на Эда только внешне – Эд никогда бы такой глупости не спросил. Если есть выпивка – то всю! И сразу! Дабл! Твайс!

– Ладно, – вздохнул Хэнк. – Заходи на цель с интервалом в пять минут...

Приятное тепло уже разливалось по всему телу. И даже драматический голос пастыря пожилых датских свинок больше не отвлекал Хэнка – выпитое виски действовало, как ватные затычки в ушах.

...В первом же полете Эд удивил Хэнка быстротой, хваткостью, ловкой осторожностью, уверенным спокойным пилотированием и полным хладнокровием. Но главное – он молчал. До приземления. А там уж изверг взрыв шуток, баек, вранья, хвастовства и кошмарных песен. И сразу же: «Хэнк, нельзя терять ни минуты – в бардак! Пьем и трахаемся с нашими милыми обезьянками до утра!» И Хэнк решил твердо: парень живет правильно. Пошли в бардак и программу Эда перевыполнили: пили по-черному, беспамятно ласкали гладеньких прохладных азиаток, щебечущих что-то птичье, потом долго и лениво дрались с улетающими в Штаты пехотинцами и под утро возвращались в казармы тяжелые, как танкеры в грузу, залитые до носовых клюзов перегорающей выпивкой.

А потом вернулся из госпиталя Кейвмен, и пьяный Эд горько плакал, расставаясь с Хэнком. Не балагурил, а только пел печально «О, ченита кеси», припевая с отчаянием: «Ай-й-ай-й...» Но быстро утешился – его назначили командиром одной из вновь прибывших на пополнение тяжелых «вертушек».

В семьдесят четвертом году Эд демобилизовался, уехал к своей родне в Майами. Время от времени присылал веселые открытки Хэнку. Иногда – фото, всегда в кабаках или на пляжах, обязательно с толпой хорошеньких смуглых девок. Писал, что купил прачечную...

А с Кейвменом летали до последнего дня, когда их сбили. Они попали в разные лагеря для военнопленных, и больше им увидеться не довелось. Уже в Сайгоне Хэнк слышал, что Кейвмен освободился – его обменяли на какую-то большую вьетконговскую шишку, и Хиши возвратился домой. Наверное, поступил в университет и стал учиться на жирного кота.

...Хэнку было здесь, в углу полупустого кафе, уютно, тепло и тихо. Его уже морила послепохмельная дремота.

– Мы существуем одни в скорлупе наших забот и огорчений, – доносилось до него еле слышно, учитель совершенно благодетельных бабок не унимался, – наверное, хотел их напугать пыткой одиночества, а они и не подозревали, что в мире есть пустыня души.

«Мне кажется, что этот болтун покушается на их счастье, им ведь хорошо в их прекрасном неведении, – раздумывал Хэнк. – Господи, как мне не хватало людей, когда я проваливался, как в шахту, в бездну своих несчастий. Никого не было, и от этого мои страхи казались мне еще ужаснее.

Нет руки, нет здоровья, нет больше друзей, а семьи никогда и не было. Нет денег, нет будущего. Огромное НЕТ висело над головой, как дубовая решетка над ямой, в которой меня держали проклятые косоглазые.

Много позднее я понял, что в беде не бывает помощников, нет избавителей. Вместе люди живут только на радостях. Горюем – поодиночке. Если выползешь, вырулишь из этой пропасти сам – станешь человеком-зверем, ничего потом не страшно. Домашние, стойловые животные не выдерживают – ломаются, превращаются в мусор, людскую падалицу, медленно, тухлодохнут...»

...Хэнк провалялся по госпиталям четыре месяца, и его страшно мучили жуткие боли в несуществующей, давно ампутированной руке. Он привыкал обходиться одной рукой, и это было невыносимо. Хэнк не представлял себе раньше, какое это счастье – уверенно махать обеими лапками! С этой противной багровой культяшкой он как бы потерял свободу везде, во всем – в драке, в любви, в еде, джинсы застегнуть стало заботой.

И больше фантомных болей в руке его мучила огромная тоска, бездонное отчаяние, которое ученые дураки – армейские психологи – называли посттравматическим стрессом с последующим тяжелым депрессивным синдромом.

Его отправили в клинику полевой ортопедии, в главный военный госпиталь на Окинаву. Здесь сделали Хэнку протез – бутафорский пластмассовый муляж руки мерзкого желто-розового цвета. Хэнк стеснялся носить на людях эту телесного окраса гадость и с тех пор никогда не снимал светлых тонких перчаток.

Он возвратился обратно в Сайгон – ехать в Штаты побоялся, там ему не было места. А здесь уже безнадежно проигранная война подходила к концу, и в этом огромном галдящем, стреляющем, перепуганном, пьяном городе, похожем на горящий бардак, Хэнк чувствовал себя спокойнее.

Конечно, ни о каких полетах речи не шло, но он был герой, звезда, и его взяли на какую-то пустую должность в штаб ВВС. Распад и гульба на пепелище стали нормальной жизнью – никаких обязанностей, полно выпивки, дешевых проституток, китайского опиума.

Хэнк пристрастился ходить на собачьи бои. Схватки – до смерти. Кровоядные кошмарные псы, в пене, с хрипом и стоном рвали друг друга молча, никогда они не гавкали, не скулили, умирали молчаливо-злобно, и Хэнку казалось, что они тоскуют перед окончательной тьмой не от страха и боли, а от предстоящего последнего позора – у загородки уже стоял наготове мальчишка с тележкой из кхмерского ресторана, куда отволокут сейчас еще теплого бойца, и за ночь он будет разъеден на стейки «велл-дан» и пряное рагу. А утром косоглазые узкоплечные гурманы прокакаются, и собачка уйдет навсегда – из дерьма к новой жизни не возрождаются...

Хэнк ходил во всеобщих любимчиках и легендарных героях – нужны были плакатные храбрецы-образцы. Еще в госпитале ему дали Серебряную медаль конгресса и таскали на всякого рода показательные гульбища. Из-за этой глупости и начались все приключения Хэнка Андерсона.

В Сайгоне ждали министра обороны США. Несмотря на то что фронт трещал по всем швам, а вьетконг уже бушевал в пригородах, местное начальство надувалось до выпадения кишки – устраивали шоу торжественной встречи не хуже, чем церемонию вручения «Оскаров». Отобрали наиболее геройских офицеров в почетный караул, и, естественно, в эту толпу ражених попал Хэнк.

Репетицию принимал сам командующий авиацией во Вьетнаме генерал Весли Роу. Когда свита дошла вдоль строя до Хэнка Андерсона, Весли одобрительно похлопал его по плечу и, повернувшись к холуям, добро сказал:

– Что-то у этого тощего мало орденов... Дайте ему что-нибудь...

И тотчас же какой-то адъютант выхватил из чемодана и прицепил Хэнку на мундир еще одно «Пурпурное сердце».

То ли Хэнк не успел опохмелиться с утра, то ли адъютант неловко дотронулся до еще не зажившей культи, то ли полыхнул острый приступ фантомной боли в сердце, то ли просто моча ударила в голову. «Боже, какой я мудака! – с отчаянием подумал он. – За такие бляшки-медяшки, которых у этого гладкого хлыща полный чемодан, я потерял здесь товарищей, свою руку, искалечил свое будущее, стал злым пьянчужой, потерял себя самого!»

А блестящая, восторженно гудящая свита, довольная тем, что хорошего парня не забыли, не обидели, уже шагала дальше, намечала, кого еще наградить, чтобы и он поразовался, и министр остался доволен.

И тогда Хэнк заорал на все взлетное поле тонким злым голосом:

– Эй, вы там!..

Генералы замерли, свита остановилась, медленно, удивленно поворачивалась к нему вся эта золотовышитая толпа. Хэнк сорвал орден и швырнул в них, заорал, срывая глотку:

– Подавитесь вы всем этим!.. Пропадите пропадом!..

Вышел из строя. Два шага вперед, поворот через левое плечо. И ушел.

Немота. Тишина, как после бомбежки. Ужас штабных – что делать? Бунт! Хватать? Волоочь?

Генерал Роу, опытный вояка, первым вылез из воронки от взрыва:

– Пресса есть здесь?

– Никак нет!.. Был приказ никого из писак до окончания репетиции на базу не пускать...

Генерал вздохнул, грустно покачал головой:

– Большой парень совсем... Нервный срыв... В госпиталь его...

И зашелестела радостно, облегченно генеральская обслуга – хозяин повернул жуткий скандал в русло печального эпизода войны. Ветерок разносил по полю: «Стресс... Стресс... Стресс...»

Наверное, все это и рассосалось бы бесследно – никому громкий скандал перед приездом министра был не нужен.

Но, видно, Хэнк уже вдел ногу в стремя своей сумасшедшей судьбы – понесло! Его не успели перехватить и водворить в госпиталь, потому что прямо на поле он подсел в чей-то попутный джип и направился в бар «Камбодия», где встретил давнего друга Тома Галлауэя – из управления стратегической связи.

Том где-то украл ящик антигуанского рома «Пуэрто». А у Хэнка был стресс – все видели! Коричневые бутылки в деревянной коробке стояли у ног Тома, как в снарядном ящике. Страшная выпивка – этот ром доливали в бензобак, когда кончалось горючее в джипе.

На выскобленном дощатом столе немо тарасилась на них пучеглазая сырая рыба телापия.

Видно, удивлялась их идиотизму.

Резали финками рыбу, ломти мочили в соевом соусе, лениво закусывали, хрустели жареными лягушками и пили темный ром, и его чернота перетекала в их мозги, и приятели, медленно безумея, быстро зверели.

Том уговаривал Хэнка не грустить, плюнуть на все, катить в Штаты, забыть все как страшный сон.

– Конечно, на свою пенсию ты не забогуешь, но у тебя же должны остаться приличные деньжишки... – успокаивал Том.

– Ага! – заорал Хэнк. – Я тут заработал сумасшедшие деньжищи!.. Где они? С чего взялись?..

Он бешено тарасился на Тома, как искромсанная телापия на столе.

– Все прогулял? – удивленно смотрел на него Том. – Все черные бабки?..

– Какие черные бабки? – пучился Хэнк, и зеленая терраса бара кружила его, как карусель. – Ты о чем говоришь?

Том испуганно закрыл рот, медленно спросил:

– А ты что, был не в доле?

– В какой доле? – завопил пронзительно Хэнк. – О чем ты говоришь, идиот несчастный?

Том помолчал, зажевал лягушачью лапку, растерянно пожал плечами:

– Тогда идиот – ты... Попроси генерала Шеппарда, чтобы он тебе выплатил вторую пожизненную пенсию... У него хватит...

– Почему? – удивлялся Хэнк.

– А что вы с Кейвменом возили на территории Патет-Лао? За линию фронта? – спросил Том.

– Что? – не понял Хэнк. – Все! Оружие, боеприпасы, продовольствие... Что хочешь возили... Мы свиней даже возили...

Том грустно расхохотался:

– Ты, Хэнк, ничему не научился и ничего не понял...

– Что? Что я должен был понимать? – бесновался Хэнк.

– Что все это дерьмо никому не нужно... Все оружие досталось вьетконговцам, а боеприпасы расстреляли просто так... А главное, что вы возили, были ящички... Написано «Взрывчатка». Возили?

– Да, возили, – подтвердил Хэнк.

– Вот в этих ящичках была действительно самая сильная в мире взрывчатка, – бубнил настойчиво Том. – Это сырец опиума... Десятки килограммов для наркокухонь... Тех, что на нашей контролируемой территории... Китайским опиумным поварам...

Хэнк долго тупо смотрел на Тома, потом медленно сказал:

– Ты все врешь... Этого не может быть...

Том махнул рукой:

– Да перестань! Ты, оказывается, просто дурак...

Замкнуло. Дымная муть сивухи заливала его глаза свинцовой слепотой.

Бог ведь как бы все пошло в жизни, если б на крошечном пятачке времени не сошлось столько случайностей. Если бы не было репетиции дурацкого парада, если бы не оскорбление-награждение, если бы Том не украл ящик рома, если бы не так давила влажная духота и если бы начальник интендантской службы генерал Шеппард не задержался на работе дольше обычного.

Сошлось.

Опрокидывая снарядный ящик с ромом, Хэнк выскочил из-за стола и помчался к штабному барaku. Потерял по дороге пилотку, глаза налиты кровью, как йодом, лицо, опухшее от тяжелого рома, растерзанная на груди парадная форменка с бренчащими орденами – видок, в общем-то, хай-класс!

Шеппард выходил из штаба, усаживался в машину.

Сильно качнувшись, Хэнк схватил его за шиворот:

– Эй ты, сволочь!.. Чертов пастырь!..² Что было в ящиках взрывчатки?

Шеппард, еще молодой, тренированный скот, не сильно испугался. Отшвырнул не стоящего на ногах Хэнка, повернулся к охране у дверей штаба:

– Посадите этого пьяного кретина в карцер...

Морские пехотинцы бросились к ним. Хэнк был пилотом – пускай пьяный, пускай однорукий, почти сумасшедший, но реакция-то у него была летная, не чета этим толстым земляным лентяям. И прежде чем его повалили на мокрую жирную красную землю – подпрыгнул, рванулся вперед, лбом ударил в плоскую генеральскую морду, мгновенно залившуюся густой алой жижей – как из лопнувшей банки кетчупа «Хайнц».

Хэнка отработали в военном суде на Окинаве, приговорили строго – исключить из армии, лишить воинского звания, всех наград и пенсии.

Окаменение души.

В сердце Хэнка не было ни боли, ни обиды, ни досады. Холодная злоба, испепеляющая больше всего себя самого...

Злоба не утихала, не смягчалась, не меркла – горела она в нем ровно, спокойно, негасимо, превращаясь постепенно в единственную реакцию на окружающий безумный и равнодушный мир...

---

² Shepherd (англ.) – пастух.

18. Нью-Йорк. Департамент полиции. Полис-плаза, 1. Стивен Полк

– Что ты хочешь от меня? – обреченно спрашивал Драпкин.
– Задавись! – коротко объясняла Эмма.
– Хорошо, – покорно соглашался Драпкин. – Если это сделает тебя счастливее...
– Я буду счастлива, если ты сделаешь меня вдовой, – уверенно пообещала Эмма и обернулась за сочувствием и поддержкой к Полку: – Посмотрите на этого пионера Дальнего Запада! И он повез меня сюда за лучшей жизнью...

Полк не мешал им переругиваться – в извивах и поворотах скандала, как в гостиничных коридорах, возникали все новые люди, составлявшие ареал обитания боевого Вити Лекаря, валявшегося сейчас в застегнутом черном пластиковом мешке в морге больницы округа Кингс.

Имя Левона Бастаняна всплыло в перебранке недавно, и Полк своей обостренной звериной интуицией ловца почувствовал мускусный запах греха и пакости.

– ... Чем, вы сказали, он занимается? – переспросил Стив.

– Он артдилер. Торгует картинами, фигурками, антиквариатом разным... – уныло говорил Драпкин и качал своей серой головой, будто посыпанной прахом и пылью. – Я не знаю, чем он там еще торгует...

– Где – там?

– В Сохо. У него галерея в Сохо. Рядом с Гринич-Виллиджем...

– А зачем к нему ездил Лекарь?

– Я знаю? Что он, обсуждал со мной свои гешефты? Сказал: «Поехали» – мы поехали...

– Адрес галереи помните?

– А то! Мы ж туда не раз ездили. И не два...

– А сколько? – уточнял Полк. – Десять? Двадцать?

– Наверное, двадцать... Я считал? Это же ведь все давно происходит...

– Зачем Лекарь ездил к Бастаняну? О чем они говорили? – потихоньку напирал Полк.

– Что вы меня спрашиваете? – удивился-испугался Драпкин. – Откуда мне это знать?

Они что, по-вашему, меня на переговоры приглашали?

– Тогда почему Лекарь вас брал с собой?

– Чтобы я шоферил за баранкой...

Полк вспомнил, как Лекарь удирал от полицейской погони, и невольно усмехнулся:

– А вы водите машину лучше Лекаря? – Ему вообще показалось удивительным, что Драпкин умеет водить автомобиль.

– Ха! Взгляните на этого автогонщика! – не утерпела Эмма. – Ему надо ишаком управлять, а не «мерседесом»!

Презрительно покачала головой, потом спросила Полка с надеждой:

– Кстати, а что с «мерседесом»? Витя его совсем разгваздал?

– Боюсь, что совсем, – разочаровал ее Полк, вспомнив расплющенный, спрессованный, раздавленный кузов лимузина, который резали автогеном, чтобы выволочь из кабины искромсанные останки Лекаря. А чемоданчик с зубами, валявшийся между сиденьями, даже не помялся.

– Ах, какая шикарная была тачка, – печально вздохнула Эмма. Видно было, что с разгвазданной шикарной тачкой ее связывали очень сильные воспоминания.

Драпкин, деликатно потупясь, спросил:

– Можно, я закурю одну сигарету? Вообще-то, я не курю, но сейчас, признаюсь, я очень волнуюсь...

Полк протянул ему пачку «Парламента», чиркнул зажигалкой.

Драпкин лихорадочно затянулся несколько раз и, заглядывая снизу в глаза Полку, сказал:
– Обратите внимание, она меня презирает даже за то, что я не мог расколотить вдребезги «мерседес» так, как управился этот бандит. Но водил я машину, конечно, хуже его...

– Зачем же вы ему были нужны?

– Там днем нельзя припарковаться – нет мест. Лекарь уходил к Бастаняну на час, на два, а я сидел за рулем – вторым рядом у тротуара, как говорится, дабл-паркингом. Если приезжал полицейский, он сгонял меня, и я круизировал вокруг квартала, потом возвращался к подъезду...

– Подумайте, Драпкин, внимательно, прежде чем отвечать, – это важно. Лекарь привозил Бастаняну какие-нибудь вещи? Или забирал у него что-либо?

– И привозил, и забирал, – уверенно ответил Драпкин.

– Что это были за вещи?

– Какие-то свертки, пакеты, чемоданчики, сумки. Или картины. – Драпкин на миг задумался и повторил: – Да-да, я уверен, что это должны были быть картины. Небольшие упакованы в картон или бумагу, а покрупнее – свернуты в цилиндрические рулоны...

– Вы думаете, что это были холсты без рамы?

– Я не могу этого утверждать! – прижал руки к груди Драпкин. – Я ни разу не видел сам холст. Эти рулоны были завернуты в пластик. Но мне кажется, что они пахли пылью и краской...

Полку казалось, что от самого Драпкина пахнет ацетоном – запахом страха и отчаяния. Несчастный урод. Яйцeroжденный. Куриное яйцо, попавшее в гнездо стервятников.

Отворилась дверь, Джордан пропустил в кабинет детектива Конолли, а сам поманил пальцем Полка в коридор. Стивен взял свой бумажный стаканчик с остывшим кофе, прихлебнул – противная кислая бурда, с отвращением поморщился и сказал Конолли:

– Потолкуйте с супругами еще о друзьях ушедшего от нас навсегда мистера Лекаря... Среди них было много людей замечательных и, главное, очень интересных для нас... – И отдельно обратился к Эмме: – Вспоминайте, пожалуйста, все о ваших друзьях...

– Ха! – сразу же возникла Эмма Драпкина и передразнила Полка: – «Дру-зья!» Тоже мне друзья! Таких друзей – за хрен и в музей!

Подошедшая переводчица на ходу дожевывала сахарный пончик «донатс», утирая салфеткой губы.

– Это переводить инспектору Конолли? – деловито осведомилась она.

– Это можете не переводить, – усмехнулся Полк. – Конолли имеет представление о взглядах миссис Драпкин на дружбу и любовь.

– А что, не так? – подбоченилась Эмма. – Какие друзья? Что за лепет? Друзья нужны в молодости, когда ты глуп и беден. А серьезному мужику друзья – только обуза! Не было у Вити друзей.

Полк рассмеялся:

– Вы мне положительно нравитесь, миссис Драпкин. Я даже жалею, что не познакомился с вами раньше, до Лекаря...

– А вам что, Витя Лекарь мой борщ перебаламутил? – покачала головой Эмма. – Поверьте, вкус не испортил...

– И не сомневаюсь! – заверил Полк. – Хочу открыть вам страшную тайну – сегодня в нью-йоркских тюрьмах содержится шестьдесят восемь тысяч двести сорок шесть человек. Боюсь, к завтрашнему утру эта внушительная цифра увеличится еще на одну весьма приятную даму. Так что мне не суждено оценить вкус вашего борща. Поэтому вы думайте, вспоминайте, говорите детективу Конолли как можно больше. Вам уже давно пора во весь голос «петь» – или, как говорят ваши земляки, «колоться»...

И, не слушая ее отчаянно-яростного клекота, пошел из кабинета.

– Баллисты дали заключение, – сказал Джордан. – Парень, убитый днем в лифте аэропорта Джей-Эф-Кей, расстрелян из пистолета Лекаря, из того «ругера», что у него вытащили из живота после катастрофы. Лекарь врезался в грузовик в два тридцать пять, а убитого обнаружили в лифте приблизительно в два двадцать.

– На той скорости, что мчался Лекарь, времени у него было достаточно, – кивнул Полк. – Вы с русской милицией связались?

– Мы послали запрос в Москву, в их МВД. Но они никогда не торопятся с любыми бумагами, – махнул рукой Джордан. – Застреленного по документам зовут Сергей Ярошенко, ему двадцать семь лет, прибыл по гостевой визе, на теле две татуировки и след огнестрельного ранения приблизительно годовалой давности...

– Кто приглашал в гости?

– Или во въездной анкете ошибка, или таких людей нет в природе...

– Запрос в наш консулат в Москве? Там должен быть официальный бланк приглашения – с печатями и заверениями.

– Уже ушел, – вздохнул Джордан. – Но сейчас все эти бумажки – кусок дерьма. За сто долларов на Брайтоне тебе изготовят удостоверение директора ФБР или верительные грамоты посла в Одессе – совершенно настоящие.

– Не жалуйтесь, Джордан, это нормальные издержки свободы, – засмеялся Полк.

Джордан остановился и посмотрел на него в упор своими выпуклыми бычьими глазами:

– А почему вы решили, что я такой большой ценитель свободы? По мне, ее и здесь, у нас, с избытком. Но почему мы должны расплачиваться за свободу этих кровожадных хулиганов – вот этого я никак не пойму!

– Дорогой лейтенант Джордан! – очень серьезным тоном начал Полк. – Еще в университете мне вдолбили, что свобода есть понятие неделимое. Но если кто-нибудь из твоих копов услышит, что в три часа ночи мы спорим о природе свободы, он справедливо скажет, что мы оба идиоты, и ты потеряешь авторитет. Поэтому давай спустимся, дернем по паре стаканчиков, пожужим и решим, как жить завтра...

19. Москва. Ордынцев. Морг

Хирург Фима Удовский, громадно-толстый, как африканский слон, сказал снисходительно-строго:

– Не жалуйся... Жизнь вообще очень вредная штука. От нее сначала устают, потом болеют, в конце концов умирают. Или – убивают...

– Хорошенькая философия! – хмыкнул я.

– Мне по-другому нельзя, – пожал он необъятными плечами-подушками. – У меня работа такая. Адаптировался. И хочу заметить тебе: ни один хирург не берется оперировать близкого человека...

Мы шли по внутреннему скверу института Склифосовского к двухэтажному белому корпусу с покрашенными стеклами – патолого-анатомическому отделению. Попросту говоря – морг. Последний земной дом Валерки Ларионова.

Уходил Валерка отсюда в ясный жаркий день, похожий на пик июля, а не середину сентября. И листва стояла нетронутая, зеленая, мягкая, еще не скукожившаяся и не заскорузевшая, и небо – фаянсово-голубое – висело над нами парашютным куполом, а грохот мчащейся по Садовому кольцу автомобильной лавины разбивался о колоннаду Шереметьевского странноприимного дома и не проникал сюда, в тенистый тихий сквер, где сидели на лавочках больные в сиротских пижамах, грелись, неспешно беседовали о своих болях и бедах, а мимо них с веселым гиканьем проносились студенты-практиканты в белых мятых халатах. Они еще не адаптировались к печальной мысли о том, что люди устают, болеют и умирают. Или их убивают.

– А почему вы близких не оперируете? – спросил я.

– Руки будут дрожать, – сказал Фима и нажал кнопку звонка на стальной двери с табличкой «Служебный вход. Посторонним вход строго воспрещен».

За дверью сдвинулся смотровой волчок, и в круглой железной скважине показался глаз, сморгнул, и щелкнула щеколда. И прежде чем створка распахнулась, я сказал Фиме:

– Я твой намек понял. Но беда в том, что мне перепоручать мои операции некому. И я тебе обещаю – когда найду эту гадину, у меня руки дрожать не будут...

– Дай тебе Бог, – вздохнул мой дружок. – Ты, Серега, все время живешь в ощущении, будто ты по-прежнему в Афганистане. Тебе от этого трудно – здесь не Афган. Здесь не война...

– Война, Фима, война! Поверь мне...

Санитар, кривой мужичок с металлическими зубами, впустил нас в предбанник, отделанный зеленым кафелем, и в носшибанул тяжелый дух формалина, дезинфекции и мертвой человеческой плоти.

– Заходите, Ефим Евгеньевич, давно вас не видел, – почтительно поприветствовал санитар и быстро зыркнул в мою сторону: – А это с вами?

– Со мной, Аникеев, со мной, – успокоил его Фима. – Проводи нас к Ларионову... Милиционер... Вчера убили...

Фиолетовый мигающий трепещущий свет люминесцентных ламп, бетонные полы, белые пронумерованные дверцы холодильных ниш, липкая холодная тишина. Из шкафа № 13 Аникеев выкатил носилки на колесиках. Длинный белый куль, тусклая желтизна торчащей из него пятки. Санитар сдернул простыню.

Валерка был голый, синюшно-бледный, совсем закоченевший, со страшным кроваво-бурым анатомическим секционным швом от горла до лобка. Беспомощный, беззащитный. Голый. Как пришел в этот мир.

Завтра тебя обрядят в белую рубашку, в парадный мундир с золотыми погонами. Он у тебя почти ненадеванный. Сыщик в парадном мундире бывает на смотре и во гробе. В долгом красном ящике, в цветах и лентах, с прибитой к крышке фуражкой, под медный гром оркестра,

с троекратным салютом из автомата Калашникова понесут тебя четыре капитана, как принца датского, – все будет выглядеть скорбно-значительно, власть тебе уделит в последний путь часть своего державного блеска и могущества. В котором было отказано при жизни. Ты – не принц, ты – не Гамлет. Обычный опер.

– Идем, Аникеев, перекурим, – взял Фима за плечо санитар. – Пусть попрощаются...

Я положил руку на лоб Валерки – холод потек в мою ладонь. Все тепло мира уже не согреет его. Жесткая короткая стрижка. У него было две макушки – по старой примете суждена была Валерке долгая счастливая жизнь с двумя женами. А он и одной себе не сыскал.

Прощай, Валерка. Не пойду я завтра на похороны, не могу слышать, чего там о тебе вещать станут. Прости. Я обещаю сам справиться по тебе большую тризну. За то, что не дали тебе ни до чего дожить – не женился, не родил детей, ничего хорошего не увидел, даже матерым мужиком стать не успел. Остался долговязым мальчишкой.

Я обещаю тебе с ними поквитаться по-честному – поверь мне, тот, кто это сделал, будет лежать здесь, вот в этой холодильной камере № 13, и пусть это будет его платой за твою беззащитную наготу.

Прощай, Валерка. Завтра на кладбище скажут, что память о тебе будет жить вечно в наших сердцах. Насчет «вечно» – я тебе обещать не могу, я не знаю, что такое «вечно». Но вот что я точно знаю: пока расчет не закончен, ты будешь со мной, мой младший братан...

Я вышел в кафельный предбанник и сказал терпеливо ожидающемуся Фиме:

– Мы с тобой люди близкие?

– Надеюсь, – хмыкнул он.

– Я к тому... Если меня доставят к вам с отдельными повреждениями, ты меня режь сам. У тебя не будут дрожать руки...

20. Москва. Житная, 16. МВД России

Без пяти минут два Джангиров подъехал к министерству – десятиэтажному белоснежному, будто из рафинада напильного, кубу на Житной. Дважды объехал стоянку и нашел место, с которого можно было наблюдать за центральным подъездом, не выходя из машины. Джангиров не хотел здесь светиться лишнего – полно ненужных старых знакомых. А автомобиль его никак не выделялся среди остальных тачек среднего начальства – нормальная черная «Волга» с антенной радиотелефона. Та самая «Волга», о которой так страстно хлопотал вице-премьер Борис Немцов.

Конечно, шофера, дремотно дожидаящиеся своих хозяев, с большим интересом заглянули бы под капот джангировской «Волги», кабы он разрешил, – фордовский восьмицилиндровый движок с автомат-трансмиссией делал сходство их машин чисто внешним. Футболист-профессионал, надевший униформу дворовой команды. Для того чтобы могучий движок не заносил на поворотах зад, в багажнике лежала двухсоткилограммовая чугунная плита.

Полуденное солнце, не по-осеннему жаркое, раскалило лакированную черную крышу, которая давила на мозги, как эта металлическая чушка в багажнике. И кондиционер не спасал – холодные струйки воздуха рассасывались через плохую герметiku кузова. Но пересаживаться на иномарку Джангиров не желал, были у него для этого резоны. «На бегах – в рысках, на проселке – мерин», – говорил он.

По всем своим статьям мерин его был непростой, от тонированных броневых стекол до баллонов «гудьир» – под стать своему наезднику, маленькому, завалящего вида мужичонке, умеющему и готовому убить всякого, кто не подходил под простое и емкое определение – «хороший человек». Поскольку Джангиров точно знал, что любые рассуждения о добре и зле, о благе и пороке, о справедливости и насилии – словесный мусор, чепуха на постном масле, сопливый вздорный лепет незрелого разума, то и понятие «хороший человек» было очень понятным.

Хорошие люди – это те, кто относился к Джангирову хорошо и старался помочь ему. Остальных Джангиров воспринимал как отданных ему Господом на суд и расправу. Или дьяволом. Да какая там разница!

Зачарованный собственной неподвижностью, тягучей музыкой Марсалиса из стереодинамиков «Филипса» и зрелищем непрерывно крутящейся двери центрального подъезда – она, как мясорубка, неустанно вышвыривала в уличное пекло распаренный людской фарш, – Джангиров не заметил, как подошел сбоку и постучал в стекло костяшками пальцев Коля Швец. Джангиров покосился недовольно, нажал кнопку подъемника – синюшная пластина окна опустилась.

– Зачем ушел из машины? – недовольно спросил Джангиров.

– Я тебя, шеф, боюсь пускать одного за рулем. Ты давно сам не едешь, а с этими отморозками на дорогах сладу нет. Давай сяду за баранку.

Джангиров посмотрел с интересом – неужто заботится? Или предстоящим разговором интересуется? Не успел решить, потому что Швец предложил:

– Или сядь в джип, там все ж таки посекьюристее будет...

Джангиров подмигнул:

– Ништяк! Начальнику тюрьмы в нашем джипе раскатывать по Москве не след. Ты смотри, чтоб мне никто на хвост не сел. Езда – бампер в бампер. А говорить при тебе он не станет...

– Вам, господин президент, виднее, – ухмыльнулся Швец.

– Слышнее, – серьезно кивнул Джангир и, ткнув пальцем в сторону подъезда МВД, спросил строго: – Не хочется вернуться?

– А на кой? – пожал плечами Шве́ц. – Я и сейчас делаю то же самое. Только размах больше, воля вольная и деньги хорошие...

Помолчал миг, вздохнул и спросил простовато:

– А ты?

Он, Коля Шве́ц, был весь такой улыбочиво-ямчатый, голубоглазо-беззащитный, с детскими блондинистыми кудряшками вокруг розовой загорелой плеши. Его, наверное, каждый мог обмануть и обидеть.

– А ты, великий учитель? – повторил вопрос Шве́ц.

– А я и вернусь, – спокойно ответил Джангиров. – Министром...

– Неплохо, – одобрил Шве́ц и погладил задумчиво аккуратную круглую лысину, такую нежную и ровную, будто ангел сдул лишнюю волосню. – А кто премьер-министром будет в этом правительстве?

– Не знаю, – развел короткие ручки Джангиров. – Это не важно. Кого назначим, тот и будет...

– Вот это дело! – обрадовался Шве́ц. – Только ты меня заранее предупреждай...

– О чем?

– Когда ты пули льешь, а когда всерьез толкуешь. А то случается, я не въезжаю сразу.

– Уже въехал?

– Ага, – вздохнул Шве́ц тяжело. – Возражаю...

– Чего так? Представляешь, как звучит – «заместитель министра внутренних дел по кадрам генерал-лейтенант Шве́ц». А-а? Каково?

– Ка́ково! Хочу напомнить, что хозяин и строитель этого дома застрелился, а его зама боевого охреначили на семь лет в Пермский лагерь номер одиннадцать. Нравится? Ты Щелокова и Чурбанова помнишь или уже запамятовал?

– Я-то помню, Коля. Ты еще про Пуго вспомни, тот от усеру тоже шмальнул себя, – вздохнул Джангиров. – Я все помню. Но они жили в другие времена, в другой стране, считай, на другой планете...

– Тоже мне – инопланетян сыскал! – усмехнулся Шве́ц.

– И еще возьми в разумение одно обстоятельство, – невозмутимо продолжал Джангиров. – Они служивые коммуны были, то есть чистые, честные, бедные люди. Их жалкий достаток состоял из казенного жалованья, смешных привилегий и нищенских поборов...

– Не фантазируй, шеф! – возмутился Шве́ц. – Не такие уж и взятки у них были нищенские, и привилегии вполне даже существенные.

– Не физдепини, Коля, – скривил сухой угол рта Джангиров. – В хороший месяц ты имеешь больше, чем генерал армии Щелоков брал за год. Но главное не в этом...

– А в чем? – ехидно прищурился Шве́ц. – Они Ленина видели?

Джангиров засмеялся:

– Ерничает, дурак, а зря! У них была гнилая совесть, но когда жизнь – у самого конца – отскребла с этого гнилого оглодка всю дрянь, тлен и гной, осталась на дне души крошечная капелька этой совести. И последняя крупница чести. И тень стыда. Чуток, самую малость – ровно на одну пулю для себя, чтобы не терпеть срам и поношение...

– Не понял, – перебил Шве́ц.

– Поймешь, поймешь со временем, – заверил Джангиров. – Никто из нынешних не стреляется – никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах. Ни губернаторы, ни банкиры, ни министры. Бьют их киллеры из автоматов и ножами кромсают, но сами они не стреляются никогда. А нам с тобой это гарантия, что всех их возьмем в пригоршню...

Джангиров, прищурившись, рассматривал десятиэтажный белоснежный айсберг, взметнувшийся над бездной московского асфальтового пыльного, серого океана. Памятник человеческой суетности. Великая стройка развитого социализма, реализованная за какой-то небы-

вало короткий срок бывшим министром Щелоковым. Как только ему удалось вырвать у пастозно-ватной куклы – Леонида Ильича – согласие на возведение нового здания МВД, так и возвел сразу. За год...

Щелоков играл со своей стройкой, как мальчишка с подаренным конструктором – увлеченно, счастливо, самозабвенно. Со сверхзвуковой скоростью прорвали все тяготящие препоны согласований, проектирования, землеотвода, подготовки коммуникаций, и вдруг однажды утром, как когда-то, незапамятно давно, в Берлине возникла за одну ночь стена, так в центре Москвы на Октябрьской площади вырос забор. Каре периметром в два километра, высотой три метра, с «колючкой» по гребешку и пулеметными вышками в углах. В разгар зрелого социализма, хельсинкского детанта и непрерывного роста демократии вспух на цветущей морде столицы мира, в сердце всей России, нарыв концлагеря. Впрочем, московских обывателей, мчащихся стадно по утрам в метро и по вечерам – из чрева столицы наружу, нисколько это не удивило и не заинтересовало. «Ящик почтовый какой-ни-то-очередной возводят», – смотрели они равнодушно на забор. Ну да, как в песне поется: «А город подумал: ученья идут».

Архипелаг ГУЛАГ в то время, слава те господи, уже не существовало. И чтобы памяти его позорной не осталось, чтобы исправить этот прискорбный перегиб в славной нашей истории, пришлось даже вышибить за пределы отечества его летописца, пробравшегося к званию нобелевского лауреата.

Вместо архипелага ГУЛАГ функционировал вполне успешно архипелаг ГУИТУ – Главное Управление исправительно-трудовых учреждений МВД СССР. И вместо сталинско-бериевских немереных-несчитанных легионов эков кантовалось на островах ГУИТУ в ту пору чуть-чуть менее двух миллионов человечков обоего полу, включая малолеток, инвалидов и стариков.

Персональный ответчик за строительство – начальник ГУИТУ генерал Чугунов – лично проверял списки этапов из лагерей в Москву на великую стройку МВДизма. Ниже шестого разряда рабочих специальностей – слесари, бетонщики, каменщики, электрики, штукатуры, маляры, сантехники, плотники, столяры, паркетчики, кровельщики, стекольщики – на спецкомандировку в одном километре от Кремля не попадали. Лагерные «кумовья» и замполиты членораздельно втолковывали ошалевшим от надежд и испуга экам: малейший брак в работе или нарушение режима – так сразу обратно на шконки за Полярным кругом. Всех «проявивших себя» – в день завершения стройки – на волю. По домам! Гуляй, рванина, вволю и на воле, пока к нам снова не попадешь.

Они и вкалывали как звери. Даже инструмент финский им закупили. А стройматериалы! После Кремлевского дворца съездов никто не видел такого и столько вместе: карельский гранит, армянский туф, киргизский мрамор, бук из Буковины, наверное, а дуб из Дубоссар. Праздник дружбы народов, населяющих бескрайнее ГУИТУ. Велико и обильно ГУИТУ, это вам не Гаити нищенская. Все чего-нибудь хорошенькое от себя оторвали, в столицу направили на строительство самого большого в мире полицейского храма, милицейского капища.

В три смены зэчня трудилась – им ведь за часы ночные да сверхурочные платить не надо, слава богу.

Через год, накануне замечательного праздника Великой Октябрьской социалистической революции, именуемой в быту неблагозвучным сокращением ВОСР, окна нового дома – хрустальные полупрозрачные плиты фацетованного стекла из Гусь-Хрустального – были вымыты до полудрагоценного сияния, за одну ночь забор разобран. И чудо свершилось – слово министерское оказалось твердым: подарил Николай Анисимыч экам лагерную недоимку лет. На волю!

А сам министр кинулся в ночи к недомогающему, совсем плохому генсеку, дорогому нашему Леониду Ильичу, лично товарищу Брежневу, и уболтал, уговорил, умолил распадающегося вождя собственными ручками разрезать ленточку на входе 10 ноября, всего-то через

три дня – в день 65-летия нашей славной краснознаменной милиции. Не мог архитектор разрядки отказать своему старому другу – архитектору правопорядка. Согласился.

А утром восьмого, назавтра после парада на Красной площади и праздничного ужина в Кремле, не проснулся Ленья, бровастый наш маршал и многожды герой. Дуба дал в расцвете лет, сгорел на руководящей работе, можно сказать, преемникам своим и сподвижникам приказал долго жить. Но так уж все густо подгнило в нашем мудачком королевстве, что даже этот последний приказ никто не выполнил – стали наши командиры откидываться, как в детской игре «Замри!».

Но Щелоков еще не знал – и не узнал, – что будут генсеки наши мереть как мухи и каждому из них срок дан длиной с хренову душу, – и киксанул, сделал сдачу в штаны. Эх, если бы тогда продавались памперсы «Хаггис» на каждом углу, как сейчас! Может быть, и обошлось потихоньку?

А без памперсов не получилось. Крут оказался на расправу генсек Андропыч – примурлыкивая «Тэйк зэ а трейн», очешками в тонкой оправе поблескивая, вышиб Николая Анисимовича, свет нашего Щелокова, из министров ровно через месяц.

Так министр и не вошел ни разу в свой кабинет в новом, любовно отгроханном здании.

А еще через месяц выставили его из ЦК бесконечно авангардной нашей партии.

Еще месяц – отнял Андропыч депутатский мандат.

Месяца два пауза – и снова подарок судьбы: давайте разжалуем генерала армии Щелокова. Ура! Интересно было бы узнать – до какого звания кинули советского главмента? В полковники? Лейтенанты? Или совсем под нары – в солдаты?

Он зубами скрипел, но терпел, крепился. А сорвался на совершенной глупости: сообщили в «Известиях», что Всесоюзная Аттестационная комиссия подумала, обсудила и решила, что диссертация профессора Щелокова не содержала серьезных научных открытий – это только тогда и выяснилось! – и потому постановил ВАК лишить его ученой степени доктора экономических наук и научного звания «профессор». Не выдержал этого измывательства Анисимыч, вставил в рот бельгийский охотничий карабин и нажал курок – кровавыми ошметками государственного ума все стены в прихожей забросало.

А текинский ковер – посредине черно-бурые неотмывающиеся пятна – лежит сейчас на полу в кабинете Джангирова на даче...

Как память. Предупреждение. Призыв.

Щелоков Николай Анисимович [р. 13 (26).11.1910, ст. Алмазная, ныне в черте г. Кадиевки Ворошиловградской обл. УССР], советский гос. и парт. деятель, генерал армии (1976), доктор экономич. наук (1978). Чл. КПСС с 1931. Род. в семье рабочего-металлурга. Окончил Днепропетровский металлургич. ин-т (1933). В 1933–34 и в 1935–38 работал на металлургич. з-дах на Украине (инженер, нач. цеха). В 1938–39 1-й секретарь Красногвардейского РК КП(б)У (Днепропетровск). В 1939–41 пред. Днепропетровского горисполкома. В 1941–46 в Сов. Армии, участник Великой Отеч. войны. В 1946–47 зам. министра местной пром-сти УССР. В 1947–51 в аппарате ЦК КП(б)У. В 1951–62 и в 1965 1-й зам. Пред. Сов. Мин. Молд. ССР. В 1957–58 и 1962–65 пред. СНХ Молд. ССР. В 1965–66 2-й секретарь ЦК КП Молдавии. С 1966 министр внутр. дел СССР. Канд. в чл. ЦК КПСС с 1966. Чл. ЦК КПСС с апреля 1968. Деп. Верх. Совета СССР 4–9-го созывов. Награжден 3 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, а также медалями. *Большая Советская Энциклопедия, 1978 год.*

21. Хэнк. Возвращение на курорт во Флориде

...С момента выхода из гарнизонной тюрьмы на Окинаве Хэнк шел по длинной цепи унижений и мелких издевательств военных чиновников.

В госпитале сообщили, что в связи с исключением из армии по статье он не должен рассчитывать на обещанный усовершенствованный электронный протез – пока это штука слишком дорогая, чтобы раздавать бесплатно всем безруким.

В бухгалтерии отказались выплатить компенсацию «по боевым» за время плена и госпиталя.

Медицинская страховка ветерана пролетела мимо – «вы исключены из армии с лишением звания, лечитесь на здоровье, как все нормальные инвалиды».

И конца и края было не видать всему этому беспардонному обирательству и надругательствам.

Ни разу Хэнк не вступил в спор, ни разу не унизил себя до препирательств. И отказался от натярок товарищей обратиться к бесплатному военному адвокату. Он не хотел, чтобы его нервы из звенящих стальных струн превратились в ржавую лохматую проволоку.

Хэнк боялся неосторожным поступком, крикливым взрывом расплескать в себе злобу. Он хранил ее как волшебный сосуд, как гранату со снятой чекой.

Единственное, чем он воспользовался, – обратным билетом домой. В контракте под названием «Хэнк Андерсон и Народ Соединенных Штатов – Договор» было указано, что правительство обязано его доставить, при всех условиях, на родину, в любое указанное им место. Или в деревянном длинном ящике в трюме военного транспортного самолета, или экономическим классом любой авиакомпании, летающей в Америку. Когда в транспортном управлении его спросили, куда ему выписать проездной воинский билет, Хэнк всерьез задумался.

Веселый путешественник, беззаботный турист – вас нигде не ждут! Вы, дорогой друг, на хрен никому не нужны!

В Лос-Анджелес – решил он. А оттуда – в Лас-Вегас! Сначала понежиться на пляже, потом поживем на развеселом курорте. Какие-нибудь девки появятся – не может ведь быть, чтобы женская половина человечества состояла только из проституток. Черт его знает, может быть, есть бабы, которые трахаются не только за деньги?

Конечно, эти суки-эвакуаторы организовали ему билетик – люкс-класс! Загадка, как они только смогли найти маршрут с пятью пересадками, и последний кусок – через Майами в Лос-Анджелес на «Эр Мексика». Это из Юго-Восточной Азии!

Хэнк бродил по огромному и бестолковому майамскому аэропорту, дожидаясь пересадки. На Флориду грозно накатывал ураган «Лиззи», самолетам не давали вылет. Сизая мгла давила их к земле. В терминале обитали тысячные толпы одичавших людей. Хэнк пошел выпить в баре, набитом народом, как сигарная коробка. Он уселся на полу рядом с баром, за веревочной изгородью, попросил бармендера позвать его, как только освободится место. Хэнк закурил свой «Лаки страйк», достал из мешка томик Нормана Мейлера, который он подобрал в предыдущем самолете.

Полицейский похлопал его по плечу:

– Эй, мен! Погаси сигарету...

– Почему? – удивился Хэнк.

– Вся страна воюет теперь с курением, – довольно засмеялся коп. – Ты что, парень, не знаешь – в аэропорту на всей территории запрещено курить...

– А где мне курить? – спросил Хэнк.

– Где хочешь! – жирно заликовал коп, он упивался законным правом досаждать людям. – Выйдешь из аэропорта – кури где хочешь!.. – Он показал на коридор, исчезающий за горизонтом.

Хэнк встал, огляделся – в одном шаге от него, за веревкой, в баре люди преспокойно курили.

– А почему они курят? – спросил Хэнк и с отвращением услышал острый звон внутри.

– Они сидят в баре! – спокойно объяснил коп. – У бара все договорено с аэропортом... Заплатил за выпивку – кури спокойно...

– А если я попрошу передать мне из бара сюда, за веревку, стаканчик? – нарывался Хэнк.

– Нельзя! – отрезал коп. – Выпивать здесь нельзя – это публичное место...

– Значит, и курить теперь можно только за деньги? – подпирала горло злоба.

– Так полагается! Погаси сигарету или проваливай в бар...

– В баре нет мест... Я жду очереди, – сипло сказал Хэнк.

– Ты мне надоед, парень! Дождись свободного места и тогда пей, трахайся, кури чего хочешь. А сейчас брось сигарету, иначе я тебе шею сломаю...

– Пошел ты к чертовой матери! Ты разговариваешь с офицером, вонючий бык!

Полицейский засмеялся и отступил на шаг. Он был немного постарше Хэнка, лет тридцати. Но уже выпита за эти трудные полицейские годочки в курортном городе наливная цистерна пива «Будвайзер», съедены стада свинных отбивных, контейнеры гамбургеров с сыром вылетели в сортир, жареная картошка высилась за его толстой жопой Аппалачскими горами! Этот капитал жратвы, вложенный копом в радость безбедной жизни, дал отличный процент – проросли по загривку, по бокам, по бочечно-круглой спине, на необъятной заднице горы здорового светлого сала. У копа была простецкая деревенская морда с курносой пяточкой, усыпанным симпатичными веснушками.

– На пол... – скомандовал он.

– Что-о? – заорал Хэнк.

И в тот же миг коп ударил его ногой в пах. Господи ты боже мой, какая мука!

Хэнк обезумел от боли и страха, его охватил ужас, и это было непонятнее всего. Несколько лет подряд он взлетал на своей «вертушке», ясно понимая, что его через час могут разорвать зенитной ракетой, застрелить, сжечь в воздухе. Но не боялся.

А тут его охватил панический ужас бессилия перед страшной и безнаказанной силой – гораздо хуже, чем было в плену, когда его пытал вьетконговский контрразведчик Вонг.

Мир падал ему на голову, расшибая череп своими обломками. Ан нет – это коп ударил его, скрючившегося на корточках, кулаком по темени.

Вокруг уже собиралась толпа, она возбужденно и одобрительно гудела.

Хэнк упал на пол, и его вырвало на мраморную плиту.

– Он совсем пьяный... – сказал кто-то из толпы сочувственно.

– Или «травки» накурился крепко... – добавил другой размыслительно.

А еще один заметил:

– Смотри – парень с представлениями... Весь грязный, как чушка, а в лайковых перчатках...

– Руки за спину! – крикнул коп, и Хэнк, не глядя, слышал бряканье «браслетов» в его руках.

Животный ужас, невероятное страдание охватили Хэнка – это было сумасшествие, но он точно знал, что коп, надевая наручники, оторвет ему сейчас протез вместе с воспаленной культей.

Ну-ну-ну! Он вспомнил побежденных в собачьих боях псов, которых развозили еще теплыми по харчевням.

«Не возродятся! Не хочу! Меня сейчас отвезут на живодерню и скормят кусками канни-балам.

Не возрожусь после этого!»

Он медленно, со стоном перекатился на живот, левую руку с протезом в перчатке завел на спину, а правую сунул под ремень на животе, выхватил пистолет и, глядя с пола прямо в голубые добродушные глаза копа, выстрелил ему дважды в грудь – повыше нашивок за беспорочную службу, пониже металлической бирки с именем «Карл Келлер».

Тишина. Даже дребезжащие динамики информации по аэропорту смолкли. Только тонкий визгливый подхлест воздушных порывов за стеклянной стеной, – видно, ураган «Лиззи» подошел вплотную, может быть, барышня Лиззи хотела тоже поглазеть на подстреленного копа.

Карл Келлер не упал – он оседал, как взорванная башня, стекал на пол медленно своими необъятными телесами. И глаз не закрывал, а смотрел удивленно на этого мятого оборванца, который так ловко его провел, и правая рука бессильно дергалась к кобуре – завод в игрушке кончился. Хэнк суматошно думал, что коп настолько был в своей силе и праве, что даже не расстегнул кобуру.

Потом он все-таки залег, и Хэнк обратил внимание, что на полицейском были не форменные нормальные ботинки, а ковбойские полусапожки со стальной обивкой по носку и каблуку. Садист, сука. Толстожопый пижон.

Хэнк с мукой поднялся – «он мне или яйца разбил, или уретру разорвал». Отряхнулся, накинул мешок на плечо – не судьба, наверное, попользовать до конца армейский проездной билет до Лос-Анджелеса. Наклонился над еще живым Келлером, сказал негромко:

– Если бы Волк не приставал к Красной Шапочке, он бы до сих пор гулял по лесу...

И пошел к выходу из аэропорта.

Вот тут, как скорбный набат по героически павшему копу, грянул гром, расколовший небо и затрясший стены аэропорта. Ураган «Лиззи» накрыл город. Разделил свет и тьму. День утонул в черном мраке, и по стеклам фасадов помчались водопады.

Хэнк шел через расступающуюся толпу, и никто не пошевелился, шага не ступил, чтобы попытаться его задержать. Он неуверенно, враскоряку, медленно брел через тот бесконечный коридор, по которому дохлый коп предлагал ему сходить на улицу перекурить, но выяснилось, что коридор кончается не за горизонтом, а в водяной прорве у выхода, водовороте, скручивающем тучи, пальмы, бурлящие лужи в мощный мокрый поток, в который Хэнк нырнул, как в океан.

Желтый железный ковчег в волнах всемирного потопа. Хэнк вполз в него, один за всех чистых и нечистых, протянул лохматому мексикаке Нюю стельник и посоветовал:

– Пошел... Очень быстро... – И только тут увидел, что пистолет держит в руке.

Желтый ковчег стартовал, как торпедный катер. В огромном пенном буруне скатился с аэропортового пандуса, выскочил на хайвей и превратился в подводную лодку.

Ковчег плыл через стоячий водопад. Сквозь дрожащую водяную стену, изморщенную шквальным ветром, тускло мигали где-то вверху желто-красно-зеленые огни бесполезных маяков светодоров.

По радио орали жестокими и испуганными голосами приказы о движении на автострадах и эвакуации из зоны затопления.

«Мой праведный мексикака Ной везет меня из Атлантиды на гору Арарат, – думал Хэнк. – Ураганная подруга Лиззи, спаси и выведи меня отсюда...»

– Не можешь быстрее?... – спросил он таксиста.

– Нет смысла... Зальем мотор – останемся тут навсегда...

Хэнк с отвращением представил, как он внутри заглохшего ковчега опускается в водяную прорву – там в холодной глубине плавает раздувшийся труп полицейского утопленника Келлера.

– Остановись где-нибудь у телефона, – сказал он таксисту.

У него был единственный номер телефона в Майами, и он его помнил наизусть.

Щетки разгребли мокрую кашу на лобовом стекле, и Хэнк увидел навес бензоколонки «Тексако». Под навесом был грот в водяной бездне, и слабо светился пенал телефона-автомата.

– Подожди, – буркнул Хэнк и бросился из ковчега в будку. Он молился, чтобы вода не размыла аппарат, чтобы шквал не вырвал из земли провода, чтобы электрический голубь, которого он выпустил в надежде найти благословенную твердь, нашел Арарат, какую-то библейскую, может быть, и не существовавшую никогда землю, и принес обратно зеленую веточку, весть от Эда.

Гудок, мычание, щелчок, металлический голос: «Опустите двадцать пять центов», звон монеты, тонкий вой в дальних жилах связи, мягкий басовитый зуммер, треск – и голос, казалось навсегда забытый:

– Я здесь...

– Эд!.. Эд!.. Это я!.. Хэнк Андерсон!.. Ты слышишь меня?.. Эд!

– Хэнк!.. Командир!.. Дружище!..

– Эд, погоди!.. Что ты делаешь сейчас?

– Собирался трахаться... А ты?

– А меня, наоборот, собираются трахнуть... Ты...

– Где ты?.. Выезжаю...

22. Вена. Синагога «Бет шалом»

В день Искупления, великий и грозный праздник Йом-Кипур, почтенный венский обыватель господин Эммануил С. Гутерман приходил к утренней службе в Старой синагоге и творил молитву страстно, разговаривая одновременно с Богом и с самим собой.

– Ой, Монька, ты думаешь, что Он – фраер, что Он не знает твоих делишек и простит тебя? – спрашивал Гутерман себя сочувственно-строго, как оперативник Вусатый из 6-го отделения милиции на одесской Чумке. Потом тяжело вздыхал, глядел в молитвенник Сидур, отвечивая поясной поклон и читал с выражением, шевеля толстыми губами: – *«...Ты знаешь секреты вселенной и сокровенные тайны всего живого. Ты смотришь в тайники сокрытого и проверяешь мой разум и сердце – ничего не укрыто от Тебя, и нет потаенного от Твоих глаз...»*

Он поправлял на плечах молитвенный плащ талес – белоснежное покрывало из тончайшей шерсти с золотым узорным шитьем по вороту – и говорил себе горько:

– Ну, поц, и ты считаешь себя иудеем? Ты же жалкий выкрест, ты еврей-расстрига! Помолиться не умеешь! Ой, плохо, когда толком и не знал, да еще забыл. Нет, Монька, не будет тебе в этом году от нашего Великого Господина искупления, не выхлопочешь ты себе у Него прощения...

Монька смотрел на драгоценные свитки Торы в царственных футлярах – свой последний подарок синагоге – и громко говорил, будто не просил Вседержителя, а требовал свое на крутой разборке:

– *«...Итак, да будет благоволение от Тебя, Господи, Боже наш и Боже отцов наших, чтобы Ты простил нас за все наши грехи и извинил нас за все наши провины, и искупил нас за все наши преступления...»*

Монька оглядывался вокруг, и все его соседи на молитве – слева и справа, и много рядов за спиной – согласно кланялись и кивали головами. Только четверо кающихся – двое сзади Моньки, двое спереди, нормальный «конверт» охранного ордера, – видно, застыли в ступоре глубокого раскаяния. Они ничему не кивали и никому не кланялись, а внимательно прочесывали взглядами огромную толпу молящихся, фиксируя любые перемещения и отслеживая появление каких-либо новых персонажей. Они были в традиционных шапочках – «кипах» и в талесах на плечах – всё, как у всех. Только молитвенники лежали нетронутыми на соседских стульях – у телохранителя в руках не может быть ничего, кроме оружия. А поскольку в синагоге держать в руках многозарядные пистолеты «глок» грех не только перед Богом, но и перед полицией-президентом Вены, то руки они мирно держали на животе, как католики какие-нибудь. Только пиджаки расстегнуты и левая пола сдвинута. Конечно, они не ортодоксы с пейсами, но вполне нормальные смиренные прихожане.

А Монька Веселый читал строки Великого Покаяния и с грустной усмешкой думал о том, что, наверное, нет греха, которого бы он не совершил, и сейчас, как и полагается в последнем слове, просил грозного судию простить его и помиловать:

– *«...За грех, который мы совершили пред Тобою по принуждению или по своей воле;
И за грех, который мы совершили пред Тобою по черствости сердца;
И за грех, который мы совершили пред Тобою дурным словом;
За грех, который мы совершили пред Тобою распутством;
За грех, который мы совершили пред Тобою лицемерием и обманом ближнего;
За грех, который мы совершили пред Тобою в беспутном сборище нечестивых;
И за грех, который мы совершили пред Тобою лживым раскаянием;
За грех, который мы совершили пред Тобою неуважением к родителям и наставникам;
За грех, который мы совершили пред Тобою насилием;
За грех, который мы совершили пред Тобою сквернословием или злословием;*

*За грех, который мы совершили пред Тобою дурным побуждением;
И за все это, Господи, прости нас, извини нас, искупи нас...»*

Моньке было тяжело стоять так долго – остро болели искалеченные в детстве ноги. Он привык перемогаться, он считал боль неперемнной частью жизни и никогда ей не подчинялся. С того зимнего черного утра, не рассвета, а серого мрачного сбева ночи, сорок лет назад в Одессе, когда в их квартиру – две проходные хибары – в самом сердце Молдаванки, на Мясо-едовской улице, стали ломиться менты. Собственно, они сначала не ломились, а звонили, стучали кулаками в дверь и кричали его отцу:

– Семен! Открой дверь, мы знаем, что ты, падла, дома...

– «...*И за грех, который мы совершили пред Тобою мздоимством;
За грех, который мы совершили пред Тобою гордыней и надменностью;
За грех, который мы совершили пред Тобою в делах с ближним;
За грех, который мы совершили пред Тобою злоречием уст;
И за грех, который мы совершили пред Тобою дерзостью.
И за все это, Господи, прости нас, извини нас, искупи нас...»*

...У отца, знаменитого фатового вора Семена Гутермана по кличке Еврей, было сумрачно-затравленное лицо. Он явился домой посреди ночи, не успел сбросить товар – завернутую в большой носовой платок огромную жменю драгоценностей. Колье, перстни, брошки, пылающий радугой бриллиантовый аграф, цепочки, серьги. Давно уже не выпадал Семену такой фарт! Давно, правда, так быстро не приходили менты трясти добро обратно.

Мать, обморочно-бледная, молча показала отцу на раскрытую форточку, безмолвно шевельнулись губы:

– Выкинь!..

Семен Еврей усмехнулся:

– Фира, сердце мое, ты думаешь, что там не стоит взвод вайзосов?

– В унитаз, – шепнула Фира под грохот ударов в дверь.

– На это у них шариков хватит – посмотреть, чем мы какаем, – пожал плечами Семен. – Нет, кажется, на этот раз я попал...

– «...*И за грех, который мы совершили пред Тобою неправедным судом;
За грех, который мы совершили пред Тобою злым умыслом против ближнего;
И за грех, который мы совершили пред Тобою беспричинной ненавистью;
И за грех, который мы совершили пред Тобою упрямством;
За грех, который мы совершили пред Тобою, спеша творить зло;
За грех, который мы совершили пред Тобою ложной клятвой;
За грех, который мы совершили пред тобою присвоением чужого;
И за грех, который мы совершили пред Тобою смятением сердечным.
И за все это, Господи, прости нас, извини нас, искупи нас...»*

...Полуодетый Монька, собиравшийся в школу, вскочил с дивана, на котором все это время сидел парализованно, схватил со стола кулек с брюликами и стал ссыпать их в свои детские школьные ботинки, потом натянул башмаки рывком, с мукой завязал шнурки и скомандовал матери:

– Отпирай мусорам...

Шесть часов шел обыск. Монька сидел на своем незастеленном диване, по команде ментов вставал, переходил в другую комнату, усаживался за стол, его снова сгоняли куда-нибудь, он канючил гугниво:

– Я школу из-за вас прогуливаю... Общайте и отпустите... Конец четверти – меня по немецкому не аттестуют...

Немолодой, серо-небранный мусор сказал, покачав головой:

– На кой тебе, сынок, школа... У тебя дома, считай, академия...

Мент с пыльным от усталости лицом обшарил его карманы, заглянул в портфель, помял пальто пальцами, подтолкнул легонько в спину:

– Ступай...

Моньке в ту пору было одиннадцать лет, но он уже хорошо знал, что такое «наружка», и, опасаясь «хвоста» за собой, пошел, хромая, в школу, и каждое движение причиняло страшную боль. Просидел два урока в школе, пока приятель Перчик не сказал:

– Слушай, у тебя же из ботинка кровь капает...

Как в бреду, в полубезумии ехал на одиннадцатом трамвае на Ланжерон, где жил старый отцовский друган Ларик Клигач. Дошел до его дома, ввалился в квартиру и упал без сознания.

Ступни ног превратились в месиво, и врачам починить их совсем так никогда и не удалось. Ходил хромая, неуверенно, раскачиваясь с боку на бок, как пожилая утка. Потом к нему пришла большая воровская слава и общий авторитет, но пока не получил в двадцать три года воровской венец и имя Моньки Веселого, звали его кое-где колченогим. Правда, всегда за спиной и очень потихоньку.

– *«...И за грехи, за которые мы подлежим побоеванию за непокорность;*

И за грехи, за которые мы подлежим истреблению и бездетности;

И за грехи, за которые мы подлежим умерщвлению от руки Небес;

И за все это, Господи, прости нас, извини нас, искупи нас...»

Монька неспешно сошел с гранитных ступеней парадного входа в синагогу, задумавшись, остановился на тротуаре. Толпа евреев с молитвенниками и златоткаными сумочками для талеса почтительно обтекала его, поздравляла с праздником, благодарила, желала счастья в новом году, заглядывала в глаза и приятно улыбалась добродею и благотворителю – в прошлом месяце Монька пожертвовал в общину миллион шиллингов. Но пожать руку или обнять не довелось никому – четверо телохранителей высекали в плотной людской толчее квадрат неприступности и простора для Моньки, а для себя охраняли свободную дистанцию для рывка, если бы кому-то пришла в голову дурацкая мысль опасно пошалить.

Помощник Паша Васенко, распахнув дверь долгого, как пульмановский вагон, «мерседеса», сделал приглашающее движение ладошкой:

– Поехали, босс, поехали... Делу время, а молитве час...

Монька откинулся на просторном прохладном сиденье, коротко ойкнул – не то вздохнул, не то застонал: покалеченные ступни протяжно и пронзительно выли от боли.

– Поздравляю вас, Эммануил Семеныч, – с большой душевностью, теплотой и искренностью сказал Васенко. – Со светлым и грозным праздником всего прогрессивного иудейства поздравляю вас, дорогой босс! От всего своего необъятного православного сердца, можно сказать...

– Я и не знал, что ты такой религиозный парень, – усмехнулся Монька.

– А то! – возмущенно пожал плечами Васенко. – Сегодня день большой! Проплепал нам Господь своей небесной печаткой судьбу – приговорчик, так сказать, на будущий год. Все там про наши успехи и промахи уже определено...

– Это только евреев касается, – заметил Монька. – Это нам Господь утвердил судьбу на год – погибать или радоваться...

Пашка дурашливо выпучил глаза и сказал тихо, будто секрет доверил:

– Я вам, Эммануил Семеныч, так скажу: давным-давно, на заре человечества, все люди были евреями. Потом многие оставили это занятие. Остались только упертые...

– Слава богу! – засмеялся Монька. – Ты можешь представить себе этот ужас – мир населен одними евреями?

Васенко осторожно заметил:

– Ну, ужас не ужас, но ситуация, конечно, стала бы критической. Пришлось бы вызывать инопланетян – антисемитов.

- Ладно, обойдемся наличными силами. Докладывай, что происходит на территории.
- Есть проблема. Требуется ваше решение в принципе, – сразу посерьезнел Васенко.

У него была гибкая пластика настоящего шпиона – лицедея по профессии и призванию, и он трансформировался в разговоре мгновенно, как вода, занимающая предложенную в этом объеме любую форму. Наверное, он и был хорошим шпионом, раньше, когда служил старшим офицером венской резидентуры Разведупра. А вот гляди ж ты, домой, на родину возвращаться не захотел, при Моньке оказалось служить теплее и сытнее.

– По договоренности с епископом Витбергом мы разместили деньги католической курии Милана в финансирование четырех веселых домов – два в Вене, в Граце и в Инсбруке. Бардаки в оздоровительных комплексах. Телки – наши, привозные из отчизны...

– Зачем ты мне это все мусолишь? – спросил, как сплюнул, Монька. – Я что, не знаю этого?

– Естественно, Эммануил Семеныч! Я для объемной стереоскопичности вопроса... – поднырнул Васенко. – У нас там серьезные потери...

– Как это? – вздыбился Монька.

– Большой наезд. Поляки-бандиты блокируют, варшавская бригада. Их здешняя полиция отмазывает, нашли ходы эти ляхи сраные к нашим бескорыстным колбасникам.

– Не понимаю, – зло мотнул тяжелой башкой Монька. – Ты, ты! Ты не можешь разобраться с шайкой варшавских босяков? Ты говорил с ними?

«Мерседес» с мягким рокочущим гулом шел по брусчатке набережной Дуная. Васенко оглянулся, посмотрел в заднее стекло, оценил, не отстают ли от них машина сопровождения с охраной, потом медленно сказал:

– Нет, конечно, Эммануил Семеныч... С ними говорить нельзя. Они отморозки. Я не хотел, чтобы они знали, кому принадлежат веселые дома. Мы не можем допустить разборки, скандала, газетных воплей – у нас на руках миллионы шиллингов миланских католиков. И они нам еще понадобятся...

– Предложение?

– Их гасить надо. И срочно.

Монька тяжело задышал:

– А разборки? Скандалы? Газетные вопли?

– Мы к этому отношения иметь не будем, – быстро посунулся к нему Васенко. – Чистота – залог здоровья! Из Москвы бригаду вызовем. Четыре человека, чистые документы, транзитные визы, прозрачный багаж – все нужное дадим на месте.

– А ты думаешь, у меня в Москве бюро добрых услуг есть?

– Думаю! – лучисто улыбнулся Васенко. – «Пи Эм Джангиров, Инкорпорейтед». Вы ему только звякните, и он сразу все сделает. У него ведь тоже интерес в этих домах серьезный. А нашему здоровому коллективу в эту историю лучше не вступать...

– Вы не коллектив, а толпа потных пиджаков, – скинул через губу Монька. – Вот времена настали – чтобы уговорить нескольких польских хулиганов, надо через три границы возить капеллу мокрушников.

– А чего удивляться? Капитализм! Рынок! То, что я предлагаю, – безопаснее, значит дешевле. По цене рисков, я имею в виду.

– Хорошо, я подумаю, – кивнул Монька. – Надо найти какое-то другое решение. Я крови не люблю...

– Вам виднее, Эммануил Семеныч, – согласился сразу Васенко. – Вы, Эммануил Семеныч, сидите высоко, глядите далеко.

– Не подначивай...

– Да боже упаси! Вы же смотрящий по Центральной Европе! Резидент, можно сказать! Считай, генерал-лейтенант по-старому! Какие подначки, Эммануил Семеныч? Сплошная субординация! Не велите мочить ляхов – будем думать, как их упрессовать...

– Думай, голова, полковничью папаху куплю. Что еще?

– Позвонил Хэнк Андерсон. Он в Вене.

– Когда приехал? Где он?

– Ничего не говорит, – развел руками Васенко. – Просил передать вам, что он готов к взаимодействию.

– К взаимодействию? – переспросил Монька.

– Именно так. Он ждет вас в десять вечера в отеле «Цум кёниг». В баре.

– Значит, привез все-таки...

23. Нью-Йорк. Стивен Полк. Много неясного...

– Нет, нет, дорогой мистер Лаксман! Обстановка в полицейском управлении не располагает к доверительным разговорам... – сказал Стивен Полк.

– А вы, простите, кто будете? – вежливо поинтересовался Сенька Дрист.

Полк с любопытством рассматривал Дриста – маленькая меховая голова с круглыми черными глазами, воспаленные веки, оттопыренные прозрачные уши, смазанный подбородок в мохнатой плесени небритости. Вылитый детеныш шимпанзе.

– Кем я буду – пока не знаю. А сейчас меня зовут Стивен Полк, я руковожу подразделением С-24 Нью-Йоркского отделения ФБР...

– Елки-моталки! – выпучил красные глаза Сенька. – Это еще что такое?

– Я занимаюсь русской организованной преступностью, – эпически поведал Полк. – Конечно, я мог бы взять вас для беседы к себе в офис на Федерал-плаза. Но боюсь, и там у нас не выйдет душевного разговора...

– Тогда, может, просто разойдемся? – доброжелательно предложил Дрист.

– Э-э, нет, дорогой мой! – покачал головой Полк. – Мы с вами просто так разойтись не можем... Наши судьбы связал ваш безвременно ушедший дружок бандит Витя Лекарь...

– А я-то какое отношение к нему имею? – возмутился детеныш шимпанзе. – Не друзья мы с ним, не соседи, не подельники... У меня от душещипательных разговоров о нем уже вся душа в синяках от вопросов...

– Может быть, может быть, – согласился Полк. – А вы к нему хорошо относились? Уважали его? Боялись? Выполняли какие-то поручения?

– Я? – задумался Дрист.

– Ну не я же! Конечно – вы!

Дрист внимательно смотрел на Полка, юное шимпанзе долго прикидывало, и с лица его не сходило выражение местечкового агрессора: «Я не дам плевать себе в кашу!» Потом предложило:

– Дайте сигарету...

Полк протянул пачку, Дрист вытащил две – одну закурил, другую ловко вставил за оттопыренное ухо. Полк опасался, что сигарета выпадет из этих торчащих в стороны лопухов и Дристу нечего будет курить, ибо этот тип курильщиков отличается устойчивостью вкусов: они курят сигареты одного сорта – чужие.

– Я Витю знаю давно. Но плохо. Я бы, может, и стал с ним дружить, да он ни с кем не дружит... Если по чести сказать, он человек, конечно, выдающийся... Но очень сильно плохой...

– Понятно, – кивнул Полк. – Поэтому мы с вами сейчас пойдем, погуляем и непринужденно поболтаем... Здесь на вашу искренность плохо влияют полицейские стены...

– С чего это вы взяли? – насторожился Дрист.

– С того, что вы морочите голову копам, которым вы «поете». Вы, готов голову заложить, нормальный полицейский «кенарь». Но полицейские, в свою очередь, делают передо мной вид, что вы не имеете к ним отношения...

– А им-то это зачем? – горько усмехнулся Дрист. – Стесняются?

– Нет, они ребята не стеснительные. Но сами пока не знают, как обернется дело... Может быть, им придется вас предьявлять суду как свидетеля, – спокойно объяснял Полк. – А закон гласит – свидетелем не может быть агент-осведомитель по этому делу. Поэтому собирайтесь, и мы пойдем куда-нибудь. В поля, в моря – в общем, на волю. Поговорим о том о сем, познакомимся поближе... И там нас не будут слушать копы, и не увидят нас ваши дружки с Брайтона. Вам ведь это ни к чему?

– Да уж наверное... Только за разговоры с вами мне кирдык могут сделать...

Они спустились в вестибюль – мрачное сооружение храмового типа с громадными мемориальными досками в память погибших полицейских по стенам и с бронзовым рослым идолом посредине, изображающим, надо полагать, бессмертного стража правопорядка. Наверное, тоже погибшего.

Полк предъявил офицерам охраны удостоверение и записал в книге регистрации посетителей, что свидетеля Лаксмана забирает с собой.

На улице Дрист облегченно глубоко вздохнул:

– Епонский бог! Тут у вас, в ментовке, ужасное атмосферное давление... Уши болят...

– Кислородную маску хочешь? – вежливо спросил Полк.

– Лучше бы пожрать чего-нибудь...

Не спеша они спустились к Бруклинскому мосту, прошли под эстакадой, вышли к Семнадцатому причалу – живописно-просторной развлекательной площадке. Здесь были ошвартованы большие океанские парусники – самые настоящие, только никогда и никуда не плавающие. Ностальгический аттракцион – памятник ушедшим временам, развеселым разбойным романтическим походам пиратов. Полк подумал, что через век современный бандитизм тоже будет выглядеть романтично.

Они уселись в кафе «Збарро» напротив клипера «Йорктаун». Суетливая команда киношников снимала там какой-то клип. Вокруг сновала, ротозейничала, веселилась праздная толпа, сверкали вспышки фотоаппаратов в руках бесчисленных туристов, большинство из которых все-таки составляли разновозрастные японки на своих коротеньких извилистых ножках. Прозрачная туманная дымка стелилась над заливом, в голубовато-серой глубине была ясно видна на Эллис-айленде позеленевшая от старости леди Либерти. Не верилось, что в такой светлый солнечный бездельный день кто-то кого-то убивает, грабит, травит, рвет из пасти зубы.

Полк велел официанту принести две большие неаполитанские пиццы и пива.

Тогда Дрист осторожно спросил:

– На кой хрен я вам сдался? Я ничего не знаю... А знал бы, не сказал...

– А удовольствие от общения? – засмеялся Полк.

Рядом с ними – за огромным витринным стеклом кафе – толстопузый усатый пекарь на мраморном столе готовил тесто для пиццы. Это было завораживающее зрелище: кусок теста размером с футбольный мяч он бросал в воздух, тестяной пузырь с тугим тяжелым шлепком падал на каменную плиту, превращаясь в здоровый каравай. Тогда пекарь принимался лупить его кулаками всмятку, пока мяч не превращался в тощую длинную подушку, а истязатель, шевеля хищно усами, складывал ее в несколько раз и обрушивал серию ударов ребром ладони – Чак Норрис умер бы от зависти! Потом пекарь отрывал кусок избитого до беспомысленности теста, сминал в цилиндр и принимался раскручивать его в воздухе, и белоснежный сдобный ремень будто вырастал из его ладони, превращаясь в лассо, неотвратимую гастрономическую петлю, миновать которой не сможет никто, увидев, как это вершится.

– Я ведь не собираюсь разрушать вашу местечковую омерту, – сказал Полк. – Раз ты дал страшную клятву молчания – это святое! Я искушать тебя не стану. А прояснить кое-какие вопросы тебе придется.

– И что вам от этой ясности? – ощерился Дрист. – Это как в той истории о еврее, подавшем на паперти слепому кусок мацы. Тот ощупал дырчатый тонкий кусок мацы и грустно сказал: слова замечательные, но много неясного...

Полк ухмыльнулся:

– Молодец, Лаксман! Главное, что смысл замечательный. Ты знаешь, что в России называют «крышей»?

– А то!

– Вот и прекрасно! Тебе повезло, что ты встретился со мной...

На лице шимпанзе было написано сомнение в таком неслыханном везении. Но официант принес огнедышащие пиццы и зеленые сталагмитики «Хейнекен», которые дымились ледяным паром. Дрист сразу же откусил ломтище, залил раскаленное месиво сыра, овощей и теста протяжным глотком холодного пива и кивал непрерывно головой при этом – да! да! да! – мне очень повезло встретиться с пиццей и пивом, и вежливым федом в придачу, в погожий солнечный день на Семнадцатом причале.

Заглотив наконец невломенный кус, Дрист деликатно рыгнул, прикрывая щербатый рот ладошкой, и проникновенно сказал:

– Уважаемый гражданин начальник из ФБР! Или из ФСБ! Или из ЦРУ! Или какой-нибудь еще бейсашхиты!³ Спасибо за доброту и вкусный завтрак! Но мне «крыша» – силовое прикрытие – совершенно без надобности... Я человек маленький, безвредный – вон как эти животные!.. – Дрист показал на белоснежных чаек, подбирающих на настиле корки хлеба. – Ведь они тоже вроде эмигрантов. Им надо над морем реять, а они тут ходят подбираются. Животное, а ума хватает – черт с ним, с морем, на берегу сытнее. Вот и я – если кто там чего бросил ненужное, я подобрать могу. А чтобы самому взять, без спроса, значит, то есть спереть, или, не дай бог, силой отнять – это никогда в жизни! Да ни за что!

Полк засмеялся:

– Ай-яй-яй, Лаксман! Вы легкомысленно отталкиваете протянутую вам руку дружбы и сотрудничества... Я ведь вас не вербую, мне такие агенты не нужны...

– А чего вы делаете? Приглашаете в Ротари-клуб? – уставился на него Дрист своими круглыми глазками ученой обезьяны.

– У вас, Лаксман, мания величия... Я из-за такого агента, как вы, могу в два счета со службы вылететь! Нет, в агенты я вас не возьму. – Полк снова засмеялся и с удовольствием выпил бокал прохладного пива.

Дрист подумал, что люди здесь в ментовке, вообще-то, неплохие. И вежливые, конечно. Но недалекие.

Мятый, грязный Дрист, будто ночевавший на помойке, горестно покачал рыжеватой меховой головой:

– Это ваше дело! Но если вы намекаете на интимные отношения, то я вас предупреждаю – я завзятый твердый гетеросексуал...

Полк, похожий на хлыщеватого парня с рекламы Ральфа Лорена, искренне захохотал:

– Ну и ну! Не грубите мне, Лаксман, иначе я вас очень строго накажу...

– Что же вы предлагаете? – осторожно спросил Дрист.

– Прикрыть вас от моих коллег – копов. И от ваших дружков – гангстеров... Мне кажется, что у вас дела – швах...

– А шо такое? – прикинулся дурачком Дрист.

– Мне кажется, скоро здесь будет такая свалка, что вам уж точно не сносить головы...

Полк понял, что напугал Дриста, – тот занервничал так, что забылся и вытащил собственную сигарету из пачки в кармане. Сигареты той марки, что никогда не вынимают наружу, их достают в кармане, и от этого у них такой же вид, как у хозяина, – жалобный, тертый, пользованный.

Дрист оправился, поморгал красными веками, вздохнул:

– Боюсь, что вы меня не за того принимаете...

– Не пугайте меня, Лаксман! Неужели я обознался? По-моему, я принимаю вас именно за того... Милого общительного джентльмена, нацеленного у кого-то всегда что-то съесть, выпить, попросить, получить, взять без отдачи... У ваших земляков это называется «прожить на дурыку»... Но ваш ресурс исчерпан. Кроме меня, вам больше никто ничего не даст...

---

³ Бейсашхита (др.-евр.) – бойня.

– А что вы мне дадите? Дырку от бублика?

– Я вам дам возможность слинять потихоньку... Пока пыль уляжется...

– Верится с трудом...

– Знаете, Лаксман, когда я учился в академии ФБР в Куантико, мне повторили тысячу раз первую заповедь оперативника: допрашиваемого надо убедить, что информация не пойдет ему во вред...

– Как же вы меня можете в этом убедить? – с сомнением прищурил Дрист круглые глаза примата.

– Как? – удивился Полк. – Да очень просто! Если бы я хотел вам зла, я бы сейчас отвел вас обратно в полицейское управление, оформил задержание и отправил в тюрьму...

– За что? – от души возмутился Дрист, на всякий случай обтирая корочкой пиццы тарелку – неизвестно, как и когда закончится их душевный разговор.

Полк пожал плечами:

– Я велел подослать мне из Службы эмиграции ваше личное дело. Прочитал с интересом и уважением к вам. Там сказано, что вы дважды сидели в СССР по политическим мотивам... За это вам в восьмидесятом году, перед Олимпиадой, без разговоров дали въезд как политическому беженцу...

– Ну?..

– Какое тут может быть «ну»? Я знаю множество русских, которые, готовясь к эмиграции в США, подготовили себе легенду не хуже профессиональных шпионов. И повторяют ее столько раз, что в конце концов сами верят в нее. И очень обижаются, когда им говорят, что вся их биография – сплошной «булшит»...

– Какое же бычачье дерьмо вы нашли в моей трагической жизни? – горестно спросил Дрист.

– Я еще ничего не искал. Но знаю заранее, что вы грубо обманули американские эмиграционные власти. Вы такой же диссидент, как я любавичский ребе...

Дрист гордо воздел ввысь стесанный подбородок:

– Этими словами вы меня ударили прямо в сердце, как кинжальным ножом... Вы хотите сказать, что я не идейный эмигрант, а экономический переселенец?

Полк похлопал его по плечу:

– Не морочьте мне голову, Лаксман. Вы не очень похожи на академика Сахарова. Но если хотите, я запрошу Москву прямо сегодня, и через пару дней у меня на руках будут приговоры по вашим делам. А там – эмиграционный суд, и прошу пожаловать в аэропорт Кеннеди – на депортацию... Вы хотите на родину?

– Ага! Моя родина – на другом глобусе...

– Ну и прекрасно! – кивнул Полк. – Поэтому соберитесь и внятно ответьте мне на некоторые вопросы. Например, Эмма Драпкина была в курсе дел Лекаря?

Дрист удивился:

– Эмма? Тушка у нее, конечно, ничего, хорошо бы отодрать до костей... Но к делам ее Витя навряд привлекал. Нужды не было...

– А что связывало Лекаря с Бастаняном?

Дрист откинулся на спинку, задумчиво ковырял во рту зубочисткой. Медленно спросил:

– Вы знаете, что у вас в полиции «течь»? Там «капает» информация...

Полк вздохнул:

– Я это уверенно предполагаю. Поэтому и хотел поговорить на стороне. Все, что скажете, останется только у меня...

Дрист, отвернувшись, глядя на серую, взморщенную ветром воду залива, глухо сказал:

– Бастанян гоняет через себя ворованный антик и очень дорогие полотна... Витя на подхвате был... Я всегда думал, что когда-нибудь он обязательно пришьет Левона...

– Почему?

– Бастанян очень неплохой мужик, нормальный... А Витя... Дайте сигарету...

Полк протянул пачку, чиркнул зажигалкой, Дрист глубоко затянулся.

– Наш праотец Иаков одного из двенадцати своих сыновей назвал Гадом. Колено его рас-
сеялось в веках... – Дрист с ненавистью сказал: – Но не без следа – полно его детишек распло-
дилось на земле. А Витя и был его самым прямым потомком – такого Гада свет не видел!..

Дрист говорил долго.

Потом Полк достал сотенную купюру и протянул ему:

– Пишите расписку... Да берите! Вы же мне раз пять сегодня повторили, что деньги не
пахнут...

– Ага! – угрюмо кивнул Дрист. – Они не пахнут, когда их нет...

24. Москва. Ордынцев. «Дивизион»

Когда я вошел в кабинет аналитика Константина Константиновича Кузьмичева, именуемого в миру К. К. К., а нами для простоты и краткости нареченного Куклукскланом, крутил он по-черному Василия Даниловича Прусика, агента под псевдонимом Гобейко.

– Да откуда мне знать ее фамилию? – отбивался Гобейко. – Проститутка, и все тут! А на вид – помесь китайца черт знает с чем!..

Аккуратненький, чисто выбритый Куклуксклан, ровно причесанный, в турецком костюмчике незаметного цвета, был бесконечно вежлив и терпелив.

– Василий Данилович, в пункте пятом рекомендации по деловому взаимодействию сказано ясно: не спорь по мелочам, мелочи не должны заслонять главного! Вспоминайте быстро – где, когда, при каких обстоятельствах вы видели милую молодую женщину, которую вы зовете Китайкой... – И защелкал клавишами компьютера.

– С неделю тому назад... – гнусил Гобейко, и вид у него был вполне эндокринологический – воспаленный жилистый загривок и глаза-падалицы, выпертые наружу сумасшедшим напором адреналина.

К. К. К. обернулся ко мне и сообщил удовлетворенно:

– Командир Ордынцев, могу вас заверить, что наше сотрудничество с гражданином Прусиком развивается вполне плодотворно. Он знает массу всякого интересного. Но он застенчив, и мне приходится втолковывать ему непрерывно смысл параграфа второго наставления по социальному успеху: будь активен, энергичен, инициативен, не бойся эксперимента!

– Давайте, давайте, Василий Данилыч! Пора расковаться и отбросить застенчивость, – предложил я. – А то сейчас придет специалист из автосервиса Кит Моржовый и разберет вас на части, как давеча «хонду»...

– Итак, Василий Данилович, мы остановились на том, что вы видели Китайку на прошлой неделе, – возвратился к компьютеру Куклуксклан.

Я спросил его:

– А где Ростова?

– Я ее погнал в картотеку. Скоро будет, жду с минуты на минуту...

– Костя, как только закончишь, зайдите ко мне...

Куклуксклан кивнул и снова вцепился в Гобейку:

– Давайте, Василий Данилович, напрягайте мозги, думайте, вспоминайте...

Его привел год назад Гордон Марк Александрович, сказав мне загадочно:

– Парень он, конечно, немного сумасшедший, но с явными приметами гения...

Я долго не мог взять в толк, чем гений будет заниматься у нас. До этого он работал в нашем министерском Научном центре проблем управления, где был инспектором в отделе с замечательным названием – «Моделирование социальных процессов в сфере управления охраны правопорядка».

Я спросил его тогда:

– А зачем мы тебе? Работенка у тебя сейчас непыльная, можно сказать – научная...

– Она не научная, она – мифотворческая, – сказал К. К. К. и пояснил: – Науку интересуют только факты, а ничего так не бесит начальство, как неприятные факты. Я решил плюнуть и воспользоваться указанием великого американского менеджера Ли Айякокка – «всегда стремись к тому, чтобы ясно видеть общую цель, групповую задачу и личную перспективу»...

– А какая у нас тут перспектива для тебя? – усмехнулся я.

– У вас тут интересно. Я всю жизнь стараюсь заниматься только тем, что мне интересно. Думаю, что кой-какие компьютерные идейки у вас тут можно применить с полным блеском...

– Занятно, – покачал я головой и поинтересовался: – А что ты умеешь? Что знаешь?

К. К. К. пожал плечами:

– Что умею? Ну, наверное, умею думать. А знаю все. Или почти все...

Я захохотал:

– Ну и наглец! Ничего нет опаснее в любой конторе, чем прослыть всезнайкой.

– Я в курсе... Но Марк Александрович предупредил меня, чтобы я говорил с вами откровенно.

Я взял со стола какую-то пеструю газету – на задней обложке был напечатан громадный суперкроссворд.

– Так... Сейчас проверим... Вот... Как называется гибкая проволока, которой заматывают пробку на бутылке шампанского? Пять букв...

– Мюзле, – мгновенно ответил К. К. К. – Стандартная длина мюзле пятьдесят два сантиметра. Это длина проволоки, которую выдернула из своего корсажа Жозефина Клико, чтобы закрутить пробку своего сорта шампанского «Вдова Клико»...

– В кроссворде об этом не спрашивают, – опасливо заметил я.

Мне это показалось забавным, и я ради смеха задал еще вопрос из кроссворда:

– Какова скорость света?

– В газовой среде? – откликнулся К. К. К.

– Черт его знает! А что, различается?

– Различается! Скорость света в вакууме – двести девяносто девять миллионов семьсот девяносто две тысячи четыреста шестьдесят пять метров в секунду...

– Может быть, – неуверенно сказал я и понял, почему не любят всезнаек: все не любят проигрывать.

Любчик, прислушивающийся к нашему разговору, подскочил к К. К. К. и, протягивая на ладони коробок спичек, спросил:

– Как мент определяет, есть в коробке спички или нет?

К. К. К. удивленно посмотрел на него.

– То-то! – заликовал Любчик. – Смотри...

Он осторожно поднес коробок к уху и ожесточенно затряс головой:

– Гремит! Всё в порядке...

– Слушай, а ты в «Что? Где? Когда?» не играешь? – спросил я.

– Неинтересно, – махнул рукой К. К. К., и я ему сразу поверил. Мне показалось, что он не хочет играть в викторины, придуманные для него другими...

Через полчаса – я не успел все необходимые звонки сделать – появились Мила Ростова и Куклуксклан.

– Сергей Петрович, есть мнение, что нам с Ростовой удалось вычислить эту разбитную деваху, которую Гобейко-Прусик называет Китайкой, – довольно потирая лапы, сказал К. К. К.

– Не скромничай, Куклуксклан, – засмеялась Мила. – «Нам с Ростовой...» Мы пахали – называется. Я ему только ассистировала, как знаток проститутского мира. После выхода на пенсию К. К. К. рекомендует мне написать «Яму-2»...

К. К. К. разложил на моем столе компьютерную распечатку.

– Мы думаем, что девицу, которую Гобейко называет Китайкой, зовут Надежда Улочкина, по прозвищу Тойоточка...

– А почему Тойоточка?

– Сладкая девочка, – засмеялась Мила. – У нее в Москве у первой из всех «центровых» девок была «тойота». Из дальневосточного завода, с правым рулем. Она тогда повсюду орала: «Наше дело правое, ходим только „налево“...»

25. Москва. Джангиров. Встреча

Джангиров рассмотрел осадистую тяжелую фигуру начальника тюрьмы, как только крутящаяся лопасть двери вышвырнула того из сумрака вестибюля в душное парево улицы. Потапов шел загребущей развалистой походкой разбойника. Озираясь в поисках Джангирова, он по-волчьи не ворочал головой, а медленно поворачивался всем корпусом.

Джангиров сухо кинул через губу Швецу: «Быстро в джип!» – поднял стекло и плавно тронулся из ряда утомительно однообразных черных машин. Подъехал вплотную к Потапову, который не мог его разглядеть за тонированным фоном темно-синих окон. Притормозил, и Потапов с удивительной проворностью для такого тяжелого корпуса прыгнул на переднее сиденье. Джангиров хлопнул сухой обезьяньей ладошкой по мясной ляжке Потапова, весело спросил:

– Ну, Иван, колись, каких свежих тайн накопал?

Потапов рассудительно сказал:

– Петр, ты ведь, чай, не маленький, должен знать, что тайн свежих не бывает. Свежая тайна – это сплетня. Тайна, чтобы она чего-нибудь стоила, должна быть старая...

– Резонно, – заметил Джангиров, усмехаясь потихоньку как бы про себя. – Хотя знаешь, Иван, я понял недавно, что тайны, как коньяк, не должны быть слишком старыми. Они умирают от возраста... Ладно, поехали ко мне обедать...

Потапов помотал головой:

– Не могу, Петро! Хотел бы в рай, да грехи мои тюремные не пускают – на работу надо... Ты меня отвези на мое хозяйство, успеем поговорить.

Джангиров повернул на Якиманку и погнал в центр – мимо расписных теремов французского посольства, кирпичного сундука «Президент-отеля», памятника Георгию Димитрову, тяжело задумавшемуся на развилке с Полянкой: а стоило ли вообще из-за всего этого поджигать рейхстаг? Время от времени Джангиров поглядывал искоса в зеркало заднего вида, проверяя сопровождение. Джип «труппер» ехал впритык, не отставая, но и не сокращая расстояния больше чем в полтора-два метра.

– Итак, Петро, хочу тебя предупредить, пока моя тайна не умерла от старости, – хмуро сказал Потапов. – До конца этой недели я обязан казнить Ахата этого самого, брата твоего Психа...

Сообщил, как гирю в воду бросил, и замолчал. Достал из кармана сигареты «Столичные», закурил, сопя, с пыхтением отдуваясь, как паровоз на сортировке.

Джангиров поморщился от разящей вони сигареты, спросил недовольно:

– Слушай, Иван, тебе что, заработки не позволяют курить нормальные сигареты? Скажи только, подкину блок «Мальборо».

Потапов медленно разъял свои жвалы:

– Зарботки позволяют, положение не велит. Люди, которым доверяют исполнение смертной казни, должны курить сигареты по своим скромным деньжатам...

– Чтобы злее были?

– Чтобы не подумал кто, будто я людей отсюда на тот свет выбрасываю за свою хорошую житышку...

– Ну да, – подтвердил готовно Джангиров. – Ты-то это делаешь из простого чувства долга.

– А то? – удивился Потапов. – Конечно! Это моя работа.

– Когда пришел отказ в помиловании? – спросил Джангиров.

– Вчера, вечерней фельдпочтой... – Потапов глухо закашлялся.

– Что можно сделать сейчас?

– Молиться, – посоветовал Потапов. – За упокой его грешной души.

– Пока рано, – тряхнул головой Джангиров. – Думай, Иван, думай, что можно сделать. Побег?

– Это можно, – кивнул солидно Потапов. – Если я тебе больше не нужен на моем месте... Коли не планируешь, что кого-то еще из твоих ко мне в острог подбросят, то давай! Ему – побег, мне – по жопе и на пенсию.

– Так что же делать? – нервно спросил Джангиров. – Не сработали мы с тобой, большие будут неприятности.

– Не мы, а ты, – рассудительно сказал Потапов. – Ты не сработал! Чтобы в наши-то прекрасные времена не найти концов в суде, прокуратуре, у психиатров!.. Да хотя бы в этой придурочной комиссии по помилованиям... Они, кажись, только людоеду Чикатиле в прощении отказали.

– О чем ты говоришь! – махнул рукой Джангир. – Этот кретин Ахат, отморозок долбанный, трех милиционеров на глазах у толпы завалил. Какие тут концы?

– Знаю, читал я его дело, – кивнул Потапов.

Ехали споро, молча, Джангиров лихорадочно соображал, а Потапов курил свою вонючую сигарету, еле заметно улыбаясь, рассматривал с удовольствием Кремль, и Джангиров готов был поклясться, что его спутник чисто профессионально прикидывает: вместятся ли в случае чего все обитатели из-за высоких кирпичных стен в его хозяйство? И вздыхал огорченно – нет, все-таки по традиции часть придется уступить Матросской Тишине.

Потапов неспешно сказал:

– Ты человек хитрый, мудреный, на верхах летаешь. Тебе советы тюремного опорка не нужны. Но я бы, если ты меня спросишь, сказал тебе пару мыслишек...

Джангиров резко повернулся к нему:

– Не выламывайся! Говори!

– То, на что ты меня толкаешь с этим ненормальным идиотом, делают только в двух случаях... К примеру – родная кровь ревмя ревет от боли и страха... Или если студеная вода беды под горлышко подкатывает...

Потапов выкинул зловонящий окуроч в окно и замолчал.

– Ну? – требовательно подогнал его Джангиров.

– Баранки гну! У тебя ни того ни другого с этими уродами не наблюдается. Родня он тебе – десятая вода на киселе, а дела они тебе делали вспомогательные. По-своему, если его не будет, прости меня господи, тебе же самому лучше. И бьешься ты потому, что тебе, по законам гор, нужно показать всем, будто ты для спасения племяша-единокровца сделал все возможное. Так ты это показал уже! Я тебе даже могу подсобить, чтобы ты еще больше показал. А сверх, Петь, ничего нельзя сделать. А всей твоей нагорной кавказской мешпохе есть всегда хорошее объяснение: Потапов – сука, тюремный скот в сапогах, не смог, гад, и не захотел сделать, и нет, мол, на него никакой управы...

Джангиров пожал плечами:

– Что значит нет никакой управы? На всех есть управа.

– А на меня управы нет, – шевельнул в ухмылке глиняные губы Потапов. – Меня можно только убить... Так это никому не выгодно... А ссориться со мной глупо, как с хирургом перед операцией. Все ко мне попадут! Знаешь, кто не был – тот побудет, а кто был – не позабудет...

– Что же ты предлагаешь? – спросил Джангир.

– Не суетиться. Не надо дергаться. К концу недели мы твоего сумасшедшего в установленном законом порядке кончим...

Джангиров заметно дернулся, а Потапов успокаивающе положил ему руку на плечо:

– Да брось ты, Петро! Мы ведь не дитятки малые. Все когда-то помрем... Расстрел – это быстро и не больно совсем...

– Не больно, мать твою! – взвыл Джангиров. – Ты что, пробовал?

– Пробовал, – спокойно заверил Потапов. – Других пробовал... А ты сможешь выполнить перед сородичами и подельниками свои обязательства...

– Каким образом? – поинтересовался Джангиров.

– Честью джигита! Отстоишь! Тут такое дело – до исполнения приговора я ничего не смогу сделать. Сто глаз вокруг за каждым моим шагом следят. А после исполнения, когда мы его в крематорий повезем, – вот это только один наряд знает, кого они везут. Тебе же нужно традицию поддержать, себя проявить и понт национальный дожать – надо джигиту могилу иметь! Чтобы положить бойца в землю честь по чести, чтобы потом родным косточкам поклониться можно было. Правильно я понимаю?

Джангиров осторожно кивнул:

– Правильно.

– Вот я и сообщу тебе час, когда в крематорий отправят спецнарядом тело казненного Ахата... Для переработки его, так сказать, в прах и пепел. Вот там, в крематории, вы легко договоритесь заменить твоего родича на любого другого жмурика. Все будут более или менее довольны. Тебя устраивает такой вариант? – спросил равнодушно-спокойно Потапов.

Джангиров долго молчал, потом сказал – через зубы цыкнул:

– Устраивает. Раз ты говоришь, что не больно...

26. Флорида. Хэнк. Возвращение к жизни

У Эда Менендеса в машине была армейская рация. В руках он держал микрофон, а также: толстую сигару, четки, раскупоренную бутылку белого рома «Баккарди» и запасную обойму к винтовке М-16, которая успокаивающе покачивалась на ремне между сиденьями. До руля руки, похоже, не доходили. Но ехали быстро.

Хэнк, по неискоренимой привычке пилотов следить за курсом, чувствовал в крошечной тьме: они двигаются на северо-северо-запад. В Эверглейдские болота? Места не только непроезжие – непроходимые. Топи, джунгли, крокодилы.

Эд орал в микрофон что-то по-испански, отрывисто, властно, уточнял – будто на цель наводил.

– Си, сеньор!.. Си!.. – кричал он таким тоном, что было ясно: сеньор – это он, Эд Менендес, а остальные – просто си с бемолем.

Потом дорога нырнула в небольшую лужу, размером с Мексиканский залив, и машина стала. На другом берегу океанической лужи мелькал, коротко вспыхивал, быстро моргал, гаснул сдвоенный красно-зеленый огонь.

– Нон, сеньор! – рявкнул Эд в микрофон, повернулся к Хэнку, сделал хороший глоток из горлышка, протянул ему бутылку и сообщил: – Возьми, дерни... Мы приехали...

– А где же тут жить? – удивился Хэнк.

Эд захохотал:

– Рано на ночлег устраиваешься... Дорога только начинается...

Эд открыл дверцу, и в салон хлынула вода. Ухватил за ложе винтовку, поднял над головой – капризная «дура».

– Все, полезай наружу... – велел он Хэнку и спрыгнул по пояс в воду. Хэнк следом провалился в теплую густую жижу и, держась края лужи, побрел за Эдом на свет пульсирующего фонаря.

Сивый от старости мексиканец, заросший бородой до глаз – совершенный леший, – вынырнул из мокрой мглы им навстречу неожиданно, пригасил пульс-фару, поклонился Эду и поцеловал его в плечо. На Хэнка не обратил внимания.

По кособокому прошли полмили, фонарь старик не зажигал, шагал уверенно. Хэнк по струйному шуму впереди понял: река. Или проточный канал.

Старик нажал кнопку и желтым острым лучом мазнул, как мачете, вырубил из тьмы светлый коридор – к дереву на окраине суши был привязан большой катер. Вскрабкались на борт, леший оказался и водяным – сел на кормовую банку за румпель, дернул шнур магнето, забился, мягко затарахтел движок, и с плеском, шелестом, легким шипением лодка вспорола течение.

А Эд заголосил песню «А дондира эса баркито»... С неожиданным припевом: «Ай-й-й-ай-ай!..»

Перед рассветом пришли в какое-то странное становище – три хижины на высоких сваях стояли прямо над водой. В одном окне теплится багровый отсвет очага, на нижней площадке стояла огромная молодая женщина – в ней было больше шести футов роста. Она смеялась и разговаривала с Эдом по-испански, потом подхватила Хэнка под мышки и легко вынула из катера, прижала к себе – тело ее было упруго и мягко, она пахла рекой и травой. На руках, как младенца, перенесла в дом, уложила на дубовую лавку, быстрыми сильными руками сорвала с него мокрую, грязную одежду и все время смеялась и приговаривала: «Не стесняйся, мой маленький мальчик... сейчас я тебя помою и уложу с собой... тебе надо отдыхать...»

И цвета она была, и вкуса как теплый черный сладкий кофе, чуть разведенный сливками, и только белки глаз и зубы мерцали отблесками углей, и, уткнувшись в ее круглые твердые

грудь – две спелые дыньки-канталупы, Хэнк закрыл глаза, и она объяла его, как Праматерь Ночь.

Наверное, это ее звали ураган «Лиззи».

Но наверняка этого Хэнк не узнал никогда – когда Эд утром разбудил его, полыхало уже во все небо душное флоридское солнце, на голубом своде не было ни облачка и урагана след простыл.

Старик-лесовик, лохматый джанглер, поднял их на катере вверх по реке на пару миль, они вылезли на сухой берег, и дед сказал Эду:

– Грасио, сеньор...

А тот великодушно кивнул:

– Си, сеньор...

За это древний латинос поцеловал Эда в плечо, а тот похлопал его по спине.

Перешли плешивый лесок и вышли неожиданно на дорогу – заброшенное, разбитое, рас- трескавшееся серое шоссе.

– Тут никто не ездит, – разочарованно покачал головой Хэнк.

– Не скажи... – засмеялся Эд. – Джунгли – штука неожиданная...

Они уселись на поваленное дерево, закурили, Эд достал из мешка бутылку рома.

– Посидим, пошутим, перекурим, дернем по маленькой... – веселился Эд. – А там, гля- дишь, какая-нибудь шальная попутка и объявится...

Хэнку показалось, что он слышит в небе знакомый треск. Поднял голову и увидел, как из-за леса планирует прямо на дорогу старый «бичкрафт». Истрепанная машина дымила, как пожилая молотилка, но заходила на посадку жестко. Без разворота – по прямой – зависла над узкой выщербленной асфальтовой дорогой, резко коснулась земли, подпрыгнула, визжа тор- мозами, прокатила ярдов двести и лихо крутанула на месте в обратную сторону.

Винты остановились, из кабины вылез пилот и, прихрамывая, направился к ним. На ходу стянул кепку-бейсболку с прикрепленными к ней резинкой солнечными очками.

– Кейвмен!.. – ахнул Хэнк. – Ты откуда?..

Кевин Хиши пожал плечами:

– Этот вопрос задают себе все оперативные службы ФБР... Ладно, времени потолковать у нас теперь навалом.

Потом повернулся к Эду Менендесу, обнял за плечи.

– Спасибо, брат... Возвращайся домой, а мы полетим ко мне... С богом...

– А выпить? – завопил в гнев Эд, потрясая своей початой бутылкой рома.

– В следующий раз... – решительно пресек пререкания в строю Кейвмен. – И тебе не стоит оставлять надолго свою прачечную без присмотра... Мы с тобой свяжемся – как пыль уляжется... Я скажу своим ребятам, они тебя доставят ко мне на Бастион...

27. Москва. Майор Швец

Швец сильно нервничал. Никаких вестей из Нью-Йорка не поступало, и все телефоны, куда звонил Швец, мертво не отвечали. И курьер с чемоданом золота исчез бесследно.

И ощущал себя от этого Швец сильно вздрюченно. Дело в том, что переправка в Америку партии зубов была в чистом виде служебной «самочинкой» – Джангиров ничего не знал об этом, поскольку еще полгода назад строго запретил пользоваться этим каналом. Наверное, имел в этом какой-то расчет, потому что на все уговоры Швец твердо сказал:

– Конец! Мы эту деятельность там сворачиваем...

– Шеф! Окстись! Там же у нас все схвачено!.. – горячился Швец.

– Ага! – криво ухмыльнулся Джангиров. – Похоже, ты уверен, что у тебя и бог за бороду схвачен. Короче, нельзя!..

Джангиров был единственный человек на земле, которого уважал и боялся Швец.

А все-таки послушался. Жадный соблазн одолел – партия зубов заторчала, и «окно» на таможне было в этот день открыто – дежурил купленный до кишечника инспектор Зозулин, и идиот, пригодный для роли мула-перевозчика, под рукой болтался без толку...

Не удержался Швец, рискнул. Мул улетел с чемоданом зубов на прошлой неделе. И наступила тишина. Сулящая большие потери и неприятности.

А главное, надо это все как-то объяснить Джангирову. Молчать нельзя.

Или повременить пока?..

...Майор Швец слыл фигурой легендарной. Его широкая известность в очень узких кругах восходила к давним временам бурно цветущего застоя. В те поры он, молодой, перспективный на выдвижение, лихой начальник ОБХСС Дзержинского района, неожиданно загремел в тюрьму по прокурорско-следственному делу, когда КГБ сделал разработку на полторы сотни бойцов правопорядка и разразился один из громких скандалов в правоохранительной системе. Майора Швец взяли прямо в его служебном кабинете, быстро оформили задержание и меру пресечения в виде содержания под стражей и кинули на нары в Бутырскую тюрьму.

Следствие длилось около года, и в течение всего этого времени, когда коллеги Швец – прокуроры, начальники отделов, следователи по особо важным делам – в слезах и соплях кололись до исподнего, рассказывая о всех своих делишках, махинациях и взятках, Швец один стоял нерушимым бастионом честности и справедливости, утверждая, что все показания на него являются ложью, страшным наветом и грязной клеветой, а все улики сфальсифицированы. В полной несознанке и ушел в суд.

Во время трехмесячного процесса Швец так и остался единственным, не признавшим за собой ни одного эпизода в нарушении социалистической законности и Уголовного кодекса. Несмотря на это, суд впаял ему тринадцать лет и отправил в Пермскую колонию, так называемую ментовскую, для особого контингента.

Швец прибыл к месту своего перевоспитания в понедельник. А понедельники он любил – все его большие дела начинались в понедельник. Вот и подал он в этот светлый понедельник по команде жалобу, которая выглядела довольно оригинально: «Его высокопревосходительству, Генеральному секретарю ООН господину Пересу де Куэльяру от начальника ОБХСС Дзержинского района города Москвы майора милиции Швец Николая Степановича. Жалоба». И дальше он обращался к Куэльяру с подробным изложением клеветнических нападок и несправедливости социалистической Фемиды – с просьбой вмешаться.

На другой день Швец написал жалобу председателю Президиума Верховного Совета Подгорному. На третий день – Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу. К концу недели – предсовмину Косыгину.

И так каждый день он обращался во все советские, международные, государственные, общественные и правозащитные инстанции с горестными, горячими воплями о совершенной в отношении его несправедливости. Это длилось года полтора, пока полностью не утих шум от прогремевшего процесса, с одной стороны. С другой стороны, большинство осужденных борцов за социалистическую законность, прибыв к месту отбытия наказания, посоветовались со старожилками, поняли, какими они были идиотами, расколовшись и поверив в то, что чистосердечное признание облегчит их участь, и написали многие отказные заявления о своих признательных показаниях.

Шквал жалоб, которые обращал в начальствующие инстанции Швец, видимо, по диалектическому закону перехода количества в качество однажды сработал, и дело затребовали для ревизии. Как во всяком крупном заказном деле, там было много разного рода процессуальных недоработок, и Швеца, чтобы прояснить ситуацию, этапировали в Москву для доследования отдельных эпизодов.

Швец по межлагерной связи сумел перетолковать со многими из подельщиков, которые валили его на следствии и процессе. Теперь он с полным основанием мог орать, что эти люди дали показания под незаконным давлением следствия. Некоторых вызвали в Москву для дополнительного расследования, часть не смогли доставить по самым разным причинам: от сложностей этапирования по болезни до прямого нежелания участвовать в суде. Во всяком случае, дело Швеца, выделенное в отдельное производство, при вторичном слушании с треском провалилось, и он был оправдан в связи с недоказанностью предъявленных ему обвинений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.